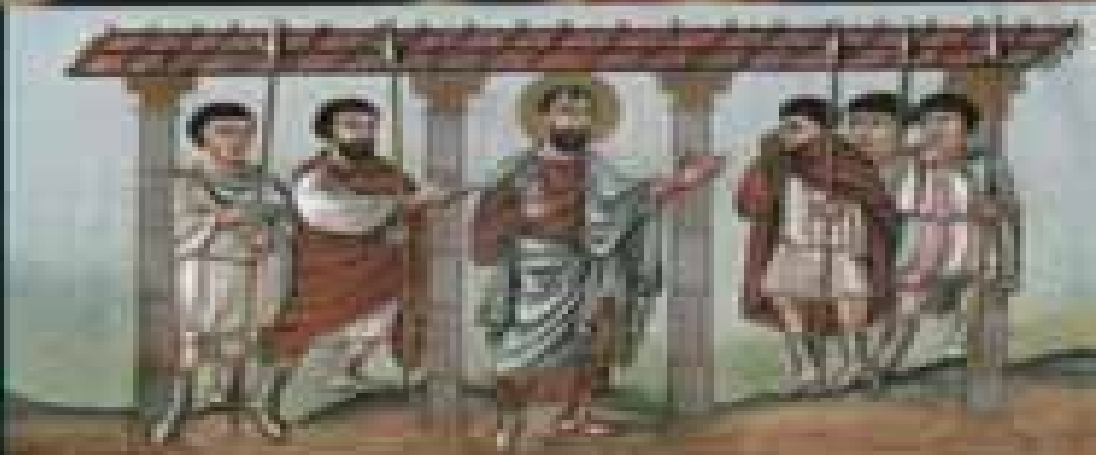

АПОСТОЛ ПАВЕЛ

Ален
Декю

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга известного писателя, члена Французской академии рассказывает об апостоле Павле, современнике Иисуса Христа, посвятившем свою жизнь распространению христианского учения. Многие исследователи считают, что именно Павел является основателем христианской религии, и ни у кого не вызывает сомнения, что «самозванный» апостол — апостол всеобщности христианства. История не сохранила подробностей жизни Павла, но многое можно почерпнуть из текстов, дошедших до наших дней и принадлежащих перу как самого апостола, так и его сподвижников и учеников.

- [Деко Ален](#)
 - [ТРИНАДЦАТЫЙ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Источники](#)
 - [ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ ПРИ ЖИЗНИ СВЯТОГО ПАВЛА](#)
 - [АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК ИМЕН](#)

- СПИСОК ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ,
УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ
- ЛИТЕРАТУРА
- Иллюстрации
- notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
 - 14
 - 15
 - 16
 - 17
 - 18
 - 19
 - 20
 - 21
 - 22
 - 23
 - 24
 - 25
 - 26
 - 27
 - 28
 - 29
 - 30
 - 31

- [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
-

Деко Ален

АПОСТОЛ ПАВЕЛ

Посвящается Бернару Деко, моему брату

Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне, как некоему извергу. Ибо я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию. Но благодатию Божиею есмь то, что есмь благодать Его во мне не была тщетна...

*Первое послание к коринфянам
святого апостола Павла (15:3—10)*

ТРИНАДЦАТЫЙ

К этому привыкнуть нельзя. Вот сейчас споют: «Снятый Боже» или «Елицы во Христа крестистесь...» (в зависимости от дня Литургии) и ты опять поднимешь над собою Апостол и выйдешь на середину храма. Батюшка возгласит «Премудрость!», и ты обрешь голос Павла, а твои товарищи по общине, твои братья и сестры станут ефесянами и солунянами, галатами и коринфянами. И в храм XXI столетия войдет горячее дыхание первого века, нетерпение молодого, становящегося христианства, в котором все только рождается и потому требует бдительности и готовности.

Порядок чтений в годовом круге неизменен, и ты за многие годы служения уже знаешь, когда придет час римлянам, когда евреям... Но раздастся «Премудрость!», и опять ни тысячелетней традиции, ни защитного покоя привычки — только огонь и тревога, свет молнии и безумие встречи, как в непрерывно повторяющемся прозрении Савла на пути в Дамаск.

Кажется, мы знаем о нем все — не только от него самого и его спутника в трудах апостола Луки, но и от писавших о нем Г. Сенкевича и Ф. Ницше, о. Александра Меня и М. Бубера, А. Швейцера и тех двух десятков богословов, писателей, философов, на которых радостно, даже восхищенно ссылается автор этой книги, обнаруживая в восхищении не соперничество с предшественниками, а братство любви к своему герою.

А уж что говорить о тысячах толкований «Посланий» апостола! Подлинно, как пишет Ален Деко, — «пролиты реки чернил». Что же при таком знании все-таки побудило французского писателя взяться за еще одну книгу об Апостоле? Он предупреждает этот вопрос с первой страницы, доверчиво и открыто, как все в этой

подкупающей книге. Воспитанник рационалистической Французской академии, потеснившей Б. Паскаля для Э. Ренана, он не был внимательным сыном католической церкви и поздно узнал, что апостол Павел не встречался с Христом, а узнав, не мог понять, как тот встал в истории Церкви рядом с ближайшим Христу Петром. И с этого удивления начался сорокалетний путь «преследования» тайны, вчитывания в судьбу своего героя, которая, становясь известнее, не делалась постижимее.

Писатель прошел всеми дорогами апостола Павла, коснулся всех камней, которых касался апостол в Малой Азии, Иерусалиме, Греции, Риме. Я знаю счастье такого пути, потому что тоже касался этих камней в Тарсе и Антиохии, в Перги и Листре, Эфесе и Троаде, знаю свет этих небес и тяжесть дорог апостола. Наверное, временами мы шли рядом. Но наше знание уже только умно и не обожжено единством мира и близостью неба. В нас во всех уже больше Ренана, торопившегося воспользоваться великой наукой XIX века, чтобы снисходительно объяснить все чудеса Христа и апостолов, в нас больше португальца Эса де Кейроша, который прекрасно пишет о каждом уголке Святой земли и знает, какими улицами шел Иосиф Аримафейский за телом Спасителя и где Христос ступил на Скорбный путь, но для которого это уже только святые, украшающие человечество «легенды». Он может сказать, что это было в те времена, «когда ангелы еще ходили по земле», но для него это останется только изящной аллегорией, а не высокой реальностью, в которой Богородица спокойно встает навстречу Архангелу Гавриилу, пришедшему с вестью о Сыне: «Я раба Господня. Да будет Мне по слову твоему», потому что «перемычка» между земной и небесной мыслью была прозрачна или ее не было вовсе, и небо было, по

слову пророка Исаии, «престол Господень, земля подножие ног Его», и они были одно.

Вот и у Алена Деко через век после Ренана все еще первенствует путь хоть уже и не такой самоуверенный, но ум, и он, приводя отрока Савла учиться в Иерусалим к Гамалиилу, может с улыбкой и тайным щегольством написать под стать своему соотечественнику: «В эту пору Иисус плотничает в Назарете, забытой богом деревушке». И его почти не ранит эта улыбочивая фраза, и он не останавливается потрясенный, что Бог забыл деревню Своего Сына. И мы тоже проскальзываем ее легко, восхитившись стилем и не дав себе труда и на минуту задуматься о страшно живой глубине мира, где в малой деревне обыденно плотничает и готовится к служению и гибели Спаситель мира, а миру это служит только поводом к эффектной фразе.

Автор чувствует опасность вхождения в небесный мир земной дверью и сразу оговаривается, что он не теолог и не богослов, а только историк — «историку же следует показать, как человек Павел» реагировал на то или другое. И слово «человек» подчеркнет. И тем дополнительно объяснит свой интерес к образу Павла — ведь это значит, что он, не видевший Иисуса, ближе к нам и, значит, поможет нам сократить дорогу к Спасителю, понять непостижимый язык откровения, так естественно и «даром» доставшийся прямым ученикам Сына Божия.

А легче нам не становится и вопросов меньше не делается. С человеческой точки зрения можно понять, что Павел ходит по одним улицам с Христом и не знает Его, а если и слышит, — не придает значения: воздух давно наэлектризован ожиданием Мессии и уже отравлен скепсисом. Сын Моисеева закона Павел, конечно, в этот роковой час мира с синагегоном и, когда бы знал о казни Христа, то, возможно, стоял бы в толпе правоверных, кричавших: «Распни Его!»

Но вот ведь не знал, не стоял, не кричал, хотя потом яростно гнал христиан. В небесном мире нет одних «человеческих» мер. Есть богочеловеческие. И святой может проходить обычной людской дорогой, но он и на ней будет с самого начала, с небесного замысла о нем нести в судьбе элемент жития, где сверхъестественное равноправно с естественным, будь то путь хирурга архиепископа Луки Войно-Яснецкого или апостола Павла. В каждом настоящем христианине, а тем более в святом, есть свое мгновение прозрения на пути в Дамаск.

Страница за страницей Ален Деко идет к этому познанию и, цитируя Д. Хильдебрандта, уверявшего, что апостол Павел на дороге в Дамаск узнал в мгновение «все и сразу», спрашивает: «Можно ли в отношениях между Богом и человеком узнать все сразу “за момент падения”?» И отвечает: «Если есть вера, то можно».

Ответ простой и верный, но только, кажется, не облегчающий пути ни ему, ни нам, потому что эти слова, «если есть вера», на деле и означают главную границу между Богом и человеком, между Человеком и человеком, между автором и читателем. Если вера есть, то дальше можно и не писать, а если нет, то хоть испишись. Но писание все-таки есть путь к вере, разворачивание этого тонкого и редкого цветка.

В одной из глав Деко со смущением пишет, что в посланиях апостола Павла «Христос огнем горит на каждой странице, а Иисус остается незамеченным», мучаясь и не понимая, как можно миновать *человеческий путь* для постижения Господнего. У самого Деко как раз долго горит огнем Савл, а незамеченным остается Павел, даже переживший откровение и ставший Павлом. Человек все перевешивает апостола. И хорошо, что автор не торопится, не обманывает себя и нас, понимая, что обманом тут не возьмешь — притвориться верующим нельзя.

Он смотрит, как мальчик Савл с самого начального детства, с первых сознательных шагов искренне и горячо начинает со слов «Благословен будь, Господь» и тем усыновляется небу, но не делает из этого дальних и скорых выводов, возможно, понимая, что и самые небесные слова без откровения не приближают неба: ведь и мы где находимся в духовном нашем состоянии — а каждый новый день начинаем с Отче наш... Значит, и для Павла дело не в одних благочестивых домашних уроках, не в одном следовании закону и не в одном ученичестве у великого Гамалиила. Все это только приготовление «почвы», чтобы однажды, когда придет час, завеса разорвалась и идущий преследовать христиан Павел услышал: «Зачем ты гонишь Меня?» — и понял и принял Христа всего и сразу — без следования Ему в иерусалимской жизни, без знания Его учения, без участия в Тайной вечере. Откровение не школьно и не экономно и дается не «по чайной ложке». Подлинно — все и сразу!

И хорошо, что Деко здесь уже не смущается, как Ренан, и не пускается в спекуляции о «магнитных бурях» Дамаска и «впечатлительности» Павла, не обнаруживает трусливых уловок ума, который во что бы то ни стало хочет остаться «на земле». И хоть он еще часто на протяжении книги будет шутить, называя Луку «нашим специальным корреспондентом» при Павле, улыбаться над ролью женщин (француз же!), уловлять нас «образованностью» Павла, подчеркивая его арамейский Христа и греческий Сократа, ссылаться на цитируемых им в посланиях афинского поэта Менандра, критского поэта Эпименида или стоика Арета, мы уже будем видеть, как его сердце проникается любовью к некогда смутившему его герою, проникается его стремительной силой и правдой. И скоро мы увидим, что он сроднится с душой апостола до того, что станет доверчиво пенять ему, когда тот будет поступать не так, как хотелось бы

любящему автору. Так после обрезания юного Тимофея автор, уже принявший выстраданную апостолом мысль о том, что обрезание не приближает ко Христу, трогательно выговаривает ему: «Почему ты разочаровываешь нас? С теми, кто тебе друг, следует быть искренним». Ему горько, что апостол преступил свою мысль без видимой надобности. Хотя если бы мы осмелели до той же близости к Павлу, как Ален Деко, мы могли бы легко предположить, что этим он хотел окончательно испытать юношу перед долгим совместным путем и страданием и приблизить его в обрезании до сыновства, ведь он и сам в этом сын закона и никогда не забывал первенства иудаизма.

Но когда подойдет для Павла час настоящего испытания, когда он соберется в последний раз в Иерусалим, зная, что единоверцы не пощадят его за проповедь язычникам, что даже и христиане брата Господня Иакова отступятся от него за нарушение закона, Ален Деко уже будет весь любовь и доверие. Он не станет вместе с несчетными толкователями, на все лады судившими апостола Луку за приблизительность и невнятность рассказа об этом важнейшем событии, искать какого-то своего здравомысленного варианта, а просто *поверит* Луке, с которым, как и с Павлом, делил долгий путь книги. Ведь Лука по-человечески, по-стариковски мог многое забыть, потому что писал Деяния апостолов спустя годы после событий, но оставался верен в главном движении сердца и общем тоне сказанного. Историк в Деко на минуту отступает перед простым движением сердца, и это дороже всех доказательств науки, потому что бывают мгновения, когда истина для читателя убедительнее доказывается верой автора, чем свидетельством документа.

Павел и Лука многому научили своего биографа, что делает книгу счастливо живой.

Мне бы хотелось обсудить с читателем в этой книге всё. И странную нереальность императоров, подлинных современников Павла — скучающего Тиберия, безвольного Клавдия, безумного Нерона — словно они из какой-то мифологической истории и страшной дали, а Павел и раньше их, и в самом живом сегодняшнем сердце — подлинно в бессмертии, которое не требует доказательств, потому что слышно во все дни истории и за каждой Литургией. И восхищение Алена Деко тем, как на его глазах рождается Первое апостольское послание Павла (из Коринфа к фессалоникийцам). Как начинается словесная архитектура христианства, соборное строительство учения (ведь и представить нельзя, что в пору этого Первого послания ни одного Евангелия еще нет, что они все впереди и это первое начертание учения, первая запись, первое чудо Слова, которое было у Бога и было Бог). И то, как «душевное» христианство борется на страницах книги с духовным, послушание закону с дерзновением, удобное с пламенным.

Но я ведь только «привратник» книги, кому выпала счастливая возможность открыть ее двери первому, и мне естественно хочется, чтобы скорее вошли другие. И потому потороплюсь сказать главное: почему эта книга насущна сегодня, как была бы насущна и вчера. Я понимаю сомнение автора, поставившего на «человека» в Павле, когда он с беспокойством спрашивает в конце: «Может, мне следовало попытаться подняться на его высоту, а не низводить его до моей слабости?» Может быть. Но можем ли мы подняться, встать вровень с апостолом одним усилием замысла? «Вырасти» можно только «не заметив», как вырастает в жизни каждый человек. Может быть, Ален Деко и низводил апостола «до своей слабости», но сам при этом высился в любви и понимании. И, может быть, с этой книгой читатель не приблизится к пониманию Христа в его святой непостижимой простоте, с какой Он открывался

тивериадским рыбакам, но зато он поймет Его в гораздо более насущном сегодня смятении мысли и сомнении.

Они не зря в русской иконе всегда рядом — простой Петр и сложный Павел, первый и тринадцатый, видевший Учителя ближе всех и не видевший вовсе, сердце и ум, любовь и вопрошание, доверие и сомнение. Они таковы и в нашем сознании. И Петра, к сожалению, в нас меньше, но зато как важно в разумном и безумном веке всякое слово о Павле.

И ничто не ушло в прошлое, потому что в вере стоит один вечный полдень, где времени нет. В те дни, когда Ален Деко заканчивал свою книгу, рядом, в родной Франции, работал умный противник апостола Павла, Константин Клуге, дядя нашего режиссера Алексея Германа, заканчивая многолетний труд об «отступничестве» апостола Павла от Закона и о враждебности его делу Христа, который пришел «исполнить Закон» и указать язычникам этот единственный путь к тайне вечной жизни и домостроительству будущего. Дело Павла по-прежнему горит в сердце современности и побуждает к газетно-живым спорам, потому что за ним судьбы истории, спасение или поражение мира. Христианство молодо, как в первый день, и все ждет от нас бдительности и бодрствования сердца и ума. Век первый, век двадцать первый... «В начале было Слово». Оно будет и в конце.

...Затихнут под сводами храма последние звуки «Трисвятого», священник возгласит «Премудрость!» и в сосредоточенной тишине вечного дня опять раздастся: «К римлянам (евреям, солунянам, галатам) Послание Святого Апостола Павла чтение...»

Вонмем!

Валентин Курбатов

Глава I

НЕБЕЗЫЗВЕСТНЫЙ КИЛИКИЙСКИЙ ГОРОД

Эта история начинается с того, что человек стал соучастником убийства, убийства без суда, каких в истории человечества было много. Такое убийство имеет свое название: побивание камнями.

И законы, и религия позволяли убивать подобным образом: для казни не надо было искать палача — хватало и обычных людей, которые старались воспламенить в себе ненависть до такой степени, чтобы безудержно разыгрались инстинкты. Каждый из действующих лиц вооружался камнем и запускал его в живую мишень. Камни летели все чаще и чаще, удары становились все сильнее и сильнее: человека убивали — убийцы состязались в ловкости.

Итак, в 34 году н. э. за городскими стенами Иерусалима сыпались камни в человека, который даже не пытался увернуться. Он лишь молился, недвижимый и коленопреклоненный. И из уст его звучали слова:

— Господи Иисусе, прими дух мой!

Град камней нарастал. Тело человека покрывалось синяками и кровавыми ранами. По костям пошли трещины. Нападающим стало жарко, и они сбросили одежды к ногам молодого человека, который, в этом нет сомнения, с одобрением взирал на происходящее: «Савл же одобрял убийство его» (Деян 8:1)^[1]. Произносил ли он слова одобрения или подтверждал его жестами?

Один камень поразил жертву прямо в голову. У человека едва хватило сил прошептать:

— Господи! не вмени им греха сего... (Деян 7:59).

Человек, которого звали Стефан, упал и умер. Стефана обвиняли в том, что он «говорил хульные слова на Моисея и на Бога» (Деян 6:11), и он предстал перед синедрионом. Незадолго до этого небольшая христианская община Иерусалима избрала его одним из семи апостольских помощников. Стефан не ограничился тем, что подтвердил обвинение, — он провозгласил во всеуслышание то, во что веровал. И тогда все собрание в едином порыве возгласило:

— Забить его камнями!

Молодого человека, к ногам которого палачи сложили одежды, звали Савл. Он был уроженцем города Тарса в римской провинции Киликия, в Малой Азии.

Уже более сорока лет фигура Павла из Тарса не дает мне покоя. Если быть точным, я заинтересовался ею тогда, когда один из моих друзей заметил: «А ты знаешь, что святой Павел никогда не встречался с Христом?» С тех пор я всегда задавал себе вопросы, когда думал о Павле. Я «встречался» с ним в тех местах, где он когда-то жил, бывал, останавливался, проповедовал иудеям учение Христа, нес Евангелие язычникам, писал свои послания, ставшие фундаментальными источниками христианской доктрины. Я «видел» его, когда он был охвачен ненавистью, когда его бросали в тюрьму, когда его неоднократно бичевали и когда он пережил побивание камнями. Я сначала посетил Эфес, а потом Таре, побывал в Салониках, затем в Иерусалиме. Из этих моих хронологических метаний я вынес впечатление о человеке, бросающем вызов всякому понятию о мере. Я двадцать лет колебался, прежде чем приступил к написанию книги о нем.

Этот человек огромен. Он предан Христу. *Apostolus furiosus*^[2]. Его огнедышащая вера потрясает. Его противоречия ставят в тупик любого. Безжалостный

гонитель христиан его методы борьбы с ними предвосхищают политическую полицию XX века — он узнал сына Божьего, когда на дороге в Дамаск Иисус обратился к нему. Самопровозглашенный апостол. Мистик и стратег. Человек с трудным характером, раздираемый бесконечными терзаниями, когда подвергает сомнению то, во что верит, но ни на йоту не отступающий от своей веры. Только Павел понял, что будущее христианства — в обращении к язычникам. Его эпистолярное наследие бесценно. Он гениально обращал людей в веру Христову. Его можно назвать архитектором христианства. Открывателем христианства назовет его в XVIII веке Реймарус, основателем христианства — в XIX веке Ницше. Павел внушил миру свое видение христианства и прежде написания Евангелий сформулировал законы, по которым будет жить Церковь.

На каждой странице жизни Павла, полагая найти то, в чем уверен, обнаруживаешь противоположное. Ему словно доставляло удовольствие стирать собственные следы, остававшиеся за спиной. Он мучает своих биографов, иногда доводя их до отчаяния. Но ему прощаешь все, потому что другого такого человека не было и нет.

Город Тарс лежит у подножия Тавра, гигантской горной цепи на юге современной Турции, которая тянется на несколько сотен километров и нависает над побережьем Средиземного моря. За пол века до рождения Савла — таково первое имя Павла — в этих горах обитали слоны, львы, леопарды, страусы, гиены, онагры (дикие ослы), медведи, кабаны, пантеры. 2 сентября 51 года до н. э. эдил Целий, которому понадобились дикие звери для устраиваемых народу зрелищ, писал из Рима Цицерону, управлявшему тогда

Киликий: «Патиск прислал Квириону десять пантер, будет стыдно, если ты не пришлешь мне много больше».

Интересно, выполнил ли Цицерон приказ?

С тех пор фауна в этих местах поредела, но в начале I века, когда родился Савл, диких зверей хватало. Однако везде, где люди отвоевывали пространство у диких животных, сразу же появлялись разбойники.

В эпоху, когда родился Савл, Октавиан — внучатый племянник и приемный сын Цезаря — уже четырнадцать лет вел ожесточенную войну против Антония, Кассия и Брута. Войну эту, по словам римского историка Диона Кассия, он вел «с мощью, на которую не способен ни один мужчина, и с мудростью, на которую не способен ни один старец». Октавиан уже носил титул императора, и сенат увенчал его священным именем Август и титулом *Princeps senatus*^[3], который возобновляли пять раз, в предпоследний раз в 3 году, в последний раз — в 13 году. На этот период и приходится рождение Савла, умножившего собой ряды населения Киликии, провинции, над которой простерлась всесильная и мощная длань Римской империи.

— Я Иудеянин, Тарсянин, гражданин небызвестного Киликийского города... (Деян 21:39).

Так будет говорить о себе в 51 году н. э. Савл, ставший Павлом. Нет никаких сведений о дате его рождения. Нам следует понять, что то подобие ярлыка, которое сопровождает нас всю жизнь: имя, фамилия, дата и место рождения, нравам I века н. э. совершенно чуждо. За неимением более точных ориентиров сегодня принято считать, что Савл родился между 6 и 10 годами н. э. Некоторые останавливаются на промежуточной дате — 8 год н. э., и я к ним присоединяюсь. Теперь посчитаем: получается, что Павел почти на десять лет моложе Христа, из-за которого факелом запылала жизнь Павла. Иисус ничего не писал, но о многом сказал. Павел говорил меньше, но много написал. Этих писаний

недостаточно, чтобы у нас сложилось полное представление о его семье и детстве, но их хватает для того, чтобы мы могли проследить его жизненный путь и попытаться раскрыть его тайну. В этом мы получаем бесценную помощь: встречу Павла с врачом Лукой, талантливым писателем, который, движимый восхищением, стал, по сути, биографом Павла. Объединив и проанализировав написанное Павлом и Лукой, можно воссоздать личность, равной которой, пожалуй, нет в античной истории. Мысли Павла оказываются известны нам гораздо лучше, чем идеи его современника императора Тиберия. Любой биограф оценит это.

Так что же такое «небезызвестный город Тарс»? Богатый портовый город, он заслуживает большего, чем исполненное ложной скромности упоминание. Откроем карту современной Турции. На востоке и в центральной части Средиземноморского побережья береговая линия резко сворачивает на юг, как бы создавая очертанием берегов огромное озеро. Недалеко от этого поворота, образующего почти прямой угол, одна сторона которого тянется до Сирии и Ливана, и расположен город Тарс. Немец Дитер Хильдебрандт, исследователь жизни святого Павла, смело пишет: «Место выбрано удачно». И, предчувствуя недоумение читателей, спешит объяснить: «Само расположение города оставляет впечатление, что гений истории направил свой карандаш, особо не задумываясь, на одну из старинных карт мира и промахнулся лишь на несколько миллиметров, стремясь попасть в точку, где сливаются в тайном союзе Восток и Запад». Образ этот, согласитесь, потрясает.

Первое известное описание Тарса восходит к I веку. Страбон пишет, что город «расположен на равнине», недалеко от моря: «Река Кидн протекает через город вдоль гимнасия для юношей. Поскольку источник, питающий реку, находится недалеко от города и

пробивается через обрывистые ущелья, вода в ней быстра и холодна. Оттого она очень полезна животным и людям, страдающим ревматизмом».

Этот город был основан хеттами около 1400 года до н. э., многие народы его захватывали, грабили, владели им: ассирийцы, македонцы, селевкиды, армяне. Был здесь и Кир, царь Персии; проходил через Тарс и Александр Македонский, рвавшийся в Азию в поисках славы: он выкупался в слишком холодных водах Кидна и едва не умер. В 64 году до н. э. римляне, захватив город, сделали его столицей Киликийской провинции. Помпею, Цезарю и Цицерону Тарс нравился. В 41 году до н. э. в Тарсе сошла на берег с «отделанной золотом и пурпуром» триремы царица Клеопатра в роскошных, едва прикрывавших тело одеждах. Она направлялась на завоевание Антония.

До сих пор чтят Клеопатру в Тарсе, городе, где живут сегодня сто восемьдесят тысяч человек и где на каждом шагу контрасты: между современными зданиями домишки, бог весть когда построенные; перегруженные поклажей ослики бредут, не обращая внимания на рев мощных грузовиков; продавцы мотоциклов соседствуют с лавками по починке ковров; древние мечети затерялись среди улиц с односторонним движением. Посреди главной улицы, на вершине высокой мачты развевается турецкий флаг — красный с белыми звездой и полумесяцем, а позади него — древние ворота, через которые, по легенде, в город въехала последняя царица Египта. Правда, археологи утверждают, что ворота построены через много лет после визита Клеопатры. Но какое это имеет значение! Тарс почтила присутствием необыкновенная женщина, которую любили Цезарь и Антоний.

На въезде в старый город, где гремит музыка и плавают ароматы пряностей, неожиданно обнаружилась надпись: *St Paul wall excavation*^[4]. Я увидел окруженную

проволочным ограждением (вход внутрь платный) длинную траншею, в глубине которой виднеются остатки еще довольно прочной стены. Эксперты подтверждают, что она относится к римскому периоду, но объясняют: это всего-навсего источник питьевой воды, огороженный кирпичной кладкой; за несколько лет до этого, проводя раскопки, турецкие археологи обнаружили участок римской дороги в прекрасном состоянии. Я спустился в раскоп, прошел по сохранившимся плитам, заверяя себя, что Савл-Павел также ступил однажды на эту дорогу, чтобы отправиться на завоевание душ человеческих.

От реки Кидн остался лишь ручеек, уже поменявший русло и лениво несущий свои зеленоватые скудные воды в море. А некогда именно река связывала Кидн со Средиземным морем и позволила ему превратиться в порт, куда стекались сокровища с трех континентов. По водам реки плыли тяжелые парусники: одни спускались к морю, другие поднимались вверх, прибывая из Александрии, Эфеса, Коринфа, Рима, Испании.

Зимой в Тарсе тепло, а летом быстро наступает жаркая погода. Я пытаюсь представить себе на давно исчезнувшей насыпи у реки Савла ребенком: вот он подходит к кучам железной руды, добытой из месторождений в горах, вот бежит между тюков с овечьей шерстью из киликийских долин, штабелями строительного леса, сплавленного по реке с гор Тавра, между рядами глиняных амфор, заполненных замечательным киликийским вином или благоухающих благовониями и духами.

Парадокс, но в этом городе, кажется, созданном только для торговли, всегда кипела интеллектуальная жизнь. Нас убеждает в том Страбон: «Жители Тарса столь страстно увлечены философией, разум их столь разносторонен, что их город, в конце концов, затмил Афины, Александрию и все другие города, которые

можно считать родоначальниками какой-нибудь философской школы или направления». Жители Тарса гордились своим городом, но охотно покидали его: «Те, кто родился здесь, нередко уезжают, стремясь к совершенству. А завершив образование, они поселяются в других местах, редко возвращаясь в родные пенаты... В Александрии обычно происходит обратное». Может быть, это зов морских просторов побеждал любовь к родному очагу?

Я вижу, как маленький Савл с интересом наблюдает окружающее, как замечает неторопливо идущего вдоль реки философа Артенодора, наставника Октавиана. Уже немолодым, по воле своего ученика, он был поставлен во главе Тарса, чтобы освободить его от грабежей Боэта, «дурного священника и дурного гражданина». Изгнанный вместе со своими сообщниками из города, Боэт расписал стены Тарса хулительными надписями, из которых до нас дошла следующая: «Деяния — удел молодых, советы — удел зрелых мужей, удел же старцев — кишечные ветры». Греческий философ во главе города — мог ли желать лучшего античный город, будь он даже римским?

Тарс в полной мере оправдывает те похвалы, которыми его когда-то удостоил Ксенофонт: «Великий и счастливый город». Народы, религии, языки — все уживалось в нем, и все уживалось мирно.

«...Обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей...» (Флп 3:5-6) — так гордо будет представляться Павел своим современникам. Если в том, что его родители были евреями-фарисеями сомнений нет, то остается вопрос: когда же они прибыли в Тарс? Святой Иероним, черпая сведения у Оригена, теолога, родившегося в I веке и признанного мастера катехезы^[5] Александрийской школы, считал, что родители Павла были уроженцами города Гисхала в Иудейской

провинции. Он уточнял: «Когда всю провинцию разграбили римские войска, а евреи оказались рассеяны по свету, семья перебралась в Тарс, город Киликийский». Предположил даже, что Савл родился в Иудее и в Тарс его перевезли младенцем.

«Я — римский гражданин!» — очень часто Павел будет говорить вслух об этом достоинстве, унаследованном от отца. В то время в Европе было не более пяти миллионов граждан Римской империи, то есть одна десятая часть всего населения. Не подлежит сомнению, что в эту эпоху, и евреи могли стать римскими гражданами. Юлий Цезарь дал гражданство правителю Иудеи Антипатру, который передал его своему сыну Ироду Великому. Иосиф Флавий, фарисей, как и Савл, получил гражданство от Веспасиана. Тиберий Александр, еврей из Александрии, племянник знаменитого философа Филона Александрийского, унаследовал, как полагают, гражданство от отца. Он с исключительной ловкостью воспользовался этим, чтобы сделать карьеру в администрации империи. Будучи причисленным к сословию всадников, Тиберий Александр стал префектом Египта в 66 году и помог Веспасиану получить власть. Флор, римский правитель Иудеи, получил порицание за бичевание и распятие евреев, принадлежавших к сословию всадников, что доказывает: в еврейской элите Иерусалима было немало римских граждан. В Эфесе, на Делосе и в Сардах тех евреев, кто имел римское гражданство, освобождали от военной службы.

В «Иудейских древностях» проницательный историк еврейского народа Иосиф Флавий отмечал, что в странах, завоеванных или контролируемых Римом, его собратья по вере являлись как бы связующим звеном между римлянами и народами, которые не так быстро принимали законы и обычаи завоевателей. Из-за этого, пишет Иосиф Флавий, он сам долгое время испытывал

противоречивые чувства: он римлянин или еврей? И так вплоть до дня, когда был назначен посредником между Римом и Иудеей, объявив себя «спасителем» своего народа. Не следует забывать при этом, что евреев в Риме воспринимали как этническую группу — «еврейский народ», которому римляне покровительствовали в той мере, в какой те были лояльны Риму.

Как евреям, так и другим народам римское гражданство давали и индивидуально, и коллективно, оно являлось наследственным. Отец при рождении сына делал соответствующее заявление властям, и ребенок тут же становился римским гражданином. Рекомендовалось составить двойное свидетельство о рождении в виде табличек, скрепленных прочной нитью. Ни в посланиях, ни в Деяниях апостолов о таком свидетельстве не упоминается.

Был ли отец Павла первым, кто получил в семье римское гражданство? Это маловероятно — вряд ли такой чести, желаемой многими, удостоился бы еврей, только что эмигрировавший из Палестины. Пожалуй, и здесь можно согласиться, привилегия доказывает: обладатели гражданства должны были прожить в Тарсе несколько поколений. То есть родители Павла не прибыли из Иудеи — Павел родился именно в Тарсе, как и писал Лука. «Нет причины, по которой Лука выдумал бы место рождения Павла», — отмечает Мишель Тримай. Увы, не правы Ориген и святой Иероним.

Получение гражданства чаще всего было связано с точно уловленной политической конъюнктурой. Во время кровавого конфликта между Октавианом и Антонием, с одной стороны, Брутом и Кассием — с другой, Тарс поддержал первых. Это навлекло на город гнев Кассия, и гнев немалый! По сведениям греческого историка Аппиана, горожанам пришлось заплатить «огромные деньги» — тысячу пятьсот талантов (один талант равен

25,8 килограмма серебра) и продать не только все городское имущество, но — что просто поразительно — часть сограждан в рабство. Однако фортуна изменчива: обнаружив, что Тарс «обескровлен и разорен», Антоний освободил город от всякой военной контрибуции, а победив Антония при Акции, Октавиан не забыл о Тарсе и осыпал его благодеяниями.

Среди постоянных междоусобиц, о которых пишет Дион Кассий, достаточно было кому-нибудь из зажиточных евреев Тарса в удачный момент взять сторону победителей, чтобы заслужить гражданство.

Любая власть на любом уровне должна была уважать римского гражданина, и неоднократно эта привилегия спасала жизнь Павла.

Семья Павла, вероятно, без особого труда влилась в еврейскую диаспору. С незапамятных времен евреи расселялись за пределами Палестины: в Азии, Европе, Африке. Диаспора по-гречески означает «рассеяние». Не все евреи, изгнанные Навуходоносором в 586 году до н. э., воспользовались разрешением Кира в 538 году до н. э. вернуться — некоторые не захотели оставлять процветающие предприятия, которыми обзавелись в Персидском царстве. Эллинизовав Ближний Восток, Александр Македонский и его преемники вынудили евреев перебраться в регионы, где говорили по-гречески. Только в Египте, по определению Филона Александрийского, жило около миллиона евреев, а Александрия стала самым большим еврейским городом мира.

Первое упоминание о еврейской общине в Риме, на берегах Тибра, датируется 139 годом до н. э.: магистрат Корнелий Испан разоблачает их обряды и верования, способные «отравить римскую мораль». В 59 году до н. э. Цицерон критикует «варварские суеверия» и, вспоминая процесс над префектом Флакком, удивляется, как много евреев на нем присутствовало.

В начале I века из пятидесяти пяти миллионов жителей империи миллион евреев насчитывался на Востоке, и еще столько же было разбросано по всему миру. В царствование Августа Страбон, а мы снова обратимся к нему, подчеркивал, что во времена Суллы (около 85 года до н. э.) этот народ уже «заселил все города», и «трудно найти место, где бы этот народ не был принят и не стал хозяином». В конце 1 века Иосиф Флавий не без гордости утверждал: «Нет в мире народа, где не было бы представителей нашей расы». Цезарь называл себя другом евреев. Август и Тиберий жестоко преследовали гонителей евреев. В I веке евреи в составе Римской империи имели право на свою юрисдикцию, хотя и применявшуюся ограниченно, их традиции уважались. Евреев освобождали от службы в армии, чтобы не нарушать священной субботы. В Риме — редчайший случай — им разрешалось служить своему богу при соблюдении некоторых правил: жертвы, принесенные Яхве, должны были рассматриваться как почести, приносимые императору-богу. Более того, ежегодный налог на иерусалимский храм собирали со всей диаспоры, и указы времен Августа позволяли евреям направлять эти средства по назначению.

Отношения между Израилем и диаспорой всегда были неоднозначны: некоторые из «старых евреев» смотрели на уехавших свысока. Не правда ли, это знакомо и нашим современникам?! Обратившись к этой проблеме, Шалом Бен-Хорин, еврейский эрудит XX века, провел параллель между Иисусом и Павлом. Он видит в Иисусе «типичного представителя палестинского иудаизма», сейчас бы сказали, что Иисус — сабра^[6]. Иисус говорил по-еврейски или по-арамейски, источником его культуры являлась Библия, и обращался он только к евреям. Совсем иначе обстоит дело с Павлом, который утверждал, что становится евреем с

евреями и греком с греками. Это позволило Бен-Хорину увидеть в Павле типичного иудея из диаспоры, который чувствует себя гражданином двух миров (точнее было бы сказать: трех миров): «мира иудейского, мира эллинистического и мира римского».

Так что же известно об иудеях, живших в Тарсе в начале нашей эры? Они были достаточно многочисленны и жили не изолированно: ни в одном из текстов не говорится об особом еврейском квартале. Они охотно поступали на службу в городскую администрацию, и никто не чинил им в том препятствий. Они свободно исповедовали свою веру, несмотря на объявленный официально культ Рима: уже на втором году своего царствования император Август провозгласил себя богом. В этом римском городе, культура которого была греческой, храмы, посвященные богам Олимпа, занимали главное место, но и мистические религии имели равное право на существование. Рожденный в Анатолии культ Кибелы, пришедший из Фракии культ Диониса, египетский культ Изиды и Осириса, сирийский — Адониса и иранский — Митры — все они рождали в сердце эмоции, опьяняли пением и безудержными праздничными плясками, поддерживали в душе надежду. Поклонники Митры орошали себя кровью только что зарезанного быка, приверженцы Адониса предавались в храмах сладострастным объятиям, принадлежавшие к диаспоре иудеи готовы были согласиться с идеями греческой философии, но с неодобрением, если не отвращением, взирали на вольности языческих религий. Отсюда то ощущение, которое всю жизнь будет сопровождать Савла и которое изложено в его послании, адресованном молодой христианской общине Рима: «Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось

несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, — то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела» (Рим 1:21–24). Яснее не скажешь.

О детстве Иисуса известно по крайней мере то, что он «преуспевал в премудрости и возрасте» и «был в повиновении» у своих родителей (Лк 2:51–52). О детстве Савла мы не знаем ничего кроме того, что жизнь ребенка в семье иудеев того времени похожа на любую другую. Мы вполне можем представить только что рожденного Савла — хрупкое хнычущее существо, возникшее из утробы матери, сидящей на «родовом стуле» в окружении повитух. Роженицу поздравляли, вознося хвалы Господу. Если рождался мальчик, значит, Всевышний благословил этот дом. Можно поручиться, что при рождении сестры этого мальчика радости было уже куда меньше. Мы знаем, что у Савла была по меньшей мере одна сестра, которую потом выдали замуж, возможно, был брат, которого Павел называл Руфом. Однако, судя по тексту посланий, брат был, скорее, приемным.

Согласно Писанию, обычай делать обрезание мальчикам на восьмой день после рождения восходит к Аврааму: «Обрезывайте крайнюю плоть вашу: и сие будет знамением завета между Мною и вами. Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий младенец мужеского пола, рожденный в доме и купленный за серебро у какого-нибудь иноплеменника, который не от твоего семени» (Быт 17:11–12). В I веке в каждой общине был специалист — мохель, действовавший по определенному ритуалу: «сделать надрез, разорвать оболочку, отсосать кровь и положить на рану примочку из масла, вина и тмина».

Имя, полученное в день обрезания, — Шаул, Саул напоминает о первом царе Израиля, несомненно, великом человеке из сынов колена Вениаминова. В греческой традиции оно будет звучать как Савлос, Савл и лишь много позднее превратится в Павла.

Как только маленький мальчик начинал говорить, отец приступал к обучению сына десяти заповедям. Глава семьи накидывал себе на плечи белый молитвенный талес с голубой каймой: белое и голубое сегодня — это государственные цвета израильского флага. Каждый день ребенок должен был повторять одни и те же строки: «Благословен будь, Адонаи, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова, Господь великий, творец неба и земли, щит наш и щит отцов наших, наше упование из поколения в поколение». Каждый день одни и те же слова, одни и те же строки, один и тот же ритм, одно и то же величие. Присутствие Яхве полностью овладевало сознанием ребенка.

В пять лет Савл пошел в школу. Он предстает перед моим умственным взором семенящим в тунике ниже колен с пляшущими у висков косичками, ибо к тому обязывает один из текстов Пятикнижия: «Не стригите головы вашей кругом» (Лев 19:27). В школе — никаких парт и пюпитров, писали прямо на колене. В каждой иудейской школе обязательно был текст Торы — свернутый пергаментный свиток. Раскачиваясь взад-вперед, дети хором твердили страницы Торы, и это помогало им потом до конца жизни помнить правила, забвение которых считалось серьезным грехом.

Ходил ли Павел в греческую школу? Ничто не понуждало родителей к этому. Он учился именно в иудейской школе, но на греческом языке. В Палестине, начиная с IV века до н. э., языком общения стал арамейский, вытеснивший древнееврейский. В диаспоре преподавание в синагогах вели на греческом.

Священные тексты заучивали на греческом, что не исключало первого ознакомления с ними на еврейском. Павел прочел Библию в версии так называемой Септуагинты — греческого перевода, выполненного в III веке до н. э. в Александрии. Все свидетельствует о том, что именно Септуагинта стала основой его религиозного мировоззрения. Экзегеты (греч. *exēgētes* — истолкователь), — а они могут докопаться до всего, — именно в Септуагинте обнаружили слово «грех» в том значении, которое придавал ему Павел, оттуда же он почерпнул такое сочетание, как «наследие Божие» и некоторые другие. Первые теологические понятия о Едином Боге, о Слове Его — Божественном Логосе и стремление к вселенской церкви — все это опирается на формулировки Септуагинты.

На жизненный выбор Павла влияла его принадлежность к фарисейству: «фарисей, сын фарисея». Чтобы понять иудаизм I века н. э., снова обратимся к Иосифу Флавию, который отмечал со времен Ионафана (около 160 года до н. э.) несколько «философий», или сект, «по-разному мысливших о вещах человеческих» и именовавшихся фарисеи, саддукеи и ессеи. Саддукеи гордились своим происхождением — из рода Аарона. Считаясь чем-то вроде аристократии, приписанной к храму, они были близки к римским властям и составляли большинство среди первосвященников. «Фарисеи, — пишет Иосиф Флавий, — верят в бессмертие души, утверждают, что за гробом людей ожидает суд: награда за добродетель или возмездие за греховную жизнь... Благодаря этому они имеют чрезвычайное влияние на народ, и все священнодействия, связанные с молитвами или принесением жертв, происходят только с их разрешения. Поэтому отдельные общины засвидетельствовали их добродетель, полагая, что фарисеи на деле и на словах стремятся лишь к наиболее

высокому». К саддукеям Иосиф Флавий не испытывает никакого почтения: «Это учение распространено среди немногих лиц, притом принадлежащих к особенно знатным родам. Впрочем, влияние их настолько ничтожно, что о нем и говорить не стоит»^[7]. Когда читаешь Иосифа Флавия — а его труды позволяют восстановить структуру общества, в котором жил Павел, — понимаешь: сам автор предпочитал ессеев. Этой религиозной секте он уделяет больше внимания, чем двум остальным, вместе взятым.

Еще и сегодня чувствуешь замешательство, представив лежавшую на фарисеях обязанность соблюдать шестьсот тринадцать заповедей! Однако заповеди не были, вероятно, ярмом ограничений и запретов — фарисеи призывали рассматривать закон Моисеев как фундамент жизни каждого человека и всего общества, повторяя, что вероучение не должно быть уделом только священников — стремиться к святости надо любому. Фарисеи пытались освободиться от власти духовенства, от эллинизированных царей династии Ирода и от самодовольных священников-саддукеев, отрицавших бессмертие души. Фарисеи хотели быть «праведными», «чистыми», знатоками вероучения, стремились в народ, открывали школы, поддерживали больных и бедных. Не правда ли, все это напоминает христианство?

Анализируя события взрослой жизни Савла, испытываешь искушение приписать ему упрямый с детства характер, даже склонность к мятежу. Однако такие проявления вряд ли могли превалировать: абсолютный авторитет главы иудейской семьи и телесные наказания быстро заставляли замолчать юного «смутьяна». Мы склонны считать Савла набожным, но лишь потому, что знаем о его принадлежности к

фарисеям, и знаем, что каждый день иудея — взрослого ли, ребенка ли — был наполнен молитвами.

Как только вставало солнце, Савл обращал лицо в сторону иерусалимского храма — каждый иудей делал так, где бы он ни жил, — и произносил первую молитву: «Слушай, Израиль, наш Бог — Бог истинный, Бог единый...» По крайней мере три раза — утром, после полудня и вечером — он благодарил Господа за оказанные ему милости. Каждый день он должен был произнести как можно больше благословений. Конечно, невозможно знать наверняка, охотно ли следовал этим ритуалам Савл, будучи ребенком. Но он, безусловно, каждую неделю ходил в синагогу с родителями, чтобы отметить святую субботу. Трудно удержаться, чтобы не представить, как Савла иногда охватывали порывы, устремляющие человека к Господу, чье всепоглощающее присутствие ты внезапно ощущаешь.

Обычно состоятельные иудеи из диаспоры обучали свое потомство на нескольких языках. Для Савла в детстве два языка являлись главными: еврейский, которому он был обязан выучиться, и греческий как родной, переданный от матери. На большей части Римской империи в то время говорили на греческой койне — общем языке, понятном всем. Деяния апостолов заставляют предположить, что Савл знал и арамейский (Деян 21:40; 22:2), но сам он использовал в посланиях лишь отдельные слова из этого языка: «авва» или «маран-афа» из традиционной лексики первых христиан. Мы не знаем ни одного текста, написанного Павлом на латыни, но не следует забывать, что он жил в городе, где структура официальной власти была организована на римский манер — власть, армия, полиция. То есть каждый житель должен был уметь хотя бы объясниться с представителями власти. Впрочем, в городской администрации часто звучал греческий, дабы было

понятно жителям Тарса. Прекрасный реванш родины Сократа над римскими завоевателями!

Все письма Павла — знаменитые послания — написаны по-гречески. Он, судя по цитатам, знал произведения афинского поэта Менандра, критского поэта Эпименида, стоика Арата. Пуристы (лат. *purus* — чистый) пристально изучили написанное Павлом: разглядели там элементы разговорного стиля, какие-то неологизмы — иногда те же, что употреблял Цицерон! — но ничего такого, что давало бы основание считать, будто греческий он знал плохо. Греческая речь Павла грамотна и чиста.

Мы ничего не знаем о том, каким было его жилище — наверное, это был квадратный дом, каких на Востоке много, окруженный садом. Но мы вполне свободно можем представить те ароматы еврейской кухни, которые встречали вернувшегося из школы мальчика: запах горячего хлеба, только что вынутого из печи, являвшегося основой питания евреев Палестины и диаспоры (недаром по-древнееврейски «есть хлеб» означало просто «поесть»), запах жаренной на решетке рыбы. Горели дрова в очаге, запекался на вертеле ягненок. Раб ошипывал голубя на ужин. Поджаривались на оливковом масле овощи: огурцы, бобы, чечевица. Наверняка Савл угощался и изысканным лакомством — кузнечиками, среди которых, согласно кулинарному трактату той эпохи, насчитывалось восемьсот съедобных разновидностей: их ели отварными, подсоленными, как мы едим сегодня креветок. Все блюда были щедро приправлены каперсами, тмином, шафраном, кориандром, мятой, укропом.

Савл наверняка знал, что свинину, зайчатину и мясо других животных можно вкушать лишь после того, как выпущена кровь. Родители конечно же объяснили Савлу причину: «Душа любой плоти — это кровь, а съесть душу

животного — значит подвергнуть себя большой опасности».

В своих посланиях Павел вспоминает о ремесле, с которым даже в своем апостольском служении никогда не расставался: *skenopoios*. Это слово можно перевести как «изготовитель палаток». Традиция фарисеев предписывала отцу преподавать своему сыну какое-то ремесло. Можно представить себе, как Савл ежедневно трудился в мастерской среди братьев, постигая секреты искусства *skenopoios*. Как не вспомнить об отце, который внимательно следил за тем, чтобы ремесленники его мастерских приобщали сына к делу. Процветание города Тарса связано именно с ткачеством. Помимо вышитых тканей и тонкого батиста в Киликии производили грубые ткани из козьей шерсти, которые так и назывались — *cilicium*, «килийские». Также позднее стали называть и власяницы, которые христианские мистики носили прямо на теле для умерщвления плоти. В античном обществе была велика потребность в палатках: начиная с накидок для тела и навесов для телег и лодок, заканчивая огромными праздничными палатками, похожими на наши шашито, вмещавшими до четырехсот человек. Изготовителей палаток тоже было великое множество, и, по словам Диона Кассия, о численности их высказывались противоречивые суждения: «Говорят, что их стало слишком много, и им вменяют в вину беспорядки и волнения. А потом с ними вновь обращаются, как с необходимой частью общества, и окружают уважением».

Во время своих пастырских путешествий Павел часто будет обращаться к ремесленникам и торговцам тканями: Лидии, «торговавшей багрянницей» в Филиппах, ткачам или торговцам тканями в Эфесе. Когда он отправился со Словом Божиим в Ликаонию, то пошел — может, совершенно неосознанно — по дороге, которой

обычно следовали купцы из Тарса за козьей шерстью в горы Тавра.

Трудно удержаться, чтобы не представить себе Савла-мальчика, с любопытством заглядывающего в мастерские, где трудятся рабочие его отца. Здесь кроили, сшивали, собирали палатки. У тканей, особенно сделанных из козьей шерсти, особый запах, который был памятен Савлу всю жизнь. Если работали с кожами, к кисловатому запаху шерсти примешивался другой, горький запах. Тот, кому довелось побывать на Востоке, знает: вряд ли ремесленники станут работать молча — то один окликнет другого, то кто-то пошутит, а остальные рассмеются, то затянут во все горло песню, прославляющую солнце, ветер, море и — как же без этого? — любовь... То же было и во времена Савла.

Когда палатки отвозили для погрузки на корабли, Савл, конечно, бежал за телегой — какой мальчишка этого не делал? — и, наверное, подставлял свое детское плечо, чтобы помочь выгрузить тюки на набережной.

Как Савл учился? Без сомнения, замечательно. Иначе отец не собрал бы всю семью и не объявил: его сын освоил в вероучении все, что можно было изучить в Тарсе, а теперь отправится продолжать обучение в Иерусалим, город — светоч иудаизма.

Я ясно вижу, как в молчании внимала иудейская семья судьбоносным словам главы семейства. Возможно, в этот момент глаза матери застилала слезы: что ждет ее сына? То, что выбран был Иерусалим, никого не удивляло, но впечатляло: юноша, направляющийся в город Господень, это не просто ученик — это паломник. Алия — буквально «восхождение», этим древнееврейским термином обозначают такого рода паломничество^[8].

А сколько же лет исполнилось на тот момент Савлу? Лука пишет, что он проводил жизнь в Иерусалиме «от юности своей» (Деян 26:4). Традиция этапов ученичества

позволяет нам узнать это достаточно точно: в пять лет юный иудей приступает к изучению Библии, в десять — наступает этап Мишны^[9], в тринадцать он должен соблюдать заповеди, в пятнадцать лет переходит к Талмуду, в восемнадцать — женится.

Можно ли представить, что Савл отправился в Иерусалим женатым? Вышеизложенное подсказывает, что речь идет, скорее, о пятнадцатилетием возрасте. Как следствие, можно принять 23 год н. э. как год отъезда Савла из Тарса.

К тому времени уже миновало девять лет, как умер император Август, и Римом правит Тиберий. В 23 год некий Иисус, Йешуа плотничает в Назарете — забытой богом деревушке, о которой никто из современников и не упоминает. Иисусу тогда было лет двадцать семь.

В тот момент, когда юный Савл отправился из Тарса навстречу своей судьбе, что-то должно было ему, очевидно, подсказать: его ведут мистические силы. Но оставим наши предположения: мы не знаем, что он чувствовал, мы не знаем, о чем он думал в тот момент.

Глава II

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

Слева от юного путешественника — горы Тавра, справа — море. Пока Савл будет двигаться по дороге на Адану, он будет чувствовать себя в Киликии, а значит, дома.

Савл отправился в путь воскресным утром: так осмотрительно поступал любой иудей, чтобы путешествовать шесть дней подряд вплоть до остановки в очередную субботу. Дорожная сума оттягивала юноше плечо. В ней, кроме одежды, лежали всякие мелочи, столь дорогие сердцу пятнадцатилетнего отрока. Если он путешествовал зимой, то, значит, заворачивался в плащ — простой кусок ткани с отверстием для головы, накинутый на шалук, иначе говоря шерстяную тунику, спускавшуюся ниже колен, но не до земли. Чтобы подол не мешал, тунику надо было подтягивать поясом. Если Савл отправился в Иерусалим летом, свернутый плащ был уложен в сумку. Может, юноша сожалел, что не сел на какой-нибудь корабль, кои регулярно отправлялись из Гарса в порт Кесарию? Думаю, нет. Вряд ли отец позволил сыну так облегчить путешествие: алия предполагала преодоление трудностей.

Куда бы в ту эпоху ни направлялись путешественники, они без конца жаловались на тяготы пути: рытвины, куда проваливались повозки; дороги, залитые водой; скользкая грязь, где можно увязнуть или покалечиться; пропасти, куда легко свалиться; тропы, ведущие неизвестно куда и откуда; неуклюжие проводники; угроза нападения разбойников; опасная для здоровья вода; пытка комарами, укусы которых, как тогда уже догадывались, могли вызвать массовые

заболевания, — не даром Плиний советовал защищаться от этих насекомых дымом. К этому следует добавить языковые барьеры и случайные ночлеги — гостиницы, в которых всех обирали, а мест для отдыха всегда не хватало. Все это Савл испытал на себе, но алия есть алия.

Выйдя из Аданы в направлении Антиохии, он прошел по огромному мосту — триста десять метров длиной, который римляне перекинули над двумя протоками в устье реки Сар. Из двадцати четырех арок этого моста к началу третьего тысячелетия сохранились четырнадцать.

Задумывался ли Савл о прошлом тех мест, по которым шагал? Вряд ли: для него подлинной историей была история из Библии. Первым иудеем был Авраам. Савл наизусть знал его жизнь, но вряд ли мог определить, когда это происходило. Юноша ступил на землю Сирии, но откуда ему было знать, что цари Эблы за двадцать веков до этого создали здесь империю, древнейшую во всей Азии? Из Библии Савл знал об ассирийцах: они когда-то окончательно покорили этот регион, разрушив города и изгнав их жителей. Известно ему и имя Александра Великого, потому что этот завоеватель был греком и в Тарсе его чтили. Савл знал поименно многочисленных иудейских царей.

Недавних властителей Земли обетованной Библия не упоминает, и поэтому Савл, наверное, помнил лишь Ирода Первого, называемого еще Иродом Великим, — это имя должно было дойти и до Киликии. Ирод получил свою корону из рук римлян. Более чем за двадцать лет до путешествия Савла его царство после смерти поделили между собой три сына. Каждый из них, по милости римлян, получил лишь крохи. Так что в Иерусалиме давно безраздельно правили римляне. Прокуратор, или префект, осуществлял власть от имени императора. Знал ли Савл имя Помпея? Может быть,

поскольку от него исходило все зло: в 63 году до н. э. Помпей, соперник Цезаря, расправившись с пиратами, терроризировавшими Средиземноморье, обрушился на царей, правивших в Малой Азии, и разбил их. Он превратил Сирию в римскую провинцию. Когда он обратил взор на Палестину, то обнаружил: ее раздирают междоусобные войны за власть. Это пришлось на руку Помпею, осадившему Иерусалим, захватившему город и проникшему в храм, где римский завоеватель — величайшее богохульство! — осквернил святилище. Об этом Савлу должны были рассказывать, и он наверняка это запомнил.

Наконец Савл прибыл в Антиохию — город, ослепивший его. Юноша, столь гордившийся родным Тарсом, не мог и вообразить, что на земле существует нечто более великолепное. Представьте себе поселение, раскинувшееся между рекой Оронтом и склонами Сильпия; через город пролежала широкая, длиной четыре километра, главная улица, бесчисленные улочки вились по холмам, вдоль ущелий, горных потоков, поражало обилие садов. Иосиф Флавий в своей оценке категоричен: Антиохия, греческая метрополия, расцветшая на Востоке, — третий город мира после Рима и Александрии. Я так и вижу, как Савл застыл в восторге перед огромным амфитеатром, вырубленным прямо в скале Сильпия, и цирком, как он восхищается огромным форумом и императорским дворцом, воздвигнутым на острове посреди реки Оронт.

Пятьсот тысяч жителей! Савл потерялся в толпе куда-то спешащих людей, которые, судя по внешнему виду, наслаждались жизнью. Ритор Либаний пишет об Антиохии как о городе, где царил свет: «Ночами солнце сменяют иные светильники. День и ночь отличаются лишь тем, что освещают их разные источники света. Усердные труженики едва замечают разницу и, довольные, продолжают работать в кузницах. Кто

пожелает, может петь и танцевать хоть всю ночь напролет, так что находится время, чтобы послужить и Гефесту, и Афродите».

Далее Савлу следовало выбрать: либо ему и дальше двигаться на восток по трансиорданской тропе — зачатку будущей римской дороги, или повернуть на юг. Уверен: он предпочел юг. Параллельно Средиземноморскому побережью еще египтянами за две тысячи лет до нашей эры была проложена дорога. Сначала ее использовали только для прохода выючных животных — ослов или мулов, но позднее на ней можно было встретить и тяжелые деревянные повозки, которые тащили онагры, а когда в Средиземноморье появились верблюды из Монголии, установился и караванный путь. Ясно, что столь оживленная дорога вполне годилась и для пеших путников. У нее было название, которое вполне могло заставить размечтаться юного путешественника: Морская дорога.

Покидая Антиохию, Савл уже знал, что ему придется задержаться, ожидая обоз или караван. Путешествовать в одиночку было чистым безумием: путник мог стать жертвой разбойников. Их банды представляли собой сборища профессиональных попрошаек, солдат-дезертиров, беглых рабов, у которых воровство настолько вошло в привычку, что, как забавно пишет Иосиф Флавий, «когда им некого грабить, они грабят друг друга». По дороге постоянно, в обоих направлениях двигались караваны. Чтобы к ним присоединиться, достаточно было заплатить главному караванщику. Так Савл и поступил.

Имелись два лекарства, спасающие от однообразия и скуки подобного путешествия. Во-первых, юный фарисей не мог нарушать выученных с детства обрядов по чтению-повторению молитв. Они заставляли погружаться в мысли о Создателе всего сущего. Во-вторых, любого в пятнадцать лет снедает страсть к

познанию неизведанного, и Савла поджидали на пути чудесные открытия.

Все сильнее давила на плечо Савла походная сума, все тяжелее передвигал он ноги. Через четыре или пять дней пути от Антиохии юноша достиг города Лаодикеи (сегодняшняя Латакия), славившегося плодородием окрестных полей. Еще несколько дней — и тропа пролегла по берегу реки Адонис, обретающей в сезон дождей странный красный цвет из-за железных руд, которыми выстлано дно. Еще дальше — обрывистый скальный берег, отвесно уходящий в море, так что приходилось продвигаться по тоннелю, пробитому в скале; строительство его задолго до эпохи римлян потребовало, наверное, сверхчеловеческих усилий. Таких подземных переходов в античном мире было немало, и Сенека их ненавидел: «Нет ничего длиннее этих темниц, ничего темнее этих факелов, свет которых не позволяет ничего увидеть в потемках, но лишь увидеть сами потемки». Как и Сенека, Савл наверняка страдал от пыли: «Она крутится в воздухе... и ложится на тех, кто ее поднял». Вот уже и Библос, и его финикийский порт, широко открытый морским просторам. Вот Бейрут (Берутус), ценимый за прекрасный климат настолько, что император Август одарил его именем любимой дочери: Юлия Августа Феликс. Вот прославленный Тир, орошаемый реками, текущими с Антиливана. Сюда стекались ввозимые и вывозимые товары: серебро, железо, сирийская пшеница, армянские скакуны, олово из Корнуолла, свинец из Испании, медь из Киликии. В Кесарии Приморской, где Иродом Великим был построен порт, Савл прощался со средиземноморским берегом, свернув на восток к Иерусалиму. Оставалось пройти еще километров шестьдесят — на два дня пути. Когда Савл дойдет до цели, он оставит позади семьсот пятьдесят

километров — таково расстояние от Тарса до Иерусалима.

Сегодня, в XXI веке, ни один из уголков мира не упоминается так часто, как этот. Арабы и евреи, терзающие и убивающие друг друга, словно задались целью воссоздать въяве страницы Ветхого и Нового Заветов. Названия Иерусалим, Газа, Хеврон сегодня печально известны всем. Кровавые события нынешнего времени веками отмечают те места, где когда-то пролегали пути царя Давида и Иисуса.

А юный Савл шагает все дальше. Он оставил Морскую дорогу и идет по равнине Шарона, где золотятся поля пшеницы, растут оливковые деревья, опустившие ветки под тяжестью плодов, вьются обширные виноградники как свидетельство богатства края. Юный путешественник поднялся по склонам первых холмов Иудеи, поросших дубами, терпентиновыми деревьями, можжевельником и кипарисами. Понемногу растительность поредела, и склоны стали скалистыми. Савл совсем забыл об усталости, ибо он близок к цели своего путешествия. Поразительно: сколько раз в Тарсе он воздавал хвалу Иерусалиму, даже не подозревая, что город Давида лежит среди гор.

И вот дорога делает последний поворот — перед Савлом расстилается «повисший между небом и землей» священный город.

Можно ли забыть свое первое впечатление от Иерусалима? Не ошибусь, если скажу: нет. За несколько дней до Рождества 1965 года едва живой после многих лет полетов самолет пролетел над песками Иордании и приземлился к вечеру в аэропорту Аммана с небольшой группой французов, которые решили во что бы то ни

стало присутствовать на рождественской ночной мессе в Вифлеемской базилике. Несколько иорданских солдат, одетых в мундиры очень «британского» покроя, подтолкнули нас, впрочем, вполне приветливо, к автобусу. Состояние дороги явно свидетельствовало о недостатке средств на ремонт. Мы вцепились в ручки кресел и не отрывали взгляда от окон в надежде увидеть после очередного поворота долгожданные городские стены. Было еще светло. Большинство из нас никогда не видели Иерусалима.

Мы въехали в город, не заметив этого. Темнота опустилась неожиданно. На городское освещение, похоже, денег тоже не хватало. На небе не было ни краешка луны, ни единой звездочки, чтобы различить хотя бы силуэт христианской церкви, хоть тень синагоги, хоть что-нибудь похожее на минарет. Лишь однажды в свете фар внезапно возник патруль арабского легиона, чеканящий шаг. Нас высадили из автобуса, выгрузили багаж и подтолкнули к зданию, где наконец-то прорезался свет. Дверь распахнули монахи, встретив нас с тем радостным удивлением, с каким встречают родных людей, вернувшихся в семью после долгих странствий.

Мы разместились в школе, откуда выехали на каникулы ученики. С первыми лучами солнца я уже стоял у открытого окна, разглядывая впервые в жизни иерусалимскую улицу. Это была арабская часть города, поделенного надвое с того момента, когда израильская армия признала, что не может справиться с солдатами Глубб-паши. Согласно перемирию от 3 апреля 1949 года посреди города возникла практически непреодолимая стена — источник бесконечных споров, ряды колючей проволоки и мины, по обеим сторонам стены встали вооруженные караулы. Чтобы посмотреть израильскую часть города, а мне этого очень хотелось, пришлось забираться на холм, по другую сторону которого

угадывалось кипение городской жизни. Грохот строительных работ, шум моторов, гудки машин заставили нас замолчать.

Мне нравилась та тишина, в которой я иногда оказывался в Иерусалиме. Я ходил по улицам, где Иосиф и Мария несли в храм младенца Иисуса, чтобы представить его Господу, а фоном моих мысленных картин на библейские темы служили зубчатые стены, возведенные крестоносцами или мамлюками. Рано утром я в одиночестве бродил по переулкам, почти не изменившимся за две тысячи лет. Иногда иорданские гиды комментировали для нас страницы Библии. Тогда еще археологи не установили, что *Via Dolorosa* вовсе не настоящая *Via Dolorosa*^[10]. Лавочники-мусульмане продавали четки и «кресты Иисуса». В подвале одного монастыря, а монастырей в Иерусалиме множество, мне показали плиты двора, где Иисус ожидал своей неминуемой участи, в то время как римские солдаты, охранявшие его, играли в кости: в «доказательство» подлинности продемонстрировали расчерченный клетками каменный пол.

Я не забыл ничего: ни мечетей, ни Масличной горы. Мы попали в Вифлеем на рождественскую службу. В церкви стояла плотная — плечо к плечу — толпа, привлеченная сюда скорее любопытством, чем высоким религиозным чувством. При возношении Даров иорданские солдаты взяли на караул. В пестрой компании собравшихся они показались нам наиболее духовно углубленными.

Как должен был чувствовать себя Савл перед стенами Иерусалима? От юноши, стремящегося жить по заповедям, пропитанного историей Израиля, именами и деяниями пророков, царей, героев еврейского народа, стоило ожидать, что он зарыдает, рухнув на колени. Пожалуй, я нарисовал слишком романтическую картину, а Савл из Тарса сентиментальным никогда не был.

О граде Давидовом неустанно твердили исполненные гордости раввины: «Кто не видел Иерусалим, не знает, что такое прекрасный город». Презрительное замечание Цицерона: «Иерусалим всего лишь деревушка» — свидетельствами современников не подтверждается. Ирод Великий построил в городе не только водовод, крайне нужный для Иерусалима, но и крепость Антонию, мощные башни которой вздымались над эспланадой храма. Построил он и царский дворец, вокруг которого в верхнем городе теснились дома богатых людей и гетер, башни Мариам, Гиппика и Фараэля. Весь этот неприступный город, в том числе и окружавшая его стена длиной в четыре с половиной километра, был полностью выстроен из желто-белого камня, добываемого на окрестных холмах.

Через какие городские ворота вошел Савл в Иерусалим? Через Западные, именуемые также Ворота садов? Тогда, вступив в город, он сразу же очутился в запутанной сети улиц, переулков, проулков, столь узких, что местами там не могли разойтись два ослика с поклажей. Ни симметрии, ни перспективы, совершенно разнокалиберные строения: богатые дома покрыты черепицей, бедные — а их большинство — камышом, обмазанным глиной. И повсюду — синагоги. Савлу понадобится, очевидно, немало времени, чтобы с этим богатством разобраться: четыреста восемьдесят синагог, по одной на каждые пятьдесят два жителя! Но все это меркло перед величием иерусалимского храма. Едва в 20 году до н. э. кровавый царь Ирод заложил первый камень храма, он сразу заслужил титул «Великий». Когда Савл пришел в Иерусалим, работы по постройке храма еще не закончились: уже более сорока трех лет под контролем тысячи священников десять тысяч рабочих вершили труд, достойный строительства пирамид египетских фараонов. Сколько чудес обнаружил Савл за стеной — длиной 491 метр и

шириной 310 метров, — воздвигнутой на месте храма Соломона! Огромные стены, опиравшиеся прямо на гору, поддерживали этот архитектурный ансамбль. Фрагмент стен сохранился до наших дней — это Стена Плача в Иерусалиме. Каждый, кто входил через какие-нибудь из восьми ворот, останавливался, потрясенный зрелищем гигантских дворов храма, следовавших один за другим: двор язычников — сюда могли входить неиудеи, здесь назначали встречи, гуляли, беседовали, обсуждали дела жители города; двор женщин, двор мужчин, двор священников. За ними — жертвенный алтарь, дальше — святилище и наконец — Святая Святых, куда мог входить только первосвященник.

Дерево, камень, мрамор, драгоценные металлы — все поражало взор. С первых рассветных лучей до захода солнца здесь встречались тысячи людей. Когда наступало время больших религиозных праздников, особенно Пасхи и праздника Кущей, толпы паломников диаспоры прибывали отовсюду, так что сейчас нам даже непонятно, как все эти люди здесь умещались. Иосиф Флавий утверждает, что только за один год в жертву было принесено 250 600 ягнят — это из расчета по одному ягненку на десять человек соответствует двум миллионам иудеев (хотя следует, конечно, принять во внимание, что Иосиф Флавий несколько преувеличивает). В толпе смешивались и сливались разные одежды и краски: более скромные одеяния палестинских иудеев и разноцветные наряды евреев диаспоры — красные и черные туники, белые, желтые, полосатые накидки. Нигде в мире такого, пожалуй, больше не было.

Ждал ли кто-нибудь Савла в этом городе? Трудно представить, согласитесь, чтобы отец, занимавшийся изготовлением палаток, отправил своего отпрыска в путь, не подумав о пристанище для него. В Иерусалиме жила сестра Савла. Мы знаем, что у нее был сын,

который, когда придет час, бросится на помощь своему дяде, оказавшемуся в заточении. Вряд ли стоит сомневаться в том, что сестра устроила брата у себя, во всяком случае до тех пор, пока он не поселился у учителя, уже ожидавшего ученика. Не без трепета Савл — превратившийся к тому времени в Павла — будет позднее вспоминать о годах своего ученичества: «я... воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе» (Деян 22:3).

Одним из самых уважаемых раввинов того времени был этот самый Гамалиил, фарисей, которого Павел называет «законоучитель, уважаемый всем народом» (Деян 5:34). Его так чтили, что именовали, по еврейской традиции, *rabban*, а это сильнее, чем *rabbi* или *rabbin*. Его дед Гиллель-старший был известен тем, что основал в Иерусалиме академию. Послания Гамалиила, доходившие и до Киликии, излагали идеи по синкретизации иудейского закона и греческой философии, и такое соединение не столь уж несовместимо, как кажется на первый взгляд. Во времена Маккавеев иудеи говорили о своем родстве со спартанцами. Цари династии Иродов сделали Иерусалим широко открытым для эллинизма. Надписи, позволявшие ориентироваться в храме, писали на трех языках: древнееврейском, греческом и латыни. Во многих синагогах Иерусалима молились на латыни и на греческом.

Следует поразмышлять над образом Савла, сидевшего «при ногах» учителя. Может, по образцу философских школ Гамалиил уводил своих учеников прогуливаться куда-нибудь, например к храму? Это маловероятно. Иудейский законоучитель принимал учеников в свой дом. Так возникала связь, которую невозможно было расторгнуть. Гамалиил в первый же день занятий наверняка сформулировал правило,

которое ученики считали законом: «Возьми себе учителя, ибо тогда ты избежнешь сомнения». Ученики должны были называть его отцом. Обучаясь у Гамалиила, Савл начал одинаково свободно излагать свои мысли на греческом, еврейском и арамейском. Он достаточно основательно изучил право, чтобы современники воспринимали его как юриста по образованию. К этому следует добавить и некоторые познания в медицине: путешествуя потом, он часто будет лечить больных. Но главное знание заключалось в исчерпывающем изучении Книги книг — Библии.

В посланиях Павел предстает как эрудит: он цитирует Библию, апокалипсические писания. Когда Павел заявляет о воскрешении после смерти, он всего лишь разделяет верование фарисеев в суд после смерти, который наказывает злых «вечным узилищем» и позволяет добрым пережить еще одну жизнь. В эпоху Гамалиила охотно верили в создания, переходные между Богом и человеком, — демонов и ангелов. Впрочем, такое убеждение разделяло большинство эллинизированных интеллектуалов Востока.

Не позволялось подвергать сомнению ни одного слова учителя! Слово Гамалиила и есть истина, а об истине не спорят. «Ученик должен быть, как водоем с завершенной внутренней облицовкой, так что он не пропускает ни капли воды» — так писал Иоханаан Бен-Закаи, расхваливая своего ученика Элиезера.

«...И преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий», — напишет позднее Павел (Гал 1:14). Это высказывание не отличается скромностью, но звучит убедительно. Учение Савла длилось долго; по мнению некоторых, слишком долго. Слушая речи Павла в конце его жизненного пути, прокуратор Иудеи Порций Фест воскликнул:

«безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия» (Деян 26:24).

Учился Савл в городе, оккупированном иноземными солдатами, но не покоровившемся им. Вскоре после его появления в Иерусалиме, при префекте Понтии Пилате, между 26 и 36 годами н. э. народные волнения были жестоко подавлены и еврейский народ едва терпел римское присутствие. Люди только и мечтали об изгнании завоевателей. Некий самаритянин призывал толпы к оружию, взывая к памяти Моисея-освободителя. Иуда из Гамалы руководил антиримскими выступлениями зилотов. Они создали что-то вроде движения сопротивления: безвестные пророки обращались к народу, объявляли, что ими движут высшие силы, и призывали к мятежу. Были в моде харизматики: некоторые считали, что на них снизошли необычайные духовные дары (пророчества, видения, глоссолалия), дарованные им Господом. Покаянные секты возглавляли последователи Иоанна Крестителя, которому отрубили голову в 28 году. Ессеи, удалившиеся от мира на берега Мертвого моря, пытались достичь абсолюта.

Наверное никогда больше иудеи так часто не вспоминали об Илии — его возвращение должно было предшествовать появлению Мессии, которого ожидали с постоянно нараставшим, лихорадочным нетерпением. Слово «мессия» происходит от арабского *Maschiah* (арамейское *Meschiha*) и означает «помазанный, отмеченный царским помазанием, освященный Господом». Слово это древнее. Согласно пророку Исаии, Мессия «...жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьет нечестивого. И будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедр Его — истина» (Ис 11: 4-5). И люди не сомневались: Мессия освободит Израиль от римского ига.

Довелось ли Савлу в годы ученичества слышать в доме Гамалиила о некоем Иисусе из Назарета Галилейского, мерившем тогда шагами равнины и горы, призывая иудеев приблизиться к Богу и следовать закону?

Взглянем подробнее на хронологию. Вероятнее всего, Савл прибыл в Иерусалим в 20-х годах. На основании правдоподобных дат Иисус принял крещение от Иоанна Крестителя в 27 году и начал проповедовать. В этом же году Савлу исполнилось девятнадцать лет. Было бы удивительно, если бы он слышал что-то о странном человеке, известном лишь в окрестностях Тивериадского озера. Иисус, продолжая пророчествовать, впервые появился в Иерусалиме на Пасху 28 года. Он привлек внимание тем, что пытался изгнать торгующих из храма. Громким событием это, однако, не стало. Так могло ли дойти слово Иисуса до ушей Савла, жившего в затворничестве в доме учителя? Можно предположить, что Гамалиил, который был очень близок к высокопоставленным священникам, узнал о негодовании менял и торговцев жертвенными животными, которых пытались принудить убраться из храма, но рассказал ли он об этом своему ученику? Вряд ли. Чтобы в это поверить, надо очень этого захотеть.

В Пасху 30 года Иисус снова пришел в Иерусалим. На этот раз его появление всколыхнуло слишком многих — власти обеспокоились и поспешили устранить возможного лидера нового восстания. Если принять хронологию синоптических Евангелий, то это произошло в пятницу 7 апреля 30 года. В полдень этого дня осужденного распяли на кресте, над головой в знак насмешки сделали надпись: Иисус Назорянин, Царь Иудейский. Казнь совершилась в Иерусалиме, за воротами Эфраима, у подножия холма Гарев. В три часа пополудни римский легионер, пробив ударом копья правый бок Распятого, оборвал Его жизнь. Друзья

добились у римского наместника Понтия Пилата разрешения унести тело. До наступления темноты, по канонам наступавшей субботы, к могиле привалили камень в форме колеса, как это и было предписано.

О случившемся говорили мало. Конечно, у Иисуса были последователи, ученики, сторонники — иначе Его не казнили бы, но в городе, насчитывавшем двадцать пять тысяч жителей, их набиралось всего лишь несколько сотен.

Евангелист Лука утверждает, что на пути Христа собиралось «великое множество народа» (Лк 23:27), но наверняка большинством двигало нездоровое любопытство, такие люди всегда толпятся у места казни, ожидая развлечения, и именно они несколько часов спустя, горяча свою кровь, кричали Пилату: «Распни его!» В этой толчее были, конечно, и охваченные отчаянием друзья, ученики, коих потом причислят к двенадцати апостолам.

При известии о том, что Иисус скончался, некоторые из его последователей не смогли победить страх и спрятались. Большинство затаились, напуганные распятием, — такая пытка предназначалась только рабам! А вдруг преследования продолжатся? Три дня прошли в слезах, тяжких сомнениях — и вдруг, передаваемая из уст в уста, пролетела невероятная весть: Христос воскрес!

Все, кто разделял убеждения Иисуса, тоже возвратились к жизни.

А Савл, которому исполнилось на тот момент уже двадцать два, продолжал учиться. Есть вероятность, что о смерти Иисуса он слышал. Взволновало ли его это? Не более, чем судьба еще одного лжемессии. Учитывая, что их по древним дорогам бродило немало, особого его внимания они не привлекали.

Лишь много позже Савл узнает, что первосвященник, к которому привели Иисуса, спросил его: «Ты ли Христос,

Сын Благословенного?» И Иисус ответил: «Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных» (Мк 14:61–62). Обычно, когда лжемессию разоблачали или казнили, его немногочисленные последователи рассеивались. Но с этим казненным все обстояло иначе.

Сколько же в Иерусалиме было христиан? Очень мало. Деяния апостолов свидетельствуют о пяти тысячах уверовавших после Пятидесятницы, но такая цифра малодостоверна: новообращенных было на порядок меньше. Вера в воскресение Иисуса оставалась достоянием самых близких ему учеников, женщин, семьи. Они собирались вместе, чтобы говорить об Иисусе, и называли себя на этих собраниях братьями. Большинство общины состояло из галилеян, пришедших в Иерусалим вслед за Иисусом. Почему же, несмотря на угрозы и, возможно, отсутствие средств, они так упорно оставались в городе? Не потому ли, что были уверены: Иисус вернется во славе туда, где был распят?

О жизни этого маленького сообщества мы знаем лишь то, что некоторые продали все имущество, передали средства в общее владение и вместе принимали трапезу. Лука пишет, что они «принимали пищу в веселии и простоте сердца» (Деян 2:46). Каждый день они посещали храм. А почему, собственно, христиане должны были от этого отказываться? Они были и оставались иудеями, и Иисус сказал: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф 5:17).

Савл жил у Гамалиила с духом библейского Бога в душе. Мы можем представить, каким он был: исполненный глубокой убежденности, уверенный, что нет спасения без следования закону Моисееву, готовый

вспыхнуть праведным гневом против тех, кто этот закон нарушит.

А маленькая община последователей Христа тем временем росла. Стали вырисовываться уже и принципы ее организации. Иисус торжественно препоручил Петру, бывшему рыбаку с Тивериадского озера, оставившему свои сети и пошедшему за Христом, нести дальше то учение, что Он проповедал. Остался и Иоанн, «ученик, которого любил Иисус» (Ин 21:7). С общего согласия эти два человека взяли в свои руки бразды правления.

Совершенно непредумышленно Петр и Иоанн раскрыли тайну, о которой предпочитали молчать: о воздействии словом, о силе слова. Это событие произошло в храме. Накинув на плечи молитвенный талес, оба вошли в двери храма, называемые Красными. У входа сидел профессиональный нищий, калека с рождения, хорошо известный прихожанам, который назойливо потребовал у них денег. Петр остановился и, взглянув ему в глаза, сказал: «Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи» (Деян 3:6).

Нищий встал. Толпа иудеев увидела, как он вошел в храм, «ходя и скача, и хваля Бога», дошел до притвора Соломона и до двора язычников. Присутствующие были поражены. Пришли священники и начальники стражи при храме. Петра и Иоанна арестовали. Их не могли судить сразу же, так как быстро темнело, и оставили под арестом до утра, заточив здесь же, в храме. На следующее утро апостолов вывели на суд высшей судебной власти иудеев — к синедриону. Первосвященник Анна председательствовал в собрании священников, старейшин и книжников. Привели туда и перепуганного калеку, обретшего способность ходить. На этой торжественной ассамблее заседали, разместившись полукругом, многие из тех, кто недавно осудил Христа, например Каиаф. Попавшим под

подозрение учинили допрос: «Какою силою или каким именем вы сделали это?»

Отвечал Петр, которого я ясно вижу: крупный и крепкий, привыкший управлять своей лодкой и вытаскивать тяжелые сети с рыбой: «То да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он перед вами здрав. Он есть камень, пренебреженный вами, зиждущими, но сделавшийся главою угла, и нет ни в ком ином спасения».

Лука констатирует: «Видя смелость Петра и Иоанна и приметив, что они люди некнижные и простые, они удивлялись» (Деян 4:7—13).

Можно было ожидать, что подобную дерзость покарают суровым приговором. Но ничего подобного не произошло. Синедрион счел, что произошедшее не имеет особого значения и не стоит рисковать, подталкивая людей к беспорядкам, так раздражавшим римлян. Петра и Иоанна решили Отпустить, приказав им «не говорить и не учить о имени Иисуса».

Но задержанные ответили синедриону резко: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?»

Никто из синедриона и рта не раскрыл, а Петр и Иоанн уходя предупредили: «Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Деян 4:19-20).

Эти события знаменуют поворот в истории христианства. Правда, само слово «христиане» появится позже, в Антиохии. Мы же будем его здесь использовать для удобства читателя.

Итак, последователи Христа, продолжавшие после его казни исповедовать иудейскую религию, не находя в ней ничего противоречащего новой вере, неожиданно вступили в конфликт с теми, для кого Иисус были лишь смутьяном, осужденным справедливо. Петр и Иоанн,

продолжившие публично проповедовать учение Христа, были снова арестованы. На этот раз им грозило длительное тюремное заточение (евреи по приказу римских властей не имели права никого приговаривать к смертной казни). Когда апостолы вновь предстали перед синедрионом, поднялся один из присутствующих — Гамалиил, да-да, тот самый Гамалиил, и заявил: «Мужи Израильские! подумайте сами с собою о людях сих, что вам с ними делать... отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; *берегитесь*, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (Деян 5:35–39).

Петра и Иоанна всего лишь били плетьюми.

Сегодня, в XXI веке, нас не удивляет, что учиться приходится больше десяти лет. Дадим десять лет на учебу и Савлу, хотя некоторые, наверное, сочтут, что нечему учиться десять лет в I веке, да и человек мог надеяться тогда всего лишь на двадцать пять лет жизни. Среди тех, кто серьезно задумывался над этими вопросами, прежде всего отметим Андре Шураки, израильтянина французского происхождения, чей авторитет в этой области неоспорим. Он не только перевел на французский Ветхий Завет, но и обратился к Новому Завету, который, по его мнению, «соединяет в гармоничном синтезе два мира: мир иудеев и мир греков на страницах, где создается особая красота». И далее исследователь продолжает: «Основываясь на греческом тексте, зная технику перевода с еврейского на греческий и отзвуки еврейского в греческой койне, я попытался в каждом слове, в каждой строке дойти до семитской основы, чтобы затем снова вернуться к греческому, обогатившись новыми идеями, прежде чем перейти к французскому». Автор считает, что «Шаул из

Тарса, Павел, еврейский апостол язычников, вероятно, самый мощный еврейский гений своего времени».

Согласно мнению этого исследователя, вся жизнь Павла подтверждает, что он «никогда не порывал со своими иудейскими корнями, с библейской и талмудической традицией, которую он знал лучше, чем другой великий иудей своего времени — Филон Александрийский». Внимательнейшее изучение писаний Павла свидетельствует о том, что его выводы строятся аналогично иудаистской традиции толкования текстов. Это же подчеркивал и Ф. Амио, преподаватель семинарии Сен-Сюльпис, утверждая, что Павел «был искушен в тонкостях рассуждений в духе раввинов». Андре Шураки приходит к заключению, которое выглядит убедительнее, чем просто гипотеза: Павел и сам был раввином, в 30-х годах н. э. он служил в одной из синагог Иерусалима. Монсеньор Джузеппе Риччотти, создавая психологический портрет Павла в духе современного католицизма, похоже, не сомневается в этом, когда пишет: «У раввина Савла определяющей идеей является закон Моисеев и иудаистская традиция».

Как же выглядел взрослый Савл в расцвете сил? Ему не откажешь в физической выносливости: это доказывают изнурительные пешие переходы, которые он совершал неоднократно, и сила, продемонстрированная при кораблекрушениях, — а он трижды тонул в море, причем после одного из кораблекрушений ему пришлось плыть целый день и целую ночь, пока его не спасли.

Когда мы читаем послания Павла, мы его слышим, ибо в словах такая мощь, они столь убедительны, что сразу веришь в сказанное и поступаешь по слову его. Поэтому желание наделить апостола красноречием Демосфена в апогее славы и величественной осанкой Моисея, повелевающего морю расступиться, естественно.

«Деяния Павла», составленные неизвестным автором около 150 года н. э., разочаровывают: «Он увидел Павла, человека малого роста, с плешивой головой, кривоногого, сильного, со сросшимися бровями, с немного изогнутым носом». Поражает то, что традиция изображать Павла невысоким, лысым, бородатым практически не изменилась с первых отрывков восточного происхождения. Правда, следует задаться вопросом, какова ценность этого текста, который давным-давно отнесен к апокрифам. В XX веке были обнаружены другие рукописи — различного происхождения и различной датировки, позволившие воссоздать значительную часть этого памятника и обнаружить его полное название: «Деяния Павла согласно апостолу». Похоже, что целью этого сочинения было изложение миссионерской деятельности Павла, не совпадавшее с версией, которую давал в Деяниях апостолов Лука, бесспорный свидетель жизни Павла. Когда вспоминаешь об упреках, которые так часто повторяют в адрес Павла, можно лишь удивляться, что «Деяния Павла» столь благосклонны к женщинам. Эта особенность, среди прочего, позволила Тертуллиану упрекнуть автора сочинения: «Если некоторые женщины ссылаются на “Деяния Павла”, которые не по праву носят это название, чтобы защитить права женщин наставлять и крестить, пусть знают: это сочинение составил некий малоазийский пресвитер, как бы желая поддержать авторитет Павла своим; но будучи уличен, признался, что написал это из любви к Павлу. Пресвитер покинул свой пост»^[11].

Признания виновного, кажется, убедили не всех. Вилли Рордорф, известный специалист по апокрифам, изучил «частые, но пунктирные» аллюзии на «Деяния Павла», которые встречаются у многих авторов как Востока, так и Запада. Их использовали еще в VI веке. Ритор Никита Пафлагонийский прибегал к «Деяниям

Павла» в X веке. Все это приводит нас к мысли, что описание внешности Павла соответствует тому его образу, который прочно укоренился в сознании первых поколений христиан на обширных территориях.

Стоит обратить внимание на одну фразу в Деяниях, дополняющую предполагаемый портрет Павла: «Иногда он выглядел человеком, а иногда у него было лицо ангела». То есть лицо Павла имело богатую мимику, ощущалась изменчивость выражения. В этом, возможно, следует видеть отражение общего для античности стереотипа, который охотно противопоставлял физическое уродство красоте духа. Сократ был весьма уродлив, но привлекал молодых людей. Подробный анализ текстов, проведенный Ж.-Р. Армогатом, указывает, что у Павла были необыкновенно выразительны взгляд и руки: «Жест соучастника, стерегущего одежды палачей Стефана; жест апостола, добавлявшего в конце записанного писцом послания свои строки; жест мученика, чьи руки в оковах». В Антиохии Писидийской и Иерусалиме, воздев руки, Павел пытался успокоить гнев толпы. А взгляд? Лука часто обращает внимание на пристальный взгляд апостола. Используемый им глагол *atenizein* — редкий — встречается почти только в Деяниях апостолов и обозначает «пристально и настойчиво смотреть». Именно так смотрел Павел на членов синедриона. И не только на них.

Есть еще вопрос, который кажется неуместным, но задаться им стоит: был ли Павел женат? Мы знаем, что юного иудея в восемнадцать лет ожидала женитьба. Традиция эта восходит к незапамятным временам и объясняется не только религией, но и физиологическими причинами: молодой человек старше восемнадцати мог сбиться с пути и завести опасные связи. Женитьба защищала его. Трудно представить, что Савлу удалось избежать брака. Сложность заключается в том, что ни в

посланиях, ни в Деяниях апостолов нет никаких намеков на женитьбу Павла. В Первом послании к коринфянам Павел пишет о себе как о человеке, которому жена не нужна, и выражает желание — тем хуже для женатых, — «чтобы все люди были такими, как я», добавляя: «безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я» (1 Кор 7:8). Греческое слово *agatos*, которое переводится как «безбрачный», означало «не имеющий жены», иначе говоря, человек без спутницы жизни, прилагалось и к тем, кто никогда не вступал в брак, и к вдовцам, и к проживающим отдельно от супруги. Читатель волен выбирать. Может, Павел был женат, но в какой-то период жену потерял? Следует признать, что экзегеты и историки, верящие в существование брачных уз Павла, пребывают в меньшинстве, но твердо стоят на своем.

От христиан в Иерусалиме становилось все больше шума. Этому способствовало появление в лоне молодой христианской общины евреев из диаспоры, многоязычных и отличавшихся широтой взглядов. Они были очень непохожи на местных иудеев, живших в закрытом обществе, говоривших дома по-арамейски и читавших в храме Тору по-еврейски. Когда иерусалимские иудеи стали презрительно называть евреев из диаспоры эллинистами, они хотели соединить в этом слове иронию и раздражение.

В Деяниях сохранился отзвук их первого столкновения: «В эти дни, когда умножились ученики, произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей» (Деян 6:1). Речь идет об общих трапезах, устраиваемых в память о вечере, которую Иисус разделил со своими учениками накануне ареста и казни, а евреями именуются палестинские иудеи. При общинном образе жизни этот вопрос достаточно

серьезен: нельзя, чтобы кто-то ощущал себя обиженным или униженным. Никто из двенадцати апостолов не мог да и не хотел отказываться от духовной и административной ответственности, хоть она и становилась все тяжелее. «Тогда двенадцать Апостолов, созвав множество учеников, сказали: нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах. Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости; их поставим на эту службу, а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова. И угодно было это предложение всему собранию; и избрали Стефана, мужа, исполненного веры и Духа Святаго, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая Антиохийца, обращенного из язычников; их поставили перед Апостолами, и сии, помолвившись, возложили на них руки» (Деян 6:2-6).

Иосиф Флавий назвал приверженцев Христа «эллинистической сектой». Ошибиться и вправду невозможно: эти семь имен — эллинистического происхождения, а последний, видимо, был обращен из греков. Добрая воля, проявленная апостолами, приводит к парадоксу: чтобы доказать равенство всех христиан в лоне первой церкви, создают государство в государстве — если эллинисты жалуются, пусть они сами разбираются между собой! Заручившись освящением по апостольскому благословению, эти руководители, которых станут называть диаконами (хотя в Деяниях апостолов это слово не используется), возьмутся решать не только вопросы принятия сообща пищи, но обретут в короткое время некую экономическую самостоятельность.

Вскоре о Стефане, «муже, исполненном Веры и Духа Святаго», заговорили больше, чем обо всех остальных. Молодой, активный, никогда не отступающий, доводящий дело до конца, убедительный в речах — таким он предстает перед нами. Может быть, он был

родом из Александрии, потому что его стиль в какой-то мере напоминает стиль Филона Александрийского, почитаемого иудейским населением этого города. Потомки сочли, что именно Стефан совершил революционный выбор: иудейский закон не должен стоять выше наставлений Иисусовых.

В том, что новообращенные из евреев упорно следовали и закону Моисееву, и заветам Христа, Стефан увидел умаление Христова наследия. Он не просто бросился в дискуссиях защищать истину, он возглашал ее повсеместно. Наделенный харизмой, Стефан, как сообщается, «совершал великие чудеса и знамения в народе» (Деян 6:8).

Бросавшаяся в глаза независимость Стефана незамедлительно встревожила евреев-христиан, а еще больше — религиозную верхушку храма. Секта, основателем которой являлся галилейский плотник, всерьез не принималась и до времени не причиняла хлопот. Ну пришлось наказать плетью двух смутьянов — они и затихли. И вдруг этот Стефан!

Вот тут в действие вступил Савл из Тарса. Воспитанный в эллинистическом духе, но умом привязанный к закону Моисееву, он, что вполне логично, стал противником Стефана, тоже эллиниста, но еретика. Чаша переполнилась. Стефана обвинили в том, что он говорит «хульные слова на святое место сие, и на закон». Против него настроили народ, старейшин, книжников. Стефана схватили и привели к синедриону. В этой толпе был и Савл Тарсянин.

Возбужденный люд подтвердил: «Мы слышали, как он говорил хульные слова на Моисея и на Бога». Растерявшийся первосвященник — скорее всего все тот же Каиафа, покинувший свой пост только в 36 году, — спросил, так ли это.

Стефан не стал ничего скрывать — наоборот, заговорил так: «Мужи братья и отцы! послушайте. Бог

славы явился отцу нашему Аврааму в Месопотамии, прежде переселения его в Харран, и сказал ему: выйди из земли твоей и из родства твоего и из дома отца твоего, и пойди в землю, которую покажу тебе».

Не удивительно, что после такого начала пошло изложение всей истории народа: Исаак, Иаков, двенадцать патриархов, Иосиф в Египте, Моисей и дочь фараона, Исход из Египта, золотой телец, десять заповедей, поселение на Святой земле, колена Израилевы, цари, Давид, Соломон и его храм. Сколько это длилось: два часа? три часа? И чем дальше Стефан говорил, тем больше росло недоумение: что этот человек хочет доказать? Ждать оставалось недолго: Стефан представил Моисея как человека, которого иудеи не поняли: «Он думал, поймут братья его, что Бог рукою его дает им спасение; но они не поняли... Сего Моисея, которого они отвергли, сказав: кто тебя поставил начальником и судьей? сего Бог чрез Ангела, явившегося ему в терновом кусте, послал начальником и избавителем. Сей вывел их, сотворив чудеса и знамения в земле Египетской, и в Чермном море, и в пустыне в продолжение сорока лет».

И Стефан разит дальше: «Это тот Моисей, который сказал сынам Израилевым: Пророка воздвигнет вам Господь Бог ваш из братьев ваших, как меня; Его слушайте». А евреи что? Не выслушали Моисея, самого великого еврея в истории. Пришел пророк, объявленный Моисеем, — это и есть Мессия, но судьи синедриона отвергли его!

Когда Стефан произнес это, наверняка синедрион вознегодовал. Крики возмущения раздались и тогда, когда Стефан узрел в факте построения иерусалимского храма знак ослепления евреев, непонимание ими воли Божьей: Господу не нужны рукотворные храмы. Он выразил это устами пророков: «небо — престол Мой, а

земля — подножие ног Моих; где же постройте вы дом для Меня?..» (Ис 66:1).

И Стефан сказал, не в силах сдержаться: «Жестоковыйные! люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделались ныне вы, — вы, которые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили».

И тут Стефан «воззрел на небо» и, перекрывая голосом крики, завершил: «Вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога».

Был ли среди тех, кто, по словам Луки, «со скрежетом зубовным» отвергал образ Иисуса, стоящего одесную Бога, Савл из Тарса? Он никогда и представить не мог, что кто-то осмелится на такое богохульство! Величие Бога столь неизмеримо, что ни один иудей не имеет права написать имя Божие. Чтобы не было такого соблазна, Господа принято было обозначать набором непроизносимых согласных. Невыносимая мысль о том, что какой-то плотник стоит по правую руку от Всемогущего, леденила Савлу кровь.

Синедрион намеревался судить Стефана, но на глазах судей на него набросилась толпа, его скрутили и уволокли. «И, выведя за город, стали побивать его камнями»^[12].

Второзаконие предписывает: «Если найдется среди тебя в каком-либо из жилищ твоих, которые Господь, Бог твой, дает тебе, мужчина или женщина, кто сделает зло пред очами Господа, Бога твоего, преступив завет Его, и пойдет и станет служить иным богам, и поклонится им, или солнцу, или луне, или всему воинству небесному, чего я не повелел, и тебе возвещено будет, и ты

услышишь, то ты хорошо разыщи; и, если это точная правда, если сделана мерзость сия в Израиле, то выведи мужчину того, или женщину ту, которые сделали зло сие, к воротам твоим и побей их камнями до смерти» (Втор 17:2–5).

Предписанного для подобного случая расследования проведено не было. Факт признали свершившимся. Савл Тарсянин следовал за палачами и присутствовал при экзекуции вплоть до наступления смерти Стефана.

Глава III

ДОРОГА НА ДАМАСК

По улицам Иерусалима в страхе бежали люди, за которыми гнались преследователи и хватали бегущих. Мольбы, проклятья, угрозы, крики ужаса или боли леденили кровь. На улицах Иерусалима шла охота на христиан. Пойманных волокли в тюрьму. Ни один квартал не был пощажен. Евреи устроили погром евреям, и длилось это долго — днем и ночью. Все эти подробности извлечены из текста очевидца — того, кто эту охоту вел.

Ярость его внушала ужас: он подзадоривал на насилие других и сам охотился на христиан. Тем, кто интересовался, кто же этот молодой незнакомец — ему было лет двадцать пять, — тут же отвечали: Савл из Тарса.

Да, это был он. Негодование, вызванное речами Стефана, не утихло в душе, а жгло сердце: в нем поселилась безграничная ненависть. Христиане, которых так преступно долго никто не замечал, превратились во врагов, а врагов следовало уничтожить. В послании, которое двадцать лет спустя Павел отправит одной христианской общине Центральной Анатолии, он напишет: «Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее» (Гал 1:13).

Преследование христиан началось прямо в день казни Стефана: «В те дни произошло великое гонение на церковь в Иерусалиме...» (Деян 8:1). Павел всю оставшуюся жизнь будет мечен этим событием. Он расскажет об участии в гонении христиан трижды: в Послании к галатам, один раз в Послании к коринфянам и дважды в Послании к филиппийцам. Причем из

сказанного ясно, что он не только говорил против последователей Иисуса, но и действовал, прибегая к насилию. Обратимся к главному свидетелю, Луке: «А Савл терзал церковь, входя в дома и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу» (Деян 8:3). Со слов Луки мы знаем, что Савл так поступал неоднократно, и первосвященник это поддерживал. Он описывает Савла, который обезумел от гнева, «...дыша угрозами и убийством на учеников Господа...» (Деян 9:1).

Луке же мы обязаны подтверждением слова «смерть», которое произнес Павел, обращаясь много позже к толпе в Иерусалиме: «Я даже до смерти гнал последователей сего учения, связывая и предавая в темницу и мужчин, и женщин» (Деян 22:4).

В своих посланиях Павел не скрывает, что он хотел уничтожить церковь, иначе говоря, уничтожить христиан, что прежде был их хулитель и гонитель, и обидчик.

Сильное ожесточение, непримиримость человека, который позднее станет святым, выглядит странно, и некоторые задаются вопросом: не скрывается ли за этим какой-то давний кризис религиозного сознания? Иначе говоря, не означает ли это, что уже в то время Савл отошел от иудаизма. Вряд ли. Савл пришел в Иерусалим из Тарса, чтобы изучать богословие, а затем стать наставником в вероучении; уроки Гамалиила позволили ему достичь этой цели. После случившегося со Стефаном Савл сам себя называл «ревнителем отеческих моих преданий», то есть учения иудаизма, и не более.

Есть один немаловажный вопрос: прежде чем терзать и мучить христиан, неужели Савл никогда их не выслушивал? Трудно поверить в то, что люди не попытались объяснить, растолковать ему смысл своей веры. Неужели сердце его было закрыто так наглухо, что он оставался бесчувственным к мольбам мужчин,

слезам женщин? Так же, как и он, христиане ссылались на пророков, утверждая, что те говорили о приходе иудея Иисуса, что его предназначение — поднять, искупить грехи людские, принести в мир гармонию и посеять любовь между всеми народами. Давал ли Савл возможность гонимым сказать ему это? Сам задумывался ли над оригинальностью новой веры? Когда мы приступим к рассказу о главном событии в его жизни, ответ на этот вопрос будет найден.

В то время как «мужи благоговейные» тихо похоронили останки Стефана, иерусалимские христиане, которых пока пощадил погром, пытались, как могли, ускользнуть от гонений. Власти не подумали о том, чтобы закрыть ворота города, и христиане, бежав из Иерусалима, рассеялись по Иудее и даже по Самарии. Они должны были быть очень сильно напуганы, чтобы устремиться в Самарию, провинцию, к которой евреи питали неприязнь. Раввины клялись, что в этой стране «вода более нечиста, чем свиная кровь». В Евангелии сохранились следы этой ненависти: в описании того негодования, которым был встречен неожиданный разговор Иисуса с самаритянкой у колодца.

Христиане, нашедшие убежище, «ходили и благовествовали слово» (Деян 8:4). Поразительно случившееся с эллинистом Филиппом, одним из семи руководителей христианской общины. Едва прибыв в Самарию, он принялся «проповедовать Христа», а вскоре по всей провинции заговорили о чудесах, которые он творил. Как сказано в Деяниях, «нечистые духи из многих, одержимых ими, выходили с великим воплем, а многие расслабленные и хромы исцелялись. И была радость великая в том городе» (Деян 8:7–8). Очевидно, речь идет о городе Себастии, построенном Иродом Великим.

Слух о чудесах дошел до Иерусалима, из которого, в отличие от многих, апостолы не ушли. Синедрион их не тронул: они не были сторонниками Стефана, кроме того, регулярно посещали храм, что свидетельствовало о их приверженности иудейской вере.

Как только вести о Филиппе дошли до Петра и Иакова, они поняли, что их «брату» требуется поддержка. Оставив дела по созданию иерусалимской церкви христиан другим апостолам, Петр и Иаков поспешили присоединиться к Филиппу. Когда самаритяне обратились к апостолам с просьбой дать им крещение, перед теми встала сложная дилемма: самаритяне — иудеи, но отпавшие от официальной веры, поэтому Петр и Иаков должны были рассматривать их не только как нечистых, но и как еретиков. Имели ли апостолы право отступить от официального осуждения? Похоже, они не колебались: «возложили руки на них, и они приняли Духа Святаго» (Деян 8:17).

Лука вкладывает в уста Павла и такие слова: «Я... в чрезмерной против них ярости, преследовал даже и в чужих городах» (Деян 26:11). Дважды в своих посланиях Павел говорит о знаменитом сирийском городе Дамаске. Последователей новой религии было немало среди евреев, давно поселившихся в Дамаске: уже в IX веке до н. э. в городе существовал еврейский рынок. Иосиф Флавий утверждает, что в Дамаске в начале I века жило около пятидесяти тысяч евреев. Это немало.

Когда Савл решил отправиться в Дамаск, местная христианская община состояла, видимо, в основном из приверженцев эллинизма, обращенных в новую веру сподвижниками Стефана. Ослепленный ненавистью, Савл даже явился к первосвященнику Каиафе и попросил у него письма в дамасские синагоги: «кого найдет последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим» (Деян 9:2). Записавший это Лука напрасно поверил подобному: синедрион не

обладал никакой властью над синагогами Дамаска. Можно, правда, допустить, что Савл обзавелся письмом-предупреждением, адресованным сирийским евреям, об угрозе, которую представляли мятежники-христиане.

Солнце жгло поредевшую траву, стоял зной, а по дороге снова шагал сын Тарса. Хотя эти места стали римской провинцией еще семьдесят лет назад, здесь было неспокойно. Цари династии Ирода и набатеи^[13] без конца конфликтовали друг с другом, не давая Риму установить мир, достойный римского величия. Закрепившись в горах над Дамаском, набатеи успешно контролировали караванную торговлю между Аравией и Сирийским побережьем; кроме того, это был прекрасный плацдарм для разбойных нападений на город. С 30-х годов здесь шла перманентная война. Между 33 и 34 годами Дамаск отверг власть Рима.

Чтобы пересечь объятые войной районы, Савл присоединился к одному из караванов. От Иерусалима до Дамаска двести восемьдесят километров. Если двигаться быстро — а караван шел быстро, и если вставать рано — а вставали рано, такое путешествие занимает семь-восемь дней. Шли караваны по наиболее короткому пути, поднимаясь по долине Иордана.

Перед глазами Савла простерлась синева Галилейского моря, сияющая от солнечных бликов. Он прошел через Тивериаду и Кафарнаум, не подозревая, что здесь несколькими годами раньше перед безмолвной, внимающей толпой прозвучали притчи Иисуса. Он поднялся на Голанские высоты и продолжил путь на высоте 700 метров над уровнем моря по каменистой степи. Здесь почти всегда дул резкий ветер, который — единственное преимущество — немного смягчал жар солнца. Слева от караванной тропы тянулась огромная стена хребта Антиливана. Отовсюду

была видна благодаря высоте в 2814 метров и заснеженной вершине священная гора Герм.

Цель путешествия приближалась. Пейзаж преобразился: развесистые платаны, шумящие веерами листьев пальмы, благоухающие розы и жасмин, сады, через которые текла вода по ирригационным каналам, — все радовало глаз путешественника, измученного засушливой пустыней. Караван подходил к Дамаску.

И тут случилось нечто невыразимое: ослепительный свет ударил в глаза, объял Савла. Он зашатался и рухнул в пыль на дороге. Спутники кинулись к нему, окружили. Он открыл глаза, но увидел лишь черную тьму. Савл ослеп.

Забудем картины Рубенса, Караваджо и Микеланджело, изображающие Савла упавшим с коня. Он не был римским всадником и не состоял в свите царька Ирода Антипы, а следовательно, мог путешествовать только пешком. О том, что с ним на самом деле случилось, Савл рассказывал неоднократно словами, над каждым из которых следует поразмыслить. Для него не было никаких неясностей: он встретил Иисуса. Павел пишет в Послании к галатам: «Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам...» (Гал 1:15-16); в Первом послании к коринфянам: «Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего?» (1 Кор 9:1); и далее: Христос... «после всех явился и мне, как некоему извергу» (1 Кор 15:8).

То, что ему выпало, было столь невероятно, что навсегда врезалось в память. Встреча обрела для Савла такую реальность, что он уподобит ее явлению воскресшего Христа двенадцати апостолам. Позднее Павел, желая, чтобы его воспринимали как равного

Петру, Иоанну, Андрею, Матфею, Варфоломею, Фоме и остальным, сам станет называть себя апостолом — посланником. Такая дерзость вполне соответствует его характеру, поскольку численность апостолов — двенадцать — была определена еще в тот момент, когда заменили отпавшего Иуду Искарота. Откроем Апокалипсис: «Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца» (Откр; Апок 21:14). Никто не предвидел появления тринадцатого апостола. Тем более что апостолы должны были свидетельствовать как очевидцы: воскресший Иисус был тем самым человеком, которого они знали как своего учителя. Заметьте, что Лука в Деяниях ни разу не называет Павла апостолом. Однако это не мешало Павлу в своих письмах постоянно указывать этот «титул». В Послании к римлянам: «Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол...» (Рим 1:1), «... через Которого мы получили благодать и апостольство...» (Рим 1:5); в Первом послании к коринфянам: «Павел, волею Божиею призванный Апостол Иисуса Христа» (1 Кор 1:1); в Послании к галатам: «Павел Апостол, избранный не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцем» (Гал 1:1). Он повторял вновь и вновь: его апостольское призвание дано было свыше: «Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор 5:17).

Павел не сообщает об этой встрече никаких точных сведений, никаких деталей, которые придали бы занимательность его рассказу. Никогда с его уст не слетит ничего, не достойного такого исключительного дара. Лука, однако, не стал следовать этому и дал шанс биографам. Деяния не могут быть поставлены под сомнение, потому что Лука трижды возвращается к тому, что произошло на дороге в Дамаск, и каждый раз изменяет свой рассказ. Если бы речь шла о тексте,

созданном для восхваления заслуг Павла в распространении христианства, Лука, наверное, постарался бы все три раза воспроизвести идентичный текст.

Сравним эти версии. Первая вписывается в рассказ о жизни Павла, представленный Лукой: «Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь... встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать. Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя. Савл встал с земли и с открытыми глазами никого не видел. И повели его за руки, и привели в Дамаск» (Деян 9:3–8).

Второй вариант представляет собой отрывок из речи Павла, произнесенной в 58 году перед враждебной ему толпой в Иерусалиме: «Когда же я был в пути и приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня великий свет с неба. Я упал на землю и услышал голос, говоривший мне: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Я отвечал: кто Ты, Господи? Он сказал мне: Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь. Бывшие же со мною свет видели, и пришли в страх; но голоса Говорившего мне не слышали. Тогда я сказал: Господи! что мне делать? Господь же сказал мне: встань и иди в Дамаск, и там тебе сказано будет всё, что назначено тебе делать. А как я от славы света того лишился зрения, то бывшие со мною за руку привели меня в Дамаск» (Деян 22:6—11).

Третья версия тоже основывается на словах Павла, обращенных к иудейскому царю Агриппе в Кесарии, во дворце римского правителя Феста. Эти слова он говорил уже не разгоряченной толпе иудеев, а высокопоставленному лицу: «среди дня на дороге я увидел, государь, с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною. Все мы упали

на землю, и я услышал голос, говоривший мне на еврейском языке: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна. Я сказал: кто Ты, Господи? Он сказал: «Я Иисус, Которого ты гонишь»» (Деян 26:13-15).

Сопоставим: в первой версии Савла обволакивает свет и он слышит голос; его спутники голос слышат, но ничего не видят. Во второй версии он слышит голос, спутники же видят свет, но голоса не слышат. И в третьей версии он слышит голос, а его спутники видят только свет.

Такие расхождения могут вызвать подозрения: да было ли это на самом деле? Но если мы будем внимательнее, то заметим, что эти слова в уста Павла вкладывает Лука, поступая как искусный автор диалогов, а он таковым и был. Плохие драматурги заставляют всех персонажей говорить на одном языке — языке автора. Другие — изменяют стиль, смысл и интонацию в зависимости от роли. В первой версии Лука говорит от себя как повествователь. В двух других говорит его герой, причем говорит так, чтобы это выглядело убедительно для разных аудиторий: для толпы в Иерусалиме и для царя Агриппы в Кесарии.

Главное — доверять самому Павлу: ему явился Иисус. Я снова процитирую здесь слова Павла, вынесенные эпиграфом к этой книге: Иисус «явился Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братьев в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне, как некоему извергу» (1 Кор 15:5-8).

Один из самых компетентных комментаторов творчества Павла Юрген Беккер, занимающийся толкованием Нового Завета в Киле, полагает даже, что одно это явление Христа — пусть оно не сопровождалось словами — «дало Павлу возможность

понять смысл послания и миссию», доверенную ему. Но нет ничего удивительного в том, что случившееся принималось с оговорками и даже с некоторыми сомнениями. С того момента, как встреча обрела мистический смысл, рациональное объяснение уже не нужно. Разум материалиста отвергает подобное рассуждение, но христиане вот уже две тысячи лет принимают его.

Чтобы раскрыть смысл послания и смысл миссии, необходимо обратиться к текстам. Начнем с главного: «Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати...» (1 Кор 15:3-5). Эти несколько строк, которые мы читаем без всякого удивления — настолько хорошо они нам известны, — имеют огромное значение, я бы даже сказал, безмерное. Они представляют собой не что иное, как самое раннее свидетельство о воскресении Христа. Послание к коринфянам, откуда взят приведенный выше фрагмент, написано около 57 года. Евангелие от Марка — первое из четырех Евангелий — датируется, самое раннее, 65–70 годами. И текст его точно следует схеме, намеченной Павлом. Также около 80 года поступят Матфей и Лука. Нужно ли подчеркивать значимость этого факта: слова Павла по сути первый письменный источник христианства.

В Послании к галатам Павел напомним: «Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа» (Гал 1:11-12). Двух мнений быть не может: Павел проповедует то, что пришло к нему во время той мистической встречи. Через Луку он даже уточняет слова, которые слышал: «Но встань и стань на ноги твои; ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я

открою тебе, избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение грехов и жребий с освященными» (Деян 26:16-18).

Конечно, Послание к галатам написано много позже полученного откровения на дороге в Дамаск, но описание вселенской миссии Павла завораживает.

Действительно ли, как утверждает Лука, Павла довели до Дамаска «за руку»? Пораженный внезапной слепотой, он был не способен идти самостоятельно, так что, скорее всего, его усадили верхом на какое-то вьючное животное, идущее в караване.

Вот так Павел из Тарса въехал в Дамаск: трясаясь верхом, слепой, с помутненным сознанием, осаждаемый воспоминаниями, снедаемый мучительной тревогой. Или даже страхом?

Встающий посреди сирийской пустыни, между последними отрогами Антиливана и массивом Джебель-Друз, Дамаск сегодня, как наверное и всегда, является одним из самых привлекательных городов Востока. Названия, которыми его удостаивали, отражают те грезы, которые вызывал город: «родинка на щеке красавицы-земли», «чаша среди цветов», «нимб луны на земле». Вплоть до окраин Запада прославились дамасские ткани, дамасские сабли и дамасские доспехи. Путники приходили в восторг, обнаружив на подступах к городу «остров зелени». У въезда в Дамаск, насколько хватало глаз, простирались абрикосовые сады и виноградники. Сразу за городской стеной — свежесть садов, орошаемых водами реки Барады, поднимавшимися вплоть до террас домов.

Люди здесь жили уже в IV тысячелетии до нашей эры. Таблички из Египта свидетельствуют о

цивилизации, существовавшей в XI веке до Рождества Христова. Надписи в Карнакском храме перечисляют Дамаск в числе городов, завоеванных Тутмосом II. Став столицей могучего Арамейского царства, город был захвачен царем Давидом. При Александре Македонском он был эллинизирован, а в 65 году завоеван Помпеем, сделавшим его резиденцией римского легата в Сирии.

Я прошел через те самые восточные ворота, где проезжал Савл, сегодня они называются Баб Шарки: мощная башня, без всякой отделки, через которую идут три коридора. Я двинулся по длинной прямой дороге, которая уже двадцать веков пересекает город. О существовании ее пишет Лука: «В Дамаске был один ученик, именем Анания; и Господь в видении сказал ему: Анания! Он сказал: я, Господи. Господь же сказал ему: встань и пойди на улицу, так называемую Прямую, и спроси в Иудином доме Тарсянина, по имени Савла...» (Деян 9:10-11).

Эта улица, именовавшаяся римлянами *Via Recta*^[14], длиной два километра и шириной три метра, вела к храму. Вдоль нее тянулись портики, опиравшиеся на колонны с коринфскими капителями. Сегодня улицу не узнать: она заставлена лавками во всю длину, и это сильно сузило дорогу. Здесь продают все: ковры, ткани, драгоценности, медные подносы, холодное оружие. Здесь смешиваются звуки, запахи, цвета и оттенки, очарование старых арабских улочек.

Не стоит искать в Дамаске какие-то конкретные следы Савла. Прямая улица осталась, но жилище еврея Иуды исчезло. В трехстах метрах от дороги, однако, показывают дом Анании, а на самом деле святилище, построенное в V-VI веках византийцами. У Иуды Савл оставался три дня. Он ничего не ел, ничего не пил. И света не было в его мертвых глазах. Хватит ли у кого-нибудь смелости попытаться представить те муки, через которые прошел Савл в эти три дня?

Наверное, в истории человечества нет другого эпизода, который вызвал бы столько комментариев и столько противоречащих друг другу толкований, хотя иные довольствуются тем, что рассматривают случившееся просто как событие. Мне же в голову приходит сравнение, пожалуй, слишком рискованное: битва Иакова с ангелом.

Попробуем в стиле полицейского протокола сопоставить те сведения о Савле, какими мы располагаем на день *события*: 1) возраст — 26 лет; 2) маленького роста, тщедушен, но обладает немалой физической силой; 3) родился евреем, за пределами Иудеи заявляет о своей принадлежности к еврейскому народу; 4) фарисей, строго соблюдающий религиозные предписания; 5) у выдающегося иерусалимского наставника выучился превосходному знанию Библии и законов Моисеевых; 6) языки — еврейский, греческий, арамейский; 7) неизвестно, женат ли и был ли женат вообще; 8) в течение нескольких месяцев питал к христианам неприкрытую враждебность и проявлял беспощадный фанатизм; 9) в момент события по-прежнему объят ненавистью к христианам.

Зададимся вопросом: могло ли видение, пусть оно даже ярко и отчетливо, реалистично, или голос, пусть он даже громоподобен и сверхъестествен, привести фактически к перевороту мировоззрения Савла? Придерживающийся очень современных взглядов экзегет Альфред Луази считал, что «нервная система Павла была чрезвычайно возбудима и очень разгорячена», о чем свидетельствует его участие в гонениях на христиан в Иерусалиме. Это первое видение — а за ним последуют и другие — произошло у человека, «подготовленного, чтобы принять его или, точнее, чтобы воспроизвести это видение». И далее А. Луази объясняет: «Его воображение уже было переполнено Мессией, которого он отвергал, и в один прекрасный

день у него сложилось впечатление, что он оказался перед гонимым им Христом, он увидел его, для него Иисус предстал, как для своих последователей, во славе, как до этого видели его многие христиане; Савла поразила мысль, что Иисус и в самом деле тот самый Христос, и он уверовал». Автору можно возразить, и такие возражения он слышал неоднократно, что Савл не мог быть «переполнен Мессией», поскольку об Иисусе знал очень мало.

Перейдем теперь к мнению другого исследователя, Даниэль-Ропса: «Факт остается фактом, и отрицать его невозможно, как невозможно отрицать произошедшее с Франциском Ассизским и Жанной д'Арк: зов, вырвавший Савла из его обычного существования, прозвучал не в глубинах сознания, пораженного в той или иной мере безумием: нет, он прозвучал в самой реальности земной жизни, на дороге, под раскаленным солнцем июльского дня».

Принимая во внимание возможные контакты Павла с преследуемыми им иерусалимскими христианами, Юрген Беккер выдвигает следующую гипотезу: «Споры, которые вел с ними Павел, позволили ему познакомиться с учением и с той его составляющей, которая касалась Христа. И вот ему явился воскресший Христос. С этого момента для Павла все стало ясно: он не должен стремиться изменить христиан во имя закона Моисеева и не должен преследовать их, а он сам должен по-новому понять Бога. Он сам должен измениться, ибо Иисус, на которого ссылались христиане, обосновывая свое отступление от законов иудаизма, был действительно жив». Жив, потому что явился Павлу: «Таким образом он почувствовал себя посланником, апостолом, призванным трудиться среди народов, не обращаясь более к закону Моисееву».

В своих рассуждениях Юрген Беккер идет дальше: «Если Господь, воскрешающий мертвых, взрастил

Иисуса, значит, Бог отцов и Бог закона Моисеева является Отцом Иисуса Христа».

Вспомним, что в Ветхом Завете Бог почти постоянно разговаривает с людьми. Во времена Авраама он даже спускался на землю — правда, в сопровождении двух ангелов, — чтобы сообщить Саре, что она родит ребенка; женщина рассмеялась, а Господь разгневался на нее за это. На вершине горы Синай он передал Моисею скрижали закона. Пророки слышали слова Бога. Это не удивляло тех, кто читал Библию, то есть всех иудеев: они считали божественное вмешательство вполне обычным делом. Немецкий исследователь Лео Баак, сам еврей, задавался вопросом: не кроются ли корни метаморфозы Савла в исходно усвоенной им культуре? Для иудея Савла «видение обязательно означало призыв — призыв пойти по новому пути. Он больше не имел права следовать прежней дорогой. Если бы такое видение посетило эллина, он бы отреагировал на случившееся так: размышляя, пересказав или написав что-то о произошедшем. Он никогда бы не истолковал это как приказ в духе иудаизма: иди, тебе следует отправиться в дорогу. У греков не было единого бога, который имел бы над ними все права и мог делать их своими посланниками. Только в сознании иудея было заложено, что откровение предполагает какую-то миссию, и готовность немедленно следовать предписанному пути была первым и непреложным свидетельством его веры. Теперь Павел знал, что апостольское служение было предназначено ему от имени Мессии».

Эти слова объясняют многое. Но не все.

Добрейший Анания принадлежал к многочисленной иудейской общине Дамаска и, вероятно, принял христианство недавно. Прежде чем подчиниться Господу, повелевавшему ему идти и вернуть Савлу зрение, Анания воспротивился: «Господи! я слышал от

многих о сем человеке, сколько зла сделал он святым Твоим в Иерусалиме». И в ответ — слова Господа, не подлежащие обсуждению: «Иди, ибо он есть Мой избранный сосуд...» Анания, забыв о спорах, кинулся в дом Иуды и обнаружил Савла молящимся. «Брат Савл! — сказал он ему. — Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шел, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святаго Духа» (Деян 9:13, 15, 17). Анания возложил на Савла руки, и тотчас «как бы чешуя отпала от глаз его» (Деян 9:18). В одно мгновение Савл перешел от тьмы к свету веры во Христа. Этот эпизод, с полным совпадением деталей, вписывается в самую раннюю христианскую традицию. Вернемся к чтению Деяний: «... и вдруг он прозрел; и, встав, крестился» (Деян 9:18). Сам Павел также подтверждает, что был крещен: «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом» (1 Кор 12:13). И еще: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились?» (Рим 6:3). Еще не высохла вода крещения, а Савл почувствовал голод и, «приняв пищи, укрепился» (Деян 9:19).

Никто не рискует дать объяснение тому, как «прояснилось» и уложилось в уме Павла сверхъестественное событие, как он сформулировал обращенное к нему послание. Он пережил потрясение, он ослеп, он прозрел в чужом городе городе впечатляющем, перенаселенном, не похожем ни в чем на Иерусалим: ни архитектурой, ни обычаями, ни языком. Любой человек почувствовал бы растерянность! Наверняка ее испытывал и тот, кто только что освободился из плена сумятицы мыслей и впечатлений, безостановочно осаждавших его.

Некоторые возражают, что речь идет о *святом* Павле и что поэтому его сей жалкий жребий миновал. То, что

Павел в 258 году был объявлен святым (его поминают 29 июня, в один день с Петром^[15]), вовсе не предполагает, что встреча с Христом лишила его человеческой оболочки. Размышления, достойные греческого философа, то и дело встречающиеся в его текстах, разочарования, надежды, приступы гнева, сомнения делают Павла необыкновенно близким нам человеком. Да, Павел ощущал себя ведомым высшей силой, но многие в истории различных религий чувствовали подобное. Исторiku же следует попытаться показать, как *человек* Павел отреагировал на это да и на все последующие удивительные, с точки зрения обывателя, события.

Едва приняв крещение, Павел бросился в синагогу. Так утверждает Лука. Отправиться в один из иудейских храмов в данном случае представляется вполне логичным. Испытав несчастье, оказавшись перед нависшей угрозой, терзаясь навязчивым вопросом: какой истинно верующий не устремился бы в дом молитвы, чтобы там получить ответы на свои вопросы и облегчить душу?

Лука хочет верить, что Савл объявлял в синагогах: Иисус «есть Сын Божий» (Деян 9:22). Так ли это было? Деяния описывают всеобщее изумление: очень многие узнали в непрошеном проповеднике самого рьяного из гонителей иерусалимских христиан. «А Савл более и более укреплялся и приводил в замешательство Иудеев, живущих в Дамаске, доказывая, что Сей есть Христос» (Деян 9:22). Тем лучше для них. И тем лучше для Савла.

И я хочу задать вопрос читателям: как бы вы поступили, случись подобное сверхъестественное событие с вами? Ручаюсь, вы бы устремились в Иерусалим, чтобы во всеуслышание признать свои заблуждения и объявить, что теперь вас объял свет. И я, и вы, думаю, поспешили бы рассказать о случившемся гонителям, которые по-прежнему преследовали

несчастливых. Мы бы распахнули двери темниц, где страдали христиане, попытались бы узнать все об Иисусе, удостоившем нас неслыханного дара. В Иерусалиме жили люди, сопровождавшие Спасителя с первых дней служения, и мы бы упросили их рассказать о Нем все.

Савл не сделал ничего подобного. Никого не предупредив, он исчез из Дамаска. Может, он чего-то боялся? Побег был бы объясним: в Иерусалиме Савл причинил столько страданий и имя его вызывало ненависть у стольких людей! А может, неожиданное осознание его вины нестерпимо жгло душу? Даже Христос умолял Отца освободить его от Голгофы.

«То, что Павел не отправился в Иерусалим, — пишет Дитер Хильдебрандт, — было и остается знаком того, что он познал все и сразу». Можно ли в отношениях между Богом и человеком узнать все «в момент падения»? Если есть вера, то можно.

Итак, Савл ни с кем не советовался, что ему делать дальше. Он принял решение сам. Без этой силы духа, без этой величавой гордости Савл из Тарса не стал бы святым Павлом. Следы его тогдашнего настроения прослеживаются в Послании к галатам: «...я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию...» (Гал 1:16–17). Правильно, объявив себя сразу после происшедшего свободным от всех влияний и авторитетов, в первую очередь апостолов, Павел отправился завоевывать собственное признание у христиан. Современные авторы считают, что послание было написано в 56 или 57 году, то есть через двадцать лет после спешного отъезда из Дамаска. Говорят, в сорок лет каждый заново составляет свою биографию. В 56–57 годах Павлу как раз исполнилось сорок.

Он шагал по дороге.

«Дорога царей» — название тысячелетней давности — стелила ему под ноги свое каменистое полотно. Если идти прямо на юг, можно было прийти в порт Акаба. С обожженными солнцем глазами, в зной, терзающий тело, Тарсянин шел и, конечно, не мог не отметить, что следует путем иудеев во время Исхода их из Египта, только в обратном направлении. Это мистическое совпадение добавляло ему сил на трудном пути.

Аравией современники Савла называли страну набатеев. Потомки различных племен, кочевавших в этих местах, между VII-VI веками до н. э. поселились в Эдомском царстве — колыбели Ирода Великого. Господство над соседними народами они обрели мирным путем: орошая засушливые земли и собирая щедрые урожаи. Несколько десятков тысяч человек создали выдающуюся для своей эпохи цивилизацию. Их караваны — а единственным транспортным средством был верблюд — пересекали Восток во всех направлениях. При царе Арете III тысячу пятьсот тонн ладана каждый год доставляли в Рим. Плиний описывает караваны, которые везли «панцири черепахи из Малакки и нард с Ганга, кору корицы с Гималаев и из Индии, алмазы, сапфиры, слоновую кость, хлопок и индиго, ляпис-лазурь и перец, финики и вино, золото и рабов».

Но вот Савл оставил «дорогу царей» и свернул на запад, двинувшись по ущелью, которое вело прямо в город Петру.

Я обращаюсь к собственным воспоминаниям. Чтобы забраться на гору, откуда лучше всего видна Петра на рассвете, моя жена и дети вышли из отеля еще ночью. Мое сердце не позволяет мне совершать такие восхождения, поэтому я назначил с ними встречу уже в долине. Рано утром, отказавшись от мулов, которых мне предлагали, я пешком добрался до дороги, ведущей к чудесам. Пройдя по высохшему устью реки, я, подобно

Савлу, проскользнул между скальных стен высотой сто метров. Еще через километр передо мной возник один из самых удивительных городов мира — Петра, красный город.

Его название, очевидно, восходит к греческому слову «камень». Это сокровище рождено силой воды, ветра и прихотью природы: все изваяно из песчаника и известняка с чередованием цветов от желтого с голубыми прожилками до алого, от фиолетового до винно-красного. Люди поселились здесь десять тысяч лет назад. Начиная с III века до н. э. набатеи, завороженные природной красотой, построили здесь сотни памятников, храмов и гробниц, часто высеченных прямо в скалах.

Но когда Савл прибыл в Петру, царство набатеев переживало нелегкие времена. Тетрарх Галилеи Ирод Антипа женился на дочери царя набатеев Ареты IV, но через некоторое время воспылил безумной страстью к Иродиаде, жене своего сводного брата. Он отослал дочь Ареты без объяснений обратно. Отцу хотелось жестоко отомстить оскорбившему его зятю, но от мести пришлось отказаться из страха навлечь на себя гнев римлян, верных союзников Ирода. Арета IV удовольствовался тем, что стал чинить препятствия иудеям в своем царстве. Савл явно появился в Петре не вовремя. Тем не менее в Аравии он провел три года.

Что же он там делал?

Некоторые Отцы Церкви полагали, что Савл прибыл туда с единственной целью: обращать набатеев в христианство. Выдвигаемый аргумент выглядит убедительным и сейчас: разве мог он молчать о мистическом событии, которое произошло на дороге, ведущей в Дамаск? Это, конечно, так. Но правомерен ли вывод, что тайну полученного откровения он решил раскрыть именно набатеям? Савл не знал их языка, не знал никого! Да и был ли он готов нести Слово Божие

кому-нибудь кроме евреев, если даже не чувствовал в себе сил убедить в своей правоте сирийских иудеев (что подтверждает его отъезд из Дамаска)? Некоторые цитируют Ницше: «Тот, кому доверена важная весть, долго молчит; тот, кто хочет поразить молнией, должен долго оставаться облаком». Вспоминают и о том, как любили пустыню пророки, отшельники, святые.

Хотел ли Савл убежать от страшного вопроса, возможно, терзавшего его: «А если мне все пригрезилось?» Мы только можем строить предположения, ибо письменных и иных свидетельств его сомнений нет. Единственное заслуживающее внимания объяснение причины «исхода» в Аравию известно нам от самого Павла. Когда он вернется в Дамаск, у него возникнут серьезные неприятности с посланником царя набатеев. Если Арета столь настойчиво преследовал Савла, значит, у них были какие-то отношения, завершившиеся нешуточным конфликтом.

Иногда утверждают, что гнев царя Ареты был вызван торговыми делами. Когда угроза стала слишком явной — опасаясь попасть в тюрьму? — Савл возвратился в Дамаск. Нет никаких свидетельств, подтверждающих эту гипотезу. Однако она продолжает существовать.

Итак, еще раз по порядку. Придя в себя после мистического события, Савл направился к иудеям, но не был понят и принят: его оттолкнули. Вернуться в Иерусалим Павел не мог: он боялся мести своих сограждан за вовлечение их в трагическое заблуждение. Оставалось лишь уехать. Все равно куда. Единственная цель: оставить в прошлом тяжкий нравственный груз.

А как же встреча с Христом? Ее Савл унесет в своем сердце.

Проблем с деньгами во время путешествия новообращенный не испытывал: он ткал палатки. В Аравии, как и в других местах, такой труд был всегда

востребован. Когда Павел начнет совершать апостольские путешествия, он будет действовать именно так: приходить в город и ремесленничать.

Придет день, и Павел сравнит полученный им дар с сокровищем, признавая, однако, всю его хрупкость: «Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам» (2 Кор 4:7).

Да и сам человек разве не сосуд скудельный?

Глава IV

ДВЕ НЕДЕЛИ, ЧТОБЫ ПОЗНАТЬ ХРИСТА

От берегов Атлантического океана до Месопотамии, от Тинги (Танжера) до Нижнего Египта простер свое господство, свое неограниченное могущество и свое покровительство Pax Romana^[16].

Престарелый император Тиберий доживал на своем острове Капри в роскоши двенадцати вилл последние дни жизни, исполненные разврата и оргий. Когда-то Август силой привел его к власти, возлагая на Тиберия немало надежд. Но безудержный произвол абсолютной власти только сеял подозрения и страх. Император окружил себя всевидящей охраной и отсылал в Рим министру Сеяну, приводившему в исполнение его низкие замыслы, шквал смертных приговоров, чем повергал в ужас сенат. Все с нетерпением ожидали кончины безжалостного Тиберия.

С Капри, а возможно, и из Рима Вителлию, императорскому легату в Сирии, пришло распоряжение остановить вторжение набатеев. Войска царя Ареты уже взяли Филадельфию, заняли Герасу, набатеи включили в свои владения Гамалу, а теперь рвались в Дамаск, чего Рим допустить не мог.

В марте 37 года, следуя воинским заветам Помпея, легионы Вителлия подошли к Дамаску, жители которого страшились и набатейского вторжения, и прихода римских легионов. Чтобы умиловить Арету, дамаскинцы сообщили ему, что римские монеты больше не будут ходить в их городе. Чтобы защититься от Вителлия, Дамаск приготовился к войне: укрепления

были усилены, городские ворота закрыты. Скорее всего, Савлу удалось проникнуть в город в последний момент.

Евангелист Лука умалчивает о трех годах, проведенных Савлом в Аравии, и создается впечатление, будто тот продолжал проповедовать в Дамаске, откуда уехал лишь накануне. Лука отмечает, как все больше раздражало иудеев утверждение об «Иисусе, Сыне Божьем». Мы должны понять их: никто никогда не смел и помыслить, что Всевышний имеет Сына. Нет об этом ни слова у пророков, нет ни одного стиха в Священном Писании. Как можно утверждать подобное?!

А что же христиане Дамаска? Резонно предположить, что за три года число их увеличилось, и рассказ о преследованиях Тарсянина передавался новообращенным, обрастая подробностями. Думаю, что Савл в этот период был далеко не уверен в себе — дурная слава преследовала его, и он не знал, как судьба распорядится им.

«Когда же прошло довольно времени, Иудеи согласились убить его. Но Савл узнал об этом умысле их. А они день и ночь стерегли у ворот, чтобы убить его» (Деян 9:23–24) — вот что пишет Лука. А сам Павел представляет события несколько иначе: «В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня» (2 Кор 11:32).

В Римской империи титул этнарха (то есть «областный правитель») давали губернатору провинции. Посланник Ареты был, таким образом, значительным лицом. По традиции набатеев завоеванные или контролируемые ими районы становились автономными округами, которыми чаще всего правили члены царской семьи. То, что этнарх Дамаска приказал «стеречь город», подтверждает: царь Арета действительно преследовал Савла и власть в Дамаске действительно принадлежала набатеям. Отметьте себе: угроза исходила от этнарха.

История с корзиной стала популярна. Она приведена сегодня во всех путеводителях, и гиды повторяют ее, показывая среди укреплений города сохранившееся основание квадратной башни. Каждый при этом утверждает, что именно отсюда спустили в корзине святого Павла.

«Он возник из божественных вод, объятый таким огнем, что даже не нуждался в наставлениях какого-нибудь учителя», — пишет о Павле Иоанн Златоуст. Но в тот момент, о котором мы повествуем, нет никакого огня — Савл исчезает, прячется, он непредсказуем, как воздух: не обжигает, а проскальзывает меж пальцев преследователей. Ждешь, что в Дамаске Савл явится как посланник Христа, а он бежит, спрятавшись в корзине. Должно быть, в эти минуты он ощущал себя самым одиноким человеком в мире.

Я подозреваю, что читатель все более заинтригован приведенными свидетельствами. Можно ли быть уверенным в их подлинности? Каким образом они дошли до нас?

В Новом Завете канонические тексты расположены в строгой последовательности: Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки, Евангелие от Иоанна. Далее следуют Деяния апостолов, потом Послания апостолов и, наконец, Апокалипсис. Такое расположение текстов заставляет предположить, что к началу апостольского служения Павла Евангелия были написаны и предшествовали Деяниям апостолов. Но это заблуждение: когда Иисус явился Савлу, ни один евангельский текст еще не был распространен. Ждать этого придется достаточно долго.

Нельзя исключить, что кто-то из свидетелей жизни Христа записывал его проповеди, изречения. Но запись не делалась быстро. Наша эпоха приучила нас к заметкам, которые делаются прямо при прослушивании, тогдашним привычкам писавших это не соответствует.

Письмо в I веке — это ремесло, которым занимались профессионалы: сcribes, писцы. Они постигали эту науку путем долгого учения и требовали плату за свои труды. Только писец мог составить текст, не прибегая к черновику. Иногда, но гораздо реже, чем нам представляется, он пользовался восковой табличкой-церой, на которой процарапывал то, что его просили записать. Но объемные тексты, например послания Павла, записывали с помощью приспособления, описание которого дошло до нас: дощечка, к которой прикреплялся стаканчик с чернилами; стиль с сухим кончиком, которым прочерчивали строки; скребок для стирания написанного.

Писцы сами изготавливали чернила: черные — на основе сажи, красные — на основе земли цвета охры. Перья — каламы — делали из тростника или камыша. Кроме восковых табличек, использовали папирус или пергамент, но и то и другое стоило немалых денег. Папирус — своего рода бумагу до изобретения бумаги — делали из полос стебля растения, произраставшего в Египте, их переплетали, накладывая друг на друга, чтобы получить лист со сторонами от двадцати до сорока сантиметров. Использоваться он мог с обеих сторон. Пергамент стоил дорого, но был долговечнее и делался из шкур овец, коз, антилоп, которые дубили и отбеливали. Мишель Кенель, специально занимавшийся вопросами письма в древности, приходит к заключению, что «такой способ письма позволял записывать приблизительно три слога в минуту, то есть семьдесят два слова в час».

Можно ли представить, чтобы апостолы таскали за собой в суме такой набор инструментов и останавливались, дабы запечатлеть письменно слово Христово? Кроме того, почти все они были выходцами из низов, и поэтому большинство не умели ни читать, ни писать. Зато они могли великолепно запоминать устные

тексты. Тогда это было всеобщим уделом: дети иудеев, заучивая наизусть строки закона Моисеева, развивали свою память необычайно.

По поводу времени создания Евангелий и посланий апостола Павла опубликовано бессчетное число исследований. В настоящее время принята хронология, которая, по общему мнению, весьма убедительна, но все же приблизительна. Первым после смерти Петра и Павла, между 65 и 70 годами, написал Евангелие Марк. Второе Евангелие, приписываемое Матфею, одному из двенадцати апостолов, было написано на еврейском, переложено на греческий неизвестным автором и появилось в 80-х годах. Тогда же было написано и Евангелие от Луки, который сам не знал Христа, но тщательно собрал сведения у свидетелей жизни Иисуса. Последнее Евангелие — от Иоанна, который, видимо, был самым молодым из апостолов, — по духу своему сильно отличается от предыдущих: это плод долгих раздумий. Создание его исследователи относят к 90-м годам.

А теперь поищем ответ на вопрос, который волнует более всего: каким образом эти тексты дошли до нас? Существование посланий Павла засвидетельствовано в 150 году, но ни одной рукописи этого периода не сохранилось. Первый список Евангелий — Ватиканский — датируется 331 годом. Такой временной разрыв не может нас не беспокоить. Если бы первые документы, относящиеся к периоду правления Людовика XIV, появились только сегодня, не сомневались бы мы в их достоверности? Три века между составлением Евангелий и первым манускриптом, их объединившим, срок немалый! Многим верующим этот вопрос не дает покоя.

И напрасно. Подобного рода сомнения могут возникать при обращении к любому античному тексту, будь то греческий или латинский. Между эпохой, когда

творил Еврипид, и первыми известными нам рукописями его сочинений разрыв в шестнадцать веков. Для Софокла, Эсхила, Аристофана, Фукидида этот промежуток равен четырнадцати векам, для Платона — тринадцати, для Демосфена — двенадцати, для Теренция — семи, для Вергилия, которому повезло больше, — всего четверем. Можно ли на основании этого утверждать, что произведения Софокла написаны не Софоклом, а неким средневековым создателем фальшивок?

Долгое время так же обстояло дело и с Ветхим Заветом, с которого были известны лишь поздние списки. Теперь ситуация изменилась: после Второй мировой войны обнаружили рукописи в районе Мертвого моря, содержащие длинные отрывки из Библии. За исключением незначительных расхождений они повторяют более поздние манускрипты, и это способно убедить даже самых больших скептиков. Добавлю, что коллекция греческих папирусов, написанных около 200 года, — папирусы Честер Битти (по названию библиотеки, где они хранятся), — представляет почти полный список Библии, включая послания Павла.

Нужно заметить, что текст Послания к римлянам на папирусе, например, должен уместиться на свитке длиной в три или четыре метра. Из-за исключительной хрупкости материала, на котором были записаны эти тексты, все они постепенно исчезли. Последние из выживших должны были погибнуть от рук монахов, когда их переписывали на пергамент.

Павел умер за год до того, как смог бы прочесть хоть одно Евангелие. Невозможно поверить собственным глазам, когда читаешь в одном из его посланий: «Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в

Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание» (1 Кор 11:23-25). А ведь эти строки Павла стали частью Евангелия, теперь их произносят каждый день при евхаристии. Во всем христианском мире.

Когда же Савл понял, что пришло время узнать Сына Человеческого в его земном обличье? Он ведь еще не знал видевших воочию Иисуса; слышавших, когда привели к Христу прелюбодейку, приговоренную к побиванию камнями, как Он сказал: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень». Савл не имел понятия, что ответил Иисус матери, когда она в Кане Галилейской попросила помочь гостям, которым не хватало вина: «Что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой» (Ин 2:4). Так когда же Савл решился обратиться к тому, к кому следовало?

Одно из высказываний Павла на этот счет, весьма неясное, заставляет нас встревожиться: якобы ему пришлось три года ждать, прежде чем вернуться в Иерусалим. Еще три года, которые следует прибавить к трем годам в Аравии? Специалисты, оказавшиеся в таком же затруднении, как и мы, кажется, нашли правдоподобный ответ: следует отсчитывать три года, начиная с видения по дороге в Дамаск, и, таким образом, эти три года включают в себя и пребывание в Аравии, и оба путешествия в Дамаск. Мы примем это объяснение и двинемся следом за путником, ибо Савл идет в Иерусалим. Один. Наконец-то.

И вот он снова в этом городе, который одновременно и страшит, и притягивает, в неизменном кольце каменных стен. Иерусалим — сердце еврейского народа, здесь в одни и те же дни, во время праздников, встречаются все, кто приходит поклониться

Предвечному. Сотни тысяч паломников поют и молятся в священных стенах.

Утомленный дорогой, Савл, придя в град Давидов, не мог сразу не почувствовать это кипение живых сил, эту мощь тысячелетней религии и всю хрупкость новой веры — в Иисуса. Он еще не знал, что в огромном потоке паломников, возвращающихся домой, уже прорезался ручеек приверженцев Христа. Парфяне и мидяне, и еламнты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киренее, — это впечатляющее перечисление приводит Лука, — уезжали, унося с собой весть, доверенную им каким-нибудь родственником или другом: Мессия пришел на землю. Эта весть, распространяясь стихийно, шла дальше, чем молва из уст христиан, рассеявшихся после казни Стефана. Как и Филипп, христиане-эллинисты искали убежища подальше от Иерусалима или спешно возвращались в родные места. И они, в свою очередь, несли вести о Мессии, распятом, похороненном и воскресшем на третий день.

Так воплощалось в жизнь пророчество Иисуса, обращенное к апостолам в день вознесения: «...и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян 1:8).

Лука рассказывает, что в Иерусалиме Савл попытался присоединиться к христианам, «но все боялись его, не веря, что он ученик» (Деян 9:26). И тут впервые рядом с Савлом появляется человек, который будет с ним в разные годы. В Деяниях его представляют так: «Иосия, прозванный от Апостолов Варнавою, что значит — сын утешения, левит, родом Кипрянин» (Деян 4:36). Левиты были одним из двенадцати племен Израиля — потомки Левия, третьего сына Иакова, посвятившие себя служению Богу. Именно Варнава ввел Савла в круг апостолов. По поводу этой встречи мы

находим у Павла лишь сухое упоминание: «Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из Апостолов я не видел никого, кроме Иакова брата Господня» (Гал 1:18-19).

Всего лишь пятнадцать дней, чтобы узнать Христа! Мы не сомневаемся, что Петр и Иаков были поглощены делами христианской общины, но не настолько же! Что мог узнать Савл за столь короткий срок? Слова Иисуса, которые Петр, столько раз их повторивший, знает наизусть? Путь Господа по Галилее и Иудее, пересказанный наскоро в двух словах? Основы нарождающейся теологии, рассказ о трудностях развития новой общины? О совершенных Петром обращениях, в том числе о крещении римского центуриона Корнелия-язычника? Рассказал ли Савлу бывший рыбак с Тивериадского озера, как он и его друзья оставили свои сети, чтобы последовать за незнакомцем, которого они сразу узнали? Похоже, ничего из этого Савла не интересовало: для него история не сводилась только к перечню исторических событий.

В посланиях Павла Христос горит как огонь, а Иисус остается незамеченным. Нет ни намека на притчи Иисусовы, которые так жадно слушали простые люди. Нет Нагорной проповеди, нет чудесной рыбной ловли, нет исцелений, ничего не сказано об изгнании торгующих из храма, где сын Марии проповедовал до распятия. Для Павла «...Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения» (2 Кор 5:19). Иисусу не нужна была биография.

Павел не только признает, что в течение двух недель он встречался лишь с Петром и Иаковом, он делает все, чтобы ему поверили: «А в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу» (Гал 1:20). Он усиливает этим утверждением

важнейшую для себя мысль: у него не было никакой нужды встречаться еще с кем-нибудь.

Не следует, однако, оставлять без внимания встречу Павла с Иаковом. Даже если не воспринимать буквально слова современников, которые именуют Иакова братом Господа, его принадлежность к семье Иисуса сомнений не вызывает. Авторитет Иакова станет весьма значительным не только среди первых христиан, но, как это ни парадоксально, среди не обращенных в христианство фарисеев, уважавших его строгое следование иудейским законам. Когда первенство Петра ослабнет, именно Иаков окажется во главе последователей Христа. Его будут называть «первым епископом иудеев». Пример этого христианина, упорно стремившегося остаться в полной мере иудеем, предстанет перед Павлом, когда ему самому придется сделать выбор. Придет день, когда Иаков встанет на пути Павла, чтобы уничтожить плоды апостольского служения Тарсянина. Тяжек удел религии, которая, едва возникнув, оказывается разделенной и вынуждена бороться сама в себе.

Я представляю, как Савл к концу своего краткого пребывания в Иерусалиме понемногу обрел уверенность и стал появляться на улицах вместе с Петром и Иаковом. Это, очевидно, поразило местных христиан. Савл неоднократно пытался объяснить с теми, кто был к нему неприкрыто враждебен: «Говорил также и состязался с Еллинистами; а они покушались убить его» (Деян 9:29). Они все помнили. Репутация гонителя прилипла к нему, как туника Несса^[17]. К счастью, не все желали ему зла: когда кто-то из братьев узнал, что над Павлом нависла угроза, что, возможно, его ожидает худшее, они отправили его в Кесарию. К этим сведениям следует отнестись внимательно: из Кесарии Павла «препроводили в Тарс». Он пережил неудачу в Дамаске,

затем — неудачу в Иерусалиме, неудачу — в Кесарии, это уже много.

Чтобы установить истину, определимся со значением греческого слова *exapostellein*. Оно может означать *удаленный*, но в Септуагинте и других текстах той эпохи оно обретает смысл *отправленный с миссией*. На это же, видимо, намекает и сам Павел, когда пишет: «После сего отошел я в страны Сирии и Киликии» (Гал 1:21). В этом случае напрашивается вывод: Павел, став соратником Петра и Иакова, добился у них по существу апостольской миссии в провинциях, соседних с его родным городом. Тарс станет для него точкой отсчета на пути к апостольскому служению.

Ни один текст не сообщает нам, как приняли Павла родители. С раскрытыми объятиями, со слезами радости, с тревогой за сына из-за этого странного видения Господа? Наверное, он довольно быстро начал кроить и шить палатки в отцовской мастерской: трудно представить, чтобы Савл жил за счет родителей. Можно даже предположить, что состарившийся отец переложил на сына часть обязанностей. Вот Савл обсуждает сроки поставок, цены или просто — не забудем, что мы на Востоке, — торгуется с покупателем.

Один из биографов Савла, Ж.-Р. Армогат, изображает, как тот в течение трех лет «объезжал родную провинцию, продавая свой товар и проповедуя Благою весть», несколько напоминая тех продавцов Библии, что разъезжали по южным штатам Америки и были немного шарлатанами, торгуя разными эликсирами. Может, тогда и наметилась его единственная в своем роде судьба: он стал одновременно и ремесленником, и проповедником.

Это утверждение вызывает сомнение: даже если Савл и покидал иногда Тарс, чтобы встретиться с кем-то из членов нарождающихся христианских общин, его спокойные годы в семье, благополучная жизнь

маловероятны. Разве происшедшее с ним на дороге в Дамаск и потом не доводило до кипения его разум, его память, его душу? Переходя от семейного стола к заботам в мастерской, он, может, и перестал думать об этом постоянно, напряженно, но не вычеркнул, однако, события из памяти: так, прочитав, убирают на полку книгу, запомнив содержание и зная, что при случае к ней всегда можно обратиться.

В 37 году умер Тиберий, и в Риме воцарился Калигула. Правнук Августа, сын любимого народом Германика и Агриппины, приемный сын и наследник Тиберия, он был охотно признан сенаторами и армией. Нарождающееся безумие подсказало Калигуле предстать перед своими подданными божеством — новым солнцем. Мало-помалу оно перешло в подлинное безумие. Калигула не только сделал сенатором своего любимого коня, но и проникся ненавистью к евреям. На Востоке этот императорский антисемитизм расцвел особенно пышно: в 38 году беспощадный погром разразился в Александрии, бывшей преимущественно еврейским городом; в Антиохии войска заняли иудейский квартал и устроили грабежи и резню. Конфликт между римскими властями и еврейской общиной достиг кульминации, когда Калигула потребовал, чтобы его статую воздвигли в ограде иерусалимского храма. Год спустя трибун преторианской гвардии убил безумного императора в его дворце.

Опасаясь той же участи, его дядя — Клавдий, эпилептик, заика и лишенный воли человек, спрятался там же, во дворце, забившись в угол. Его обнаружили преторианцы и тут же объявили императором. Поклонявшиеся Яхве смогли вздохнуть спокойно: один из эдиктов Клавдия подтвердил право иудеев Александрии исповедовать свою веру, а иудеям

Антиохии было объявлено, что император соизволил проявить религиозную терпимость: их права будут запечатлены на бронзовых табличках. Имея собственных руководителей, еврейская община Антиохии располагала с этих пор особым законодательством, защищавшим семейное право и религиозные ритуалы, хотя члены этой общины и не были признаны гражданами в полном смысле.

В этот же период число обращенных в христианство еще выросло, и проблемы стали возникать не только у иудейских властей, но и в самой общине последователей Христа.

После гонений, последовавших за казнью Стефана, значительная часть христиан-эллинистов, бежавших из Иерусалима, нашла убежище в Антиохии. Все это позволяет предположить, что один из семи руководителей, Николай, основал там христианскую общину. Ее члены из осторожности сначала несли Благую весть только иудеям, но вскоре заметили, что немалое число язычников проявляет необычайный интерес к новому вероучению. Что удивительно: это были не единичные случаи, а некое массовое явление. Таких новообращенных даже по-особому именовали: «боящиеся Бога».

Чтобы понять суть этого названия, надо представить эллина, который с детства жил в окружении богов Олимпа и, когда нужно было принести жертву, мог выбирать любого из них. Он именовал богов то по-гречески, то по-латыни: Зевс или Юпитер, Дионис или Вакх. Он обращался к каждому из семьи богов запросто, поскольку это была часть культуры его предков: Юноне, Гермесу, Афродите (она же Венера), Эросу, Аполлону, Аресу (он же Марс). Эллин знал все о их жизни, роли в природе, достоинствах и недостатках, потому что недостатки у них были, о распрах, любовных увлечениях

и потомстве. Это, без сомнения, было увлекательно, захватывающе, волновало воображение, но со временем грек уставал от подвигов слишком похожих на людей богов. От этой усталости — один шаг до низвержения в сознании богов Олимпа, но этот шаг эллин делать не хотел из чувства преданности заветам предков. И так вплоть до того дня, когда кто-то нашептал ему, что есть в городе люди, верящие в единого Бога. Единого? Это изумляло, это вызывало любопытство. А где он, этот Бог, и что он сделал? Греку отвечали, что Бог сотворил небо и землю и все сущее, что он надзирает за людьми: защищает их от опасностей, вознаграждает, если они поступают по его закону, и карает, если они творят зло. В такое эллин поверить не мог и спрашивал, кто же поклоняется этому Богу. Евреи. Встретиться с ними можно в синагогах. И случилось так, что человек, «боящийся Бога», правильнее сказать «ищущий Бога», переступал порог частного дома, где собирались иудеи. Мысль о специальном строительстве зданий для общей молитвы еще не приходила христианам в голову. Впрочем, даже из соображений самосохранения.

Христиане попробовали вовлечь «боящихся Бога» в число своих последователей и преуспели сверх ожидаемого. Они предложили согласным стать иудеями, чтобы открыть для себя единого Бога, ощутить веру в Иисуса — Бога и человека, иудея, почти современника, гораздо более близкого этим людям, чем герои Ветхого Завета. Дальнейшее рассуждение было очень простым: незачем принимать иудаизм, чтобы познать Христа. Нужно прямо обратиться к Иисусу.

Но возникало некое препятствие: с раннего детства последователи Христа еврейского происхождения подчинялись закону Моисееву. А что же было делать с язычниками, которые желали крещения, но ничего не знали об иудаизме? Можно ли было допускать «неверных» в церковь Христову? Этот сложный вопрос

неоднократно вставал на собраниях иерусалимских пресвитеров. Можно ли общаться на равных с греками, скифами и иными необрезанными? Как последователи закона Моисеева могут разделять трапезу с неиудеями? Допустимо ли даже касаться мяса животных, зарезанных не по правилам?

От Иерусалима до Антиохии неблизко, и это усугубило ситуацию, так, что с точки зрения Иакова и его сторонников дело стало попахивать серой. Решили не терять времени и отправить в Антиохию достойного всяческого доверия «следователя». Им оказался Варнава, тот самый, который ввел Савла к Петру и Иакову, «муж добрый и исполненный Духа Святого и веры» (Деян 11:24). Его выбрали не только потому, что он был по рождению киприотом, а Кипр расположен недалеко от Антиохии, но и потому, что он хорошо знал жителей Антиохии.

По прибытии Варнава взялся за работу. Он хотел удостовериться в искренности веры новообращенных, а для этого встретиться с каждым из них. Варнава с радостью обнаружил, что обращенные в христианство язычники глубоко уверовали: «Он, прибыв и увидев благодать Божию, возрадовался и убеждал всех держаться Господа искренним сердцем» (Деян 11:23). Но Варнава быстро понял, что задача, поставленная перед ним, в таком огромном городе не будет выполнена — это превосходит его силы.

Что же делать?

И, похоже, тогда Варнава вспомнил о том самом Савле, человеке очень сложном, которого многие в Иерусалиме ненавидели, но который взволновал душу Варнавы. Он осведомился, что случилось с Савлом, и получил ответ, что тот вернулся в Тарс и занялся ремеслом; к тому же ему препоручили весьма неопределенную миссию апостольского посланца. Кто поручил? Петр и Иаков. Варнава не сомневался: этот

человек указан ему судьбой. Лука говорит об этом в нескольких словах, потому что для него все кажется само собой разумеющимся: «Потом Варнава пошел в Тарс искать Савла и, найдя его, привел в Антиохию» (Деян 11:25).

Позволим разыгаться нашему воображению: представим, как Варнава прибыл в Тарс, как он расспрашивает жителей, отыскивая дом Савла, как стучит в дверь. Вот мать Савла отправляет его в мастерскую, а там Савл собирает палатку или торгуется с покупателем. Вот они на мгновение заколебались, не узнав друг друга: они так изменились! Варнаву приглашают заночевать в доме, он отнекивается — его уговаривают. Знакомство с родителями, угощение для гостя. И вот Варнава рассказывает, зачем он здесь. Молчание. Мать, предчувствуя новое расставание с сыном, не может сдержать слез. Отец велит ей успокоиться. Снова молчание. И вопрос Савла, исполненный глубокого смысла: когда мы уходим? Завтра.

Кто докажет, что это происходило иначе? Великие дела часто начинаются с мелочей. Мне нравится замечание одного историка: «Антиохия и Варнава дали Павлу шанс» (М.-Ф. Бале).

Замечательный повод вспомнить, что Варнава по праву носил свое имя: в переводе с еврейского оно означает «сын утешения».

Савлу исполнилось тридцать пять, и он шел вперед. Рядом шагал Варнава. Конечно, их разговоры касались судьбоносных споров в Антиохии. Ответ Савла на вопрос, который ему мог задать Варнава, наверное, был конкретным: встреча Савла с Иисусом превратила его в христианина, но не отменила его принадлежности к иудаизму. Задача Савла: он должен рассказать всем

людям, что Сын Божий распят во искупление грехов всех людей. Исключать по какой бы то ни было причине язычников — серьезное заблуждение. Варнава мог рассчитывать на воспитанника веротерпимого Гамалиила: впитавший греческую культуру, обучавшийся у ремесленников и торговцев, Савл был готов нести Слово Божие повсюду.

Когда люди шагают вместе, они обсуждают не только судьбоносные вопросы — они слушают и рассказывают. Говорили об Ироде Агриппе I, которого Калигула, участвовавший вместе с ним в оргиях, сделал царем, отдав ему Северную Палестину, Галилею и Перею, а Клавдий добавил Иудею и Самарию, восстановив царство его деда Ирода Великого. Стремясь угодить возмущенным подданным, Агриппа принялся ревностно преследовать христиан: Иаков, сын Зеведея, был «убит мечом» — так впервые пролилась кровь апостола. Петра снова арестовали, но Варнава был готов поклясться, что ангел открыл двери его тюрьмы. Освободившись, Петр сумел предупредить Иакова, брата Господа, и пресвитеров, и они укрылись в надежном месте.

А что же с царем Агриппой? Когда в апреле 44 года он произносил речь с царского возвышения, «вдруг Ангел Господень поразил его» (Деян 12:23). Иосиф Флавий о подобной версии смерти царя не слышал, поэтому пишет: «На рассвете он пришел в театр, одетый в платье сплошь из серебра и чудесных тканей... тут его охватила болезнь внутренностей и он умер через три дня». Лука добавляет: «И он был изъеден червями и умер».

Но вот, наконец, и Антиохия.

Интересовало ли Павла прошлое города, где он очутился? Углубляться в историю, повторимся, было не в его характере. Интересно ли, что Антиохию основал за

три века до его, Савла, рождения Селевк I, прозванный Победителем, что она стала столицей империи Селевкидов, что тринадцать царей правили там вплоть до 64 года до н. э., когда Помпей лишил престола Антиоха XIII? Селевкиды великолепно воспользовались преимуществами, которые давало исключительное расположение города на Средиземноморье. Очень скоро в Антиохии появились купцы, торговцы, банкиры. Так родился и возмужал космополитичный город, сияющий богатством и прославившийся буйными страстями. Во II веке до н. э. слава империи Селевкидов гремела от Греции до Гиндукуша. Антиохия, соперница Александрии, насчитывала около пятисот тысяч жителей. В I веке н. э., когда туда прибыл Савл, город изменился мало.

Вспоминая Селевкию, морские ворота Антиохии, Ювенал возмущался, что там каждый год садятся на корабли «развращенные существа», порождение «вековой гнили», готовые обрушиться на Рим, чтобы заразить его. Такой подход вдохновил и Эрнста Ренана. Опираясь на все известные источники, он дал впечатляющее описание Антиохии: это «город игр, скачек, танцев, процессий, праздников, вакханалий», где царили «безудержная роскошь, все безумства Востока, самые зловерные суеверия, фанатические оргии». По главной улице, пересекавшей город, ходили толпы «легкомысленных, изменчивых, склонных к мятежу людей, неглупых, но занимающих свое время лишь песнями, пародиями, шутками, всякого рода нахальными глупостями». Ренан заподозрил в этом городе что-то вроде «всеобщего опьянения, воплощенной мечты Сарданапала», где перемешиваются «сладоострастие и разврат всех видов, не исключая и некоторой утонченности». Но не следует забывать и о манихействе: в городе, исполненном безумств, читали Аристотеля и восхищались им, на сцене ставили

Аристофана и Еврипида, школы Антиохии считались самыми престижными на Ближнем Востоке, библиотеки обладали книжными сокровищами. Приезжали издалека, чтобы полюбоваться храмами города и помолиться в них.

То, что одно из решающих сражений в истории христианства разыгралось именно в Антиохии, не может не впечатлять нас даже сегодня.

Первое, что, вероятно, поразило слух Савла здесь, так это имя, которое теперь носили его братья во Христе: «...и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами» (Деян 11:26). К какой бы церкви ни принадлежал современный христианин, он не может не почувствовать волнение, узнав, как впервые появилось имя, с которым связано столько веры, святости, столько завоеваний духа в лучшем, а иногда и в худшем смысле этого слова. Источник названия — в греческом слове *christianos*, образованном от *Christos*, то есть Христос. Как ни странно, название возникло не в среде христиан. Сами обращенные именовали друг друга «братья», «святые», «верующие», «последователи». Но похоже, они без возражений отнеслись к новому слову, сразу же приняли его. Принял его без внутреннего сопротивления и Павел.

Давайте взглянем на Савла: перед нами человек с властным взглядом, лысый, худой, с широким лбом и острой бородкой. Именно таким он предстает на мозаиках и картинах, наверняка отражающих более ранние портреты.

Чувствовал ли он, что вершится судьба церкви Христовой? Представлял ли ее будущее? Верил ли в это будущее? Повсюду образовывались новые общины. В Антиохии христианской общиной управляла группа из пяти человек. Среди этих авторитетов Савл фигурирует лишь как ревностный последователь. Хотя его привел Варнава, Савлу еще предстояло утвердить себя. Ученики

Стефана не забыли своего иерусалимского гонителя. А знали ли остальные, что произошло по дороге в Дамаск? Наверное, Савл был вынужден умалчивать о случившемся: было бы невыносимо выслушивать сомнения. Пусть и вполне обоснованные... Его послания указывают, что он всегда ощущал прямую зависимость от Христа. Никогда больше эта уверенность его не покидала.

В течение года Савл жил вместе с Варнавой в общине новообращенных, постился и молился вместе с ними. Он проповедовал в синагогах, а также, чего раньше не случалось, в разных точках города. Согласно легенде, которую часто вспоминали в Антиохии, он проповедовал около Пантеона и его слушали римляне. День за днем, месяц за месяцем — и Варнава убеждался, что его выбор оказался удачным. Нет сомнения, что Савл испытал глубокое влияние Варнавы, и дружба свяжет их надолго. И тот и другой оставались одинокими, хотя другие главы церкви, например Петр и Иаков, были женаты. Варнава, несмотря на то, что происходил из богатой кипрской семьи, упорно работал своими руками, как и Савл, чтобы не быть общине в тягость. Среди пяти руководителей христианской общины Антиохии Варнава имеет право на первое место, Савл — на последнее.

Может потому, что Савл неистово искал свет, его и поразило то, что некоторые назовут особым напутствием, а другие — самым необычным призывом. Те, с кем случалось подобное, говорят: «Это на вас с неба упало». Видение, которого удостоился Павел, навсегда отметило его. Из смирения он не говорил о себе в первом лице единственного числа, поэтому позднее опишет это так:

«Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба^[18]. И знаю о таком человеке (только не знаю — в теле, или

вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похваюсь, разве только немощами моими. Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня. И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» (2 Кор 12:2—10).

Достойный ответ тем, кто утверждает, что видения не приносят никаких плодов!

Что же такое « жало в плоть »^[19]? По поводу этого выражения были потрачены реки чернил. Перечислялись все болезни: артроз, тендинит, хронический ишиас, подагра; тахикардия, грудная жаба; зуд, чесотка, карбункулы, фурункулы, геморрой, анальные трещины; экзема, проказа, опоясывающий лишай; чума, бешенство, мальтийская лихорадка, рожистое воспаление; гастралгия, колики; мочекаменная болезнь; хронический отит, синусит, трахеобронхит; задержка мочи; малярия, филяриоз, парша; головные боли, гангрена, нагноение, абсцесс, хроническая икота, судороги; эпилепсия. Последняя вошедшая в моду гипотеза — правда, это уже не вполне болезнь — гомосексуализм. Что же выбрать? Поскольку Павел победно преодолевал бесчисленные физические

испытания и скончался уже в почтенном возрасте, следует исключить болезни, убивающие быстро и наверняка: чуму, проказу, бешенство, гангрену; а также те, что совсем лишают сил и помешали бы ему продолжить свою миссию: грудную жабу, малярию, нагноение или даже хроническую икоту, вроде той, которой страдал папа Пий XII. Надежнее всего вернуться к семантике слова. Заноза представляет собой чаще всего деревянную щепочку, случайно вошедшую под кожу и вызывающую при некоторых движениях острую боль. Если так, то придется вообразить занозу, остающуюся в теле в продолжение почти всей жизни. Пожалуй, упоминаются-таки артритные боли: если в первых фильмах Чаплина страдающие ревматизмом смешны, но им явно самим не до смеха. Некоторые артриты превращают человека в настоящего мученика, а во времена Павла эти муки облегчать не умели. Можно к этому добавить и преходящие почечные колики. В одном из посланий Павел намекает на болезнь, из-за которой он не мог пуститься в путь в течение нескольких месяцев. Такое нельзя назвать занозой. Болезни приходят и уходят, но это «жало в плоти» оставалось и мучило.

Однако немочи, на которые жалуется Павел, не должны заслонять главного: он тот самый человек, которому было ниспослано видение, упоминаемое во Втором послании к коринфянам, он был затронут этим видением до самых глубин души. Великие мистики умели найти точные слова, рассказывая о том, чего они были удостоены. И в то время, как большинство христиан первого поколения считали, что для обращенного еврея самое важное — это убедить других евреев в приходе Мессии, Савл стремился к иному: нести Благовест о воскресении Христа тем, кто не принадлежит к евреям.

А споры между принявшими христианство евреями продолжались. Не желавшие отступить от закона Моисеева все более входили в противоречие с теми, кто хотел любой ценой открыть Спасителя миру. И с той, и с другой стороны нарастали раздражение и озлобление. Савл был самым ярким сторонником «открытых взглядов». Столкновение оказалось особенно острым по поводу исполнения обряда обрезания. То, что вопрос об этом назрел, никто не отрицал. Язычники, готовые принять крещение, не были обрезаны согласно закону Моисееву; но нужно ли их, несмотря на возраст — двадцать, тридцать, сорок лет, заставлять лечь под нож раввина? Не достаточно ли последователю Христа иметь горячую веру в душе?

Каждая из сторон предлагала свое решение.

Наступил день, когда Варнава, Симеон, Луций Киренянин, Манаил и Савл собрались на молитву, и «Дух Святой сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их» (Деян 13:2). Приказ, пришедший свыше, был предельно ясен. «Тогда они, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их. Сии, быв посланы Духом Святым, пришли в Селевкию, а оттуда отплыли в Кипр» (Деян 13:3-4).

Еще раз Варнаве предстоит сыграть ключевую роль в жизни Савла: он увел Савла из Тарса, из его семьи, а теперь ведет в страну, которую знает лучше всего, потому что там родился: они отправились вместе на Кипр.

Глава V

САВЛ СТАНОВИТСЯ ПАВЛОМ

В сторону Селевкии, морских ворот Антиохии, шагали три христианина: Варнава, Савл и юноша по имени Марк, двоюродный брат Савла. Пройдет немного времени, и мир заговорит о Марке: ему приписывается одно из Евангелий, что совсем немало. Шла весна 45 года.

Через девятнадцать веков Эрнст Ренан вместе с Корнелией Шеффер, которой он посвятил свою книгу «Святой Павел», также отправится из Антиохии в Селевкию. Ренан пишет, что путь занял у него «один неполный день». Мы теперь ездим на машинах, но о реальности тех лет нам напоминает ехавший верхом Ренан, бывший семинарист, которому в ту пору перевалило за сорок.

Присоединимся же к этим трем христианам, чьи туники отяжелели от пыли, и к Ренану, который представляется моему воображению экипированным, как путешественники из романов Жюль Верна. Ренан прибыл в Сирию в 1860 году для проведения, по поручению правительства Второй империи, археологических раскопок. В апреле-мае 1861 года он посетил граничившую с Сирией Палестину и вернулся, создав свой образ Иисуса Христа: «человека, равных которому не было, человека столь великого, что я не хочу спорить с теми, кто, пораженный его исключительностью, называет его Богом». Автор «Будущего науки» наблюдал те же пейзажи, что и Павел. Конечно, с 45 до 1861 года кое-что в них поменялось. Ренан описал деревушки, совсем рядом с дорогой, где и люди, и вещи остались почти такими же, как в библейских деревнях. Воспользуемся его

заметками, чтобы проследить маршрут Павла: «Дорога идет вдоль правого берега Оронта, поднимаясь и опускаясь по дальним отрогам Пиерийских гор. Путники вброд перебираются через многочисленные ручьи и речки, бегущие с их склонов. Повсюду виднеются заросли мирта, земляничника, дубовая поросль; зажиточные деревни лепятся по обрывистым склонам хребтов»^[20]. Тридцать два километра отделяют Антиохию от Селевкии. На полпути дорога пересекает ущелье, откуда видно море. «Поросшие лесом Дафнийские горы высятся на линии горизонта с южной стороны».

Надеюсь, что в Селевкии женоподобные приезжие, о которых писал Ювенал, не толпились в гавани, а ветер, дувший с гор, не погнал по заливу ту «сильную зыбь», о которой писал Ренан. В XIX веке на берегу еще существовали «набережные и мол из огромных камней», но к XXI веку от мола и береговых укреплений остались только развалины недалеко от турецкой деревни Магарджик.

Трое христиан вступили на корабль, и пока судно не вышло в открытое море, они могли видеть перед собой «прекрасную дугу, образуемую берегом в устье Оронта»: справа — «правильный конус Кассия», слева — «обрывистые склоны горы Корифея», а позади — «снега Тавра и Киликийский берег, образующий Исский залив». Ренан побывал здесь, но на корабль не сел. Он удовольствовался созерцанием черного песка побережья, а также моря, куда устремили свой путь три завоевателя во имя Христа.

Создавая в I веке список физических испытаний, которые могут выпасть на долю человека, Сенека поставил кораблекрушения в один ряд с пожарами и землетрясениями. В течение всей античной эпохи путники предпочитали путешествовать морем. Это было

несравненно быстрее и не столь утомительно, как путешествие посуху, но древние всегда знали, как рискует человек, отправляясь в плавание. Опасности были столь реальны из-за частых кораблекрушений, что пришлось принять особые декреты. Наиболее категорично составленный документ разрешал плавание лишь в благоприятное время года — с мая по сентябрь, чтобы моряки и пассажиры не стали «игрушкой ветров». Памятники той эпохи проклинаят алчность судовладельцев: большинство кораблекрушений происходило из-за перегрузки судов товарами и людьми. В 64 году Иосиф Флавий попал в кораблекрушение на Адриатике, потому что на судно взяли слишком много народу.

Ни одно из судов не создавалось специально для перевозки людей. На борт к тому же принимали любой груз, так называемые товары: продукты и животных, особенно крупный и мелкий рогатый скот. Наряду с большими транспортными судами *naves onerariae*^[21], использовали и мелкие каботажные суда *naves orariae*^[22]. Когда Варнава, Савл и Марк сели на корабль, они, конечно, знали, что никаких специальных удобств для пассажиров не предвидится. Они должны были захватить одеяла и циновки, чтобы спать прямо на палубе. Лишь в исключительных случаях бывало, что на корме корабля устраивали *dietae* — что-то вроде кабин, предназначавшихся для знатных путешественников. Для прочих, в лучшем случае, натягивали навес, чтобы защитить от палящего солнца. Некоторым приходилось устраиваться внизу — незавидная участь, так как в трюм выливали все сточные воды, в том числе и самые зловонные. Путешественник должен был запастись провизией на весь путь, поскольку капитан предоставлял только питьевую воду.

Варнава, главный в группе, очевидно, договаривался с судовладельцем о плате. Нередко приходилось

подолгу торговаться. Три христианина отправлялись в недалекое путешествие — всего 76 миль, или 214 километров. Плававший на такие расстояния *naves onerariae* был скорее круглым, чем длинным судном, с единственной мачтой; к мачте крепился прямоугольный парус, ширина которого превышала высоту. Штурвала на судне не было, но сзади крепились на корме два длинных весла, удерживаемые в специальных отверстиях и соединенные баллерами руля, прикрепленными к бимсу, с помощью которого рулевой управлял кораблем.

Варнава, Савл и Марк — такие же путники, как и все остальные, плывшие вместе с ними. Но мы-то знаем, что они собирались проделать в обратном направлении «путь Александра», который привел Павла с Востока на крайний Запад и к смерти под мечом палача. До этого момента слово Христа звучало только на восточных землях Средиземноморья. Скоро его услышат на двух континентах.

Мы не сомневаемся в том, что Савл был преисполнен намерения нести Слово Божие язычникам. Собирался ли он, подобно другим апостолам, рассказывать о самом Христе? Вряд ли: это было Савлу недоступно. Испытывал ли он волнение, осознавая, какие трудности его ожидают? Он, много лет делавший только палатки и думавший о выгоде, которую можно извлечь при их продаже, был ли преисполнен уверенности в себе? Думаю, да. Даже если какое-то время он не вспоминал о потрясшем душу событии, оно всегда теперь занимало надлежащее место в сердце. Павел знал, что именно ему следует возвестить самое главное: Христос воскрес! Иисус победил смерть, чтобы спасти людей, всех без исключения. «Чтобы и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его во Христе Иисусе» (Еф 3:6). Если смерть

ждет в конце пути каждого, то страх в минуту ее наступления — от неизвестности. Павел утверждает: Христос несет вам спасение. Он настаивает: с любой дороги можно повернуть назад, в том числе и с самой страшной. Нет такой вины, которую нельзя было бы простить. «Смерть, где победа твоя?» Павел стал вестником «Благой вести Христа», которую потом стали называть просто Благой вестью: «Мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия — благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом» (Еф 3:8-9). Он будет говорить об этом, и речь иногда покажется столь «высокой» и невнятной, что задаешься вопросом: как люди вообще поняли его и приняли? И это еще одна тайна апостола Павла.

Часов тридцать провели на палубе среди мешков и тюков, под мычание и бляение путешественники Варнава, Савл и Марк. Они, как и все, соблюдали запрет на вкушение рыбы и воздерживались от соития. Последний запрет, впрочем, ничего не значил для Варнавы и Савла, давно избравших безбрачие. А о молодом человеке, которого позднее причислят к сонму святых, мы ничего сказать не можем...

Вот наконец вдалеке появились сияющие белизной прибрежные утесы Кипра, на фоне яркой голубизны неба возникли белые дома порта Саламин. Читателю не стоит путать его с одноименным греческим островом напротив порта Пирей, где когда-то афинский флот разбил Ксеркса. Хотя Кипр с 58 года до н. э. принадлежал римлянам, он остался полностью греческим: на греческом говорили и писали, по греческим обычаям жили. Савл, сам почти грек, наверное, обрадовался этому, а что же говорить о Варнаве, возвращавшемся на родной остров!

До сих пор севернее Фамагусты сохранились развалины, напоминающие о величии древнего города: термы, гимнасий, римский театр. Их видел и Савл. Еврейская община на Кипре в то время процветала: это подтверждает Иосиф Флавий, уточняя, что кипрские иудеи посылали вино с Кипра в иерусалимский храм. Главное богатство острова составляли медные рудники. Добыча меди приносила такой доход, что Рим поручил управление островом проконсулу. Ирод Великий, не упускавший ни малейшей возможности утвердить свое могущество и округлить свое состояние, добился от Августа права на «половину доходов с кипрских медных рудников и права на управление другой половиной». Но вовсе не из-за меди прибыли на Кипр Варнава, Савл и Марк.

«И, быв в Саламине, проповедывали слово Божие в синагогах Иудейских» (Деян 13:5). Миссионеры не теряли ни минуты. То, что они сначала обратились к иудеям, которых здесь с эпохи Птолемеев было много, доказывает: они использовали свой действенный метод, который позднее станет главным оружием Павла. Чтобы обратить в христианство язычников, начинали с проповедей евреям. Иудейская диаспора служила благодатной почвой для распространения христианской религии. Зададимся вопросом: почему?

Радужие, с которым иудеи встречают своих собратьев по вере, вошло в поговорку. Если иудей приезжал куда бы то ни было, он прежде всего разыскивал иудейский квартал, и его принимали с распростертыми объятиями. В Средние века еврей Вениамин Тудельский умудрился объехать всю Европу, «не видя никого, кроме евреев». В античные времена все было так же.

Итак, наши путники направились в синагогу в субботу, в праздник Шаббат. Их наверняка сразу же окружили, засыпая вопросами о семье, о местах, откуда

они прибыли. Люди жаждали новостей, а путешественники всегда приносят новости. Сам Иисус действовал так же: «Случилось же и в другую субботу войти Ему в синагогу и учить» (Лк 6:6). Варнава и Савл не стали сразу рассказывать о Мессии по имени Иисус, было за лучшее подождать хотя бы неделю.

Я не могу поверить, что их проповеди сразу вызвали восторг, как упоминает об этом евангелист Лука. Посудите сами: они объявляют верующим, воспитанным в духе религии с тысячелетней традицией, которая обладает огромным авторитетом, что тем следует отказаться от значительной части убеждений. Наверняка многие в синагоге не стали слушать христиан, а кто-то высказал свое несогласие. Но такая реакция для Варнавы и Савла была не в новинку, поэтому печалиться им было не о чем: если хоть кто-то из слушавших пожелал узнать больше, это уже успех. Даже один обращенный — победа. Но нередко миссионеров обвиняли в самозванстве, в святотатстве, дело доходило до насилия, бывало, не удавалось избежать наказания, каким обычно карали еретиков, — это либо удары кнутом, число которых определял раввин, либо бичевание по римскому закону, совершаемое ликторами. «От Иудеев, — пишет Павел, — пять раз дано мне было по сорока ударов без одного» (2 Кор 11:24).

У путников был выбор: они могли пойти по верхней, самой короткой, дороге, идущей по нагорью вдоль течения реки Педий. Это путь длиной в сто пятьдесят километров, пролегающий на высоте птичьего полета. Если время к лету, почти наверняка придется идти по невыносимой жаре, на которую еще в I веке сетовал римский поэт Марциал.

Это позволяет предположить, что трое путешественников выбрали другой путь: по морскому

побережью. Конечно, этот путь длиннее на пятьдесят километров, но несравненно легче, и он дает такие преимущества, которыми миссионеры наверняка не преминули воспользоваться: дорога идет через города Китий, Ларнака и, наконец, Аматус. В каждом, естественно, построены синагоги.

Дорога обходит гористый массив Трогодос. Наши путники преодолевали, наверное, ежедневно около тридцати пяти километров — в школе нам рассказывали, что в среднем пешеход может пройти в день около сорока километров.

Не стоит жалеть идущих пешком: весной шагается легко, дышится прекрасно, окружающий пейзаж радует глаз. Слева от путников на склонах гор стоят в цвету яблони и вишни. На виноградниках искусно подрезанные лозы обещают богатый урожай, который даст ароматное вино. Повсюду апельсиновые сады — из сочных плодов дают сладкотерпкий сок. Оливковые деревья дают замечательное зеленоватое масло, которое пользуется спросом в далеких странах.

Справа блещет от солнечных лучей синее море, береговая линия которого изрезана мысами и выступами, а гул прибоя придает особую притягательность этой картине.

Чем дальше шагали три проповедника, тем чаще вздыхали: они видели, что весь остров Крит живет под знаком Афродиты, лишь севернее Курия поклоняются Аполлону. Афродита, родившаяся, согласно мифу, из морской пены, греческая богиня любви, при римском владычестве слилась в одно божество с римской Венерой. Когда римляне в 58 году до н. э. завоевали Кипр, это никак не повлияло на культ Афродиты: сохранились ее храмы, ее жрецы, ее почитатели. Основные города Кипра — Саламин, Амафонт, Пафос и Идалион — остались под покровительством богини. Поклонявшиеся ей прославляли безграничную

чувственность, супружеские измены и детей, которыми одарили Афродиту любовники, — Гармонию, Эроса, Антэроса, Приапа, Гермафродита. И как не возносить богиню, которая покровительствует внебрачным связям, столь для многих желанным! В горах Амафонта высилось тогда самое известное из святилищ Афродиты, куда тянулись на праздники и жители острова, и приезжие. Молодые жрицы, охваченные религиозным экстазом, в дни больших сборищ отдавали свое тело во славу Афродиты днями и ночами.

Как победить верования, которые потакают инстинктам? Как противопоставить им строгость и запреты единого Бога, не рискуя вызвать отторжение? Можно представить, сколько вариантов просчитывал Павел. И наступил день, когда он понял: многие, сами того не сознавая, устали от такой вседозволенности и ищут для себя новых законов.

В каждом портовом городе проповедническая деятельность начиналась с одного и того же: в синагоге первым брал слово Варнава, как главный среди путников и как уроженец Кипра. Для начала он рисовал конкретный образ Христа, рассказывал, как Иисус проповедовал любовь и прощение на дорогах Галилеи и Иудеи, как исцелял больных, воскрешал мертвых и в тот момент, когда мог стать царем, выбрал смерть на кресте, дабы спасти все человечество.

После Варнавы наступал черед Павла, который не очень-то верил в собственный ораторский талант; он говорил о себе: «речь его незначительна» (2 Кор 10:10). Но что это меняло, если Варнава уже рассказал об Иисусе-человеке? Теперь предстояло доказать, что Иисус — Сын Божий и сам Бог. От конкретных историй из жизни Иисуса Павел переходил к абстракции. Никто не подвергал сомнению силу его доказательств, но не все слушатели понимали суть произносимого. К счастью, и у оратора, и у внимающих находились точки

соприкосновения: Савл постоянно цитировал Библию, которую хорошо знали иудеи. Он напоминал строки, в которых предвещался приход Мессии, и утверждал, что это написано именно об Иисусе Христе. Далее он, несомненно, переходил к воскресению — так он будет рассуждать и в посланиях — эта тема центральная в его проповедях. Возможно, он говорил не так уж гладко, слова путались, но слушающих до глубины души потрясала энергия веры, пронизывающая несколько бессвязную речь.

А что же Марк? Можно предположить, что он только слушал Савла, и ничего больше. Позднее он будет слушать Петра и узнает совсем иное.

Удалось ли трем проповедникам обратить кого-то в христианство? В Деяниях апостолов это только подразумевается. Можно, конечно, представить себе, что крещение приняли толпы и новые христиане во множестве последовали за Варнавой, Савлом и Марком. Но доказательств этому нет, а есть лишь знание психики человека: менять привычные убеждения всего труднее. Почти невозможно.

А путники добрались уже до Пафоса — вновь отстроенного по приказу Августа на месте разрушенного землетрясением. Здесь была резиденция римского проконсула Сергия Павла.

Долгое время считалось, что об этом высокопоставленном римляnine не известно ничего, кроме упоминания в Деяниях апостолов: проконсул Сергий Павел, муж разумный. Усилия современных исследователей позволяют нам более конкретно представить себе этого римлянина. Он принадлежал к третьему поколению семьи колонов, переселившихся на Анатолийское нагорье. Родился в Центральной Галатии. Управление обширным поместьем в Венисии он доверил вольноотпущенникам, а себя посвятил карьере в римской администрации и стал сенатором. Не найдено

ни одного документа, подтверждающего его назначение проконсулом на Кипре, пост в иерархии римской власти довольно незначительный, однако известно, что его предшественник занимал эту должность с июля 43 года по июль 44-го: мандат проконсула длился один год. Логично предположить, что встреча Сергия с Савлом состоялась между июлем 44-го и июлем 45 года.

В Пафосе правила городом магия, почти возведенная в ранг религии. Ее последователи опирались на учение, корни которого терялись в Египте или Месопотамии. Проконсул с удовольствием принимал у себя во дворце мага, которого ценили более остальных, — это был некий Элима (Елима), именуемый также Бар-Иисус, что указывает на его еврейское происхождение. Насладившись чудесами, Сергей завязывал с Бар-Иисусом беседу на какую-нибудь интеллектуальную тему: в ту эпоху «философы превращались в софистов, а софисты — в магов» (*Holzner, 1950*). Поэтому, узнав о пребывании в Пафосе трех проповедников, прославлявших неизвестного бога, славного чудесами и исцелениями словом — только словом! — Сергей Павел, «человек дальновидный», по словам Лютера, счел нужным встретиться с ними. Проконсул, «призвав Варнаву и Савла, пожелал услышать слово Божие» (Деян 13:7). Можно предположить, что проконсул просто хотел развлечься, приказав позвать к себе необычных путников. Лишенные порой элементарного, трое христиан неожиданно оказались окруженными роскошью, о которой ни один из них и представления не имел. Их любезно приняли, и после обмена приветствиями проконсул приступил к расспросам. Отвечал Варнава, а Сергей Павел приходил во все большее изумление: что это еще за Мессия такой? Волхв Элима, держась в тени, тоже присутствовал при беседе: не бесчестные ли это конкуренты? В какой-то момент чародей не выдержал: пусть эти люди приведут

доказательства сказанному, а проконсулу стоило бы остерегаться рассказывающих такое незнакомцев!

Эти слова пробудили дремавший необузданный нрав Савла, и гнев исказил черты Тарсянина. Речь зазвучала подобно грому: «О, исполненный всякого коварства и всякого злодейства сын диавола, враг всякой правды! Перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних?»

Все застыли, обратившись в слух, а Савл нанес противнику последний удар: «И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени» (Деян 13:10–11).

Чародей Элима ослеп! Что это? Чудо, совершенное Павлом? Все, кто имеет некоторый опыт гипноза, могут достичь подобных результатов. Лука же продолжает: «Тогда проконсул, увидев происшедшее, уверовал, дивясь учению Господню» (Деян 13:12). Эти слова восхищают читателя, но вряд ли они убеждают: по историческим источникам той эпохи нам неизвестно об обращениях в христианство лиц такого высокого ранга. Видимо, Луке случалось принимать желаемое за действительное.

Эти исполненные мистики беседы привели к событию, последствия которого трудно переоценить: Савл изменил имя. Он попросил называть его Павлом и именно под этим именем вошел в вечность. Невозможно отрицать связь между новым именем апостола и именем проконсула Сергия Павла. Неужели столь велико оказалось влияние римского чиновника? Некоторые авторы, в том числе и святой Иероним, выдвинули гипотезу: проконсул усыновил Савла. Однако если и возникла некоторая близость между этими двумя людьми, то опиралась она скорее на сходство философских взглядов, а не на совпадение религиозных воззрений. Есть и другое: Савл оказался в местах воистину греческих, не потому ли отказался он от своего

еврейского имени? *Paulos* по-гречески значит «малый, маленький». Помимо того, что это имя намекало на невысокий рост Павла, может, он хотел подчеркнуть свой удел раба Божьего, ничтожность которого очевидна перед бесконечным могуществом Господа?

Действительно, под сенью Римской империи было собрано воедино столько народов, племен и языков, что смена одного имени другим воспринималась как обыденность, как один из способов интеграции в иную среду. Самый яркий пример — история Симона, первого из апостолов, который взял поначалу имя Кафа, а затем Петр. Кафа восходит к арамейскому слову «скала», которое перевели на греческий в форме *Petros*, латинизированной затем в *Petrus* — Петр. В течение какого-то времени Тарсянина еще называли Савлом, но он упорно называл себя Павлом. Вместе с именем Савл, исчезнувшим из сознания, стерлась и память о первом из царей Израиля.

Еще одно судьбоносное изменение: на Кипре Павел возглавит миссию. Эта смена ролей в Деяниях апостолов изложена скупно. В Послании к галатам Павел подтвердит этот факт. Варнава с достойной восхищения скромностью, без всяких споров уступил лидерство. Понял ли он, что Павел по складу ума призван быть руководителем? Или почувствовал, как и многие, его харизму? До этого момента священные тексты пишут о Варнаве и Павле, потом последовательность меняется: Павел и Варнава.

В порту Пафоса стояли корабли, готовые к отплытию, и оставалось только выбрать направление. Срочно, ибо приближалась осень 45 года, а осенью плавание судов запрещено, Павел выбрал Атталей. Можно не сомневаться, кто оказал влияние на это: имя римского проконсула приходит на ум само собой. Сергей Павел — уроженец Центральной Анатолии, там

расположены его богатые владения, там у него связи, которые наверняка окажутся полезными проповедникам.

Всего лишь через тридцать шесть часов плавания корабль вошел в залив, на берегах которого простерлась величественная Атталея. Все средиземноморские моряки знали, что в период штормов они найдут в этом порту надежное убежище.

Я пытался найти следы Атталей в современной Анталии, самом известном турецком курорте. О пребывании римлян в Анталии напоминают лишь ворота Андриана — внушительных размеров пропилеи из белого мрамора. Но воздвигли их через шестьдесят шесть лет после смерти Павла. В музее города фригийский и греческий залы по богатству экспонатов намного превосходят римский с изображениями нескольких императоров. Что же касается знаменитой «танцовщицы» — впечатляющей статуи вакханки высотой более двух метров из черного и белого мрамора, то на нее обязательно стоит взглянуть, хотя мы сильно сомневаемся, видел ли ее Павел.

Трудно представить в этом курортном городе с населением в семьсот тысяч человек, скорее европейском, чем турецком, посланцев Христа, скитавшихся по улицам. Единственное место, которым можем сегодня любоваться мы и которым наверняка любовались Павел, Варнава и Марк, — это высокий скалистый берег залива, проплывающий мимо путешественников, когда их корабль причаливает. Во времена Павла эта скала служила постаментом, на котором был воздвигнут город. Остается она постаментом и теперь.

Область, где сошли на берег Павел, Варнава и Марк, именовалась Анатолией, название Малая Азия появится

лишь в X веке. Римляне чувствовали себя здесь полными хозяевами. Народы, населявшие эти земли, приняли римское владычество без сопротивления. Древние политические образования, такие, как Фригия, Кария, Лидия, исчезли. То же произошло с Пергамским и Вифинским царствами и с царством Понт. У римлян, как о милости, просили именоваться «дружественными Цезарю». Города молили, чтобы им позволили называться «метрополией» или «прославленным городом»: об этом свидетельствуют Тацит и Дион Кассий. Культ Августа стал господствующей религией. Цезарю-богу повсюду воздвигали храмы. Была ли эта вера искренней? Скорее, угодничество во имя привилегий.

Из Атталей всего за полдня путники дошли до города Пергии (Перги). В «Верринах» Цицерон разоблачил алчность квестора города Гая Вереса, снявшего золотую облицовку со статуи Артемиды, покровительницы города. О том, как выглядела Пергия, нам ничего не было известно вплоть до 1946 года, когда турецкие археологи начали раскопки чудесного города, уснувшего вековым сном под слоем почвы. Когда я там был, работа еще кипела.

Павел увидел Пергию, опоясанную стеной укрепления. Он вошел в город через ворота между двумя башнями эпохи эллинизма высотой в двенадцать метров, и если только апостол не принял твердого решения оставаться бесчувственным к красоте окружающего мира, башни должны были его впечатлить. Расширяя город, римляне позаботились о том, чтобы сохранить остатки старых стен, спасибо им за это!

Когда Тарсянин прошел через монументальные ворота, взору его предстала вымощенная мрамором улица: длиной в триста метров и шириной в двадцать метров, тянувшаяся по обоим берегам полноводного

канала. Портики позволяли одновременно и укрываться от солнца, и делать покупки в лавочках. Если бы Павел почувствовал себя плохо, он мог обратиться к врачу, практиковавшему в восточной части города, в тридцать девятом доме, если считать от ворот, — мозаика на полу до сих пор подтверждает это.

Не могло остаться незамеченным главное здание Пергии: нимфей^[23], стоявший в конце улицы. В нимфее, у подножия акрополя, на двух этажах собиралась вода из источников, изливавшаяся затем в канал. Павел наверняка прошелся по мозаикам агоры — квадратной площади со сторонами в шестьдесят пять метров, где в прохладные вечерние часы собирался весь город. Через мраморные ворота он выходил на прилегающие к площади улицы. Вряд ли Павел обращал внимание на языческие храмы — его интересовала синагога.

Именно о синагоге расспрашивали прохожих Павел, Варнава и Марк. Лука пишет о том, что они проповедовали Слово Божие в Пергии. И кому, как не своим братьям-иудеям?

Далее случилось неожиданное: Марк расстался с Павлом и Варнавой. Вроде бы его испугало предстоящее путешествие, которое ему описали, — этим обычно объясняют решение Марка. Но мне хотелось бы предложить другое объяснение. Не все люди похожи на Варнаву. Вполне возможно, что характер Павла, который становился все более эгоцентричным, в конце концов показался молодому человеку невыносимым. На исходе осени 45 года они распрощались, и можно себе представить, как это было: слезы Марка, примирительные речи Варнавы, негодование Павла.

Глава VI

ПОКОРЕНИЕ АНАТОЛИИ

Мы едем по великолепной дороге, которая сразу же на выезде из Анталии поднимается вверх. Ее буквально пробили сквозь гору. Позади нас едут на машине моя младшая дочь Анн-Элен и ее подруга Аврора. Они не могут оторвать взгляд от густого леса, который тянется по обеим сторонам дороги. Не ищут ли они теней Павла и Варнавы, проникшись целями нашего путешествия? Мишлин Пеллетье, моя жена, ведет машину, не расставаясь при этом с фотоаппаратом. Я же, свободный от всех дел, погрузился в созерцание необжитых просторов Тавра, по которым брели двое проповедников двадцать веков тому назад. Я представляю себе, как они шагают по едва заметным тропам, тяжело переводя дух в чаще леса, как ветки деревьев царапают им лица, как задыхаются они, взбираясь по горным склонам, с трудом удерживаясь на скалистых выступах, спускаясь в глубокую котловину.

Чтобы перенести тяготы и опасности такого путешествия, им пришлось купить прочные башмаки, плащи грубого сукна с капюшонами и широкополые шляпы — петас. Необходимой частью снаряжения было полотнище для палатки; нетрудно догадаться, кто тщательно и со знанием дела его выбирал. В дороге путникам приходилось готовить еду, а значит, нести с собой минимум утвари. Все это не могло уместиться в дорожные мешки, поэтому брали в помощь или осла, или мула. Эти выючные животные для горных дорог подходят идеально, а купить их можно было задешево. Шагать помогает посох — им при случае можно обороняться от волков, медведей и прочих хищников.

Нельзя забывать и о разбойниках, скрывающихся в своих логовах; римская полиция с ними справиться не может.

И постоянно нависают над путниками, как и над нами в нашем путешествии, все те же заснеженные вершины, на которых и в разгар лета не тают снега. Конечно, тогда не бы-до никаких карт, никаких компасов. Да и дорожный столб-указатель представить трудно. Остаются звезды, но надо дожидаться ночи да к тому же молить о том, чтобы тучи не скрыли их. Еще и сегодня деревни на этом пути редки: Павел и Варнава могли идти целыми днями, не встретив ни души. Изредка попадались крестьянский дом или сторожка лесоруба. Обычно путникам не отказывали в гостеприимстве: в сарае всегда найдется место. На соломе хорошо спится, а еду спрашивали скромную, потому что денег у них было мало. В сосуды из сушеных тыкв заливали козье молоко, чтобы как-то разнообразить питье, но в основном пили воду из ручейков и родников.

Когда склоны не так круты, а спуски не так опасны, путники вели обычные в дороге беседы. Ничего особенного, разговор о погоде, о трудностях пути, о еде и отдыхе. Но неожиданно, как бы против собственной воли, они заговаривали о сокровенном. Долгие минуты молчания, несомненно, заполнялись молитвами. Обращаться прямо к Господу, полностью довериться Ему, молить Его о помощи, а иногда и прямо взывать о спасении — все это было естественно для таких людей в таком мире. Но Бог не ведет разговоров, и беседа с ним быстро заканчивается. Тогда с уст путников слетали молитвы, заученные давным-давно. Это могли быть иудейские молитвы — христианских тогда еще не существовало. Первая — Отче наш, продиктованная самим Иисусом, появится позднее, при составлении Евангелий. Ни для Павла, ни для Варнавы не было ничего странного в обращении к иудейским молитвам:

сам Иисус читал их. А вера в то, что, став христианами, они не перестали быть иудеями, лишь укреплялась.

Я представляю Павла, невысокого, но ставшего крепче телом благодаря десяткам пройденных километров, с упрямо сжатым ртом, настроенного решительно, почти агрессивно.

Что вело в незнакомые края Павла и Варнаву, что поддерживало и вдохновляло их? Уверенность, даже, пожалуй, знание, что действуют они по велению Бога. Нельзя ни на один день скрывать весть, что Мессия — Сын Божий, неустанно повторял Павел, Он посетил людей, и с этого момента безграничная надежда на воскрешение открыта для любого. История мистиков, как известных, так и малоизвестных, свидетельствует: пламенная, твердая вера способна во сто крат увеличивать силы, она позволяет даже побеждать законы природы.

Дорога бежит дальше, и нам кажется, что пейзаж немного напоминает Швейцарские Альпы. Вдруг на повороте мелькнуло среди деревьев озеро. На какое-то мгновение нам пришла в голову мысль, что двое путников тоже увидели воду и почувствовали после тяжких испытаний невероятное облегчение. По современной дороге, которая проложена самым коротким маршрутом, это сто тридцать километров. А для идущих пешком, с подъемами и спусками по горным тропам, расстояние следует утроить. Павел и Варнава знали с чужих слов, что на пути встретится озеро, им сказали и его название. Сейчас это озеро Эгридир, четвертое по величине на территории Турции: длина водоема — сорок восемь километров, ширина — от трех до семи километров, а бирюза его вод незабываема. Зимой озеро часто замерзает, напоминая далекие сибирские озера. Его питают двести родников, но, несмотря на это, летом вода довольно теплая. Когда мы добрались до Эгридира, дул сильный ветер и короткие

волны бились о берег. Вдалеке поднималась ввысь, нависая над горизонтом, скалистая громада Султан-Дага. Здесь высота горного массива достигает 2500 метров над уровнем моря.

Павел и Варнава продолжили путь вдоль берега. Какой-нибудь рыбак, возможно, предложил переправить их на лодке к северной оконечности озера. Им пришлось отказаться: слишком дорого. К тому же, двигаясь на север, они бы отклонились от дороги на Антиохию Писидийскую, до которой сегодня всего шестьдесят пять километров по шоссе.

Когда Павел позднее примется описывать опасности этого пути, не следует воспринимать их как литературное украшательство: «много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников... в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море... в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе» (2 Кор 11:26-27). Поэтому легко понять радость путешественников, когда они подошли к той, другой Антиохии, — опасности пути позади, и понятно изумление их при знакомстве с городом.

Конечно, Павлу уже довелось повидать большие города: Иерусалим, Дамаск, Антиохию Сирийскую, даже Тарс заслуживал называться крупным. Но могли ли они вообразить римскую метрополию в местах, которые позднее евангелист Лука назовет дикими и варварскими? Что сказать о зданиях, построенных всего лишь семьдесят пять лет назад? Представьте себе парижский квартал 1925 года постройки где-нибудь на юге Туниса. Городские укрепления, через которые прошли путники, были созданы уже римлянами. Пройдя через ворота, также, разумеется, римские, Павел и Варнава оказались на перекрестке двух широких улиц, вдоль которых тянулись портики. Одна шла с юга на

север и носила имя Августа, вторая — с запада на восток, именовалась в честь Тиберия. Эта улица привела их к монументальным воротам, увенчанным тремя арками и украшенным символами, прославляющими победу в битве при Акции^[24]. Пройдя через эти пропилеи, можно было попасть в центр обширной площади, по периметру которой шел двухэтажный портик, высеченный в скале, — площадь носила имя Августа. В центре ее возвышался главный храм города, посвященный, естественно, божественному Августу.

Антиохию основали в III веке до н. э. цари династии Селевкидов. Когда в 25 году до н. э. ее заняли римляне, поселение это было весьма малочисленным. Решение Августа создать здесь римскую колонию преобразило Антиохию. Ветераны, оставившие службу после битвы при Акции, получили земли, даваемые, правда, с одним условием: поддерживать порядок среди населения. Ветераны справлялись с этим прекрасно. Эта колония, *colonia Caesarea*, стала центром романизации Писидии. Антиохия копировала столицу империи: администрация, разделение на городские кварталы, разделение граждан по сословиям, религиозные традиции. Часто Антиохию за это называли маленьким Римом. В своем завещании Август причислил писидийские колонии к числу достижений, наилучшим образом прославивших его царствование.

Первой заботой Павла и Варнавы было немедленно найти ночлег и помыться, ни один иудей не стал бы этого откладывать. Затем можно было дать отдых измученному телу и натереть маслом нывшие от усталости ноги. Если Сергей Павел вручил путникам рекомендательные письма, перед ними распахивали двери и приют был обеспечен. Решив вопросы быта, путешественники с нетерпением ожидали субботнего дня.

Все указывает на то, что в этот период в Малой Азии проживало много евреев, «столько же, сколько в Египте», однако это не значит, что они были многочисленны в Галатии. Иосиф Флавий подчеркивает, что римляне проявляли к евреям особую благосклонность: иудеи занимались торговлей и поддерживали контакты с римлянами, они лучше говорили по-латыни и по-гречески, чем местное население. Античные авторы, в том числе Цицерон и Филон Александрийский, подтверждают существование крупных еврейских общин, которые умели защитить свои права и, при случае, не боялись обращаться к властям в Риме за решением местных вопросов. Они даже добились освобождения от общих податей. Если возникали какие-то трения между иудеями и местным населением, римляне чаще всего брали под защиту иудеев, хотя такое, по-видимому, требовалось редко: все свидетельствует о том, что иудеи и язычники жили в согласии. Сначала еврейские обычаи вызвали любопытство у местного населения, затем многие «боящиеся Бога» стали посещать синагоги. Удивительно, но такие люди находились даже в Писидийской Антиохии. И христиане не могли этим не воспользоваться.

Наступил наконец час для Павла и Варнавы: «и, войдя в синагогу в день субботний, сели» (Деян 13:14). Сначала к ним присматривались. Просто так, из интереса, как-никак незнакомцы. Потом решили удовлетворить любопытство: «После чтения закона и пророков, начальники синагоги послали сказать им: мужи братия! если у вас есть слово наставления к народу, говорите» (Деян 13:15).

Проповедники с нетерпением ожидали этого приглашения. Павел поднялся и произнес длинную речь о преемственности в истории народа Израиля. Чтобы записать эту речь, Луке пришлось использовать весь

свой талант. «Мужи Израильтяне и боящиеся Бога! послушайте» (Деян 13:16).

Невозможно не вспомнить о Петре, произносившем речь в храме, о Стефане, выступавшем перед синедрионом, — их речи сохранила для нас рука Луки. Вся Библия проходит перед нами в словах Павла: «Бог народа сего избрал отцов наших и возвысил сей народ во время пребывания в земле Египетской, и мышцею вознесенною вывел их из нее...» (Деян 13:17).

Странствие еврейского народа по пустыне, возвращение в Израиль, раздел земель, возвышение судей, взаимоотношения царей и пророков — ничего не забыл в своей речи Павел.

«...Поставил им царем Давида, о котором и сказал, свидетельствуя: нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева» (Деян 13:22).

Кто знает, может, собравшиеся покачивали головами и боролись с одолевавшей их дремотой. Эти слова они слышали столько раз! Понимание же этой речи для нас очень существенно: она позволяет уловить смысл учения Павла и аргументы, приводимые им, начиная с этого времени, в доказательство своих — поистине революционных — выводов. Постепенно голос Павла набирал силу, и синагога очнулась от дремоты.

«Из его-то потомства Бог по обетованию воздвиг Израилью Спасителя Иисуса» (Деян 13:23). Павел сделал паузу, а присутствующие обратились в слух. «Мужи братия, дети рода Авраамова, и боящиеся Бога между вами! вам послано слово спасения сего» (Деян 13:26).

Явно «боящихся Бога» было здесь немного, но к этому меньшинству стоило обратиться, что не преминул сделать Павел. Он продолжил: «Ибо жители Иерусалима и начальники их, не узнав Его и осудив, исполнили слова пророческие, читаемые каждую субботу, и, не найдя в Нем никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его. Когда же исполнили всё написанное о Нем,

то, сняв с древа, положили Его во гроб. Но Бог воскресил Его из мертвых. Он в продолжение многих дней являлся тем, которые вышли с Ним из Галилеи в Иерусалим и которые ныне суть свидетели Его перед народом. И мы благовествуем вам, что обетование, данное отцам, Бог исполнил нам, детям их, воскресив Иисуса, как и во втором псалме написано: Ты Сын Мой: Я ныне родил Тебя» (Деян 13:27-33).

Воскресение Христа, твердо говорил Павел, внимательно глядя на собравшихся, пока единственное и неповторенное событие: «Итак, да будет известно вам, мужи братия, что ради Него возвещается вам прощение грехов; и во всем, в чем вы не могли оправдаться законом Моисеевым, оправдывается Им всякий верующий» (Деян 13:38-39).

Кто из иудеев, кроме Павла, осмелился бы утверждать, что у закона Моисеева есть пределы и что пределы эти можно преступать? Лишь один до сего времени — апостол Стефан. Ему это стоило жизни. Павел не только повторил слова Стефана, но и сделал далеко — в вечность — идущие выводы.

Так постепенно, из месяца в месяц, из года в год, одолевая одно препятствие за другим, убирая противоречие за противоречием, будет строиться христианская теология.

По словам Шалома Бен-Хорина, иудея и специалиста по истории религий, выступления Павла в синагогах точно вписываются в рамки традиционной службы: чтение парашат хашавуа (буквально «недельная глава») — главы Торы, избранной для этой недели; затем хафтара (буквально «завершение») — отрывок из пророков, потом проповедь. Для толкования неясных мест в ходе проповеди обращались к раввину, который бывал в этих местах проездом, или к какому-либо ученому гостю. Так поступают и в наши дни. Бен-Хорин

считает, что это вполне в духе традиции пригласить прочесть проповедь в синагогах диаспоры Павла, наверняка представлявшегося учеником Гамалиила. Павел начинал толкование Писания в духе иудаизма эллинистического периода, но затем сообщал весть об Иисусе — это слушатели-иудеи неизменно воспринимали как святотатство.

Правда, в Писидийской Антиохии скандала не случилось. Наоборот, Павла просили продолжить рассказ в следующую субботу: «Когда же собрание было распущено, то многие Иудеи и чтители Бога, обращенные из язычников, последовали за Павлом и Варнавою, которые, беседуя с ними, убеждали их пребывать в благодати Божией» (Деян 13:43).

«Чтители Бога»? Это все те же «боящиеся Бога». А еще к слову «чтители» будут добавлять: «необрезанные». Точнее не скажешь.

Слух о двух путниках, неизвестно откуда прибывших и рассказывающих о странных событиях, разошелся по городу мгновенно. В следующую субботу синагога была битком набита народом, и иудеи неожиданно оказались в меньшинстве среди язычников, жаждавших послушать иноземцев. «...Иудеи, увидев народ, исполнились зависти и, противореча и злословя, сопротивлялись тому, что говорил Павел» (Деян 13:45).

Легко вообразить молельный зал, где в давке нечем дышать, а те, кому не хватило места внутри, толпятся у входа. Как и неделей раньше, Павел берет слово, но при первом же упоминании имени Иисуса раздаются гневные выкрики. Чтобы понять почему, обратимся снова к Бен-Хорину. Он хорошо знает то, о чем пишет: «Иудеи, даже если речь идет об эллинизированных и достаточно свободомыслящих евреях диаспоры, со всей очевидностью почувствовали, что они столкнулись с отчуждением собственной традиции, с толкованием, выходящим за пределы закона. В противовес тому, что

могли подумать многие христианские теологи, это чувство возникло не из-за утверждения Павла об Иисусе как Мессии. Не в этом заключается суть скандала... Если бы Павел ограничился тем, что объявил о приходе Мессии в лице Иисуса из Назарета, он бы не оказался в таком конфликте с синагогой, который отметит всю его жизнь. Столкновение произошло потому, что Павел, с одной стороны, в глазах иудеев умалял значение закона Моисеева в самом широком смысле этого слова, а с другой — он проповедовал абсолютное равенство между язычниками и иудеями, что сводило на нет идею избранности народа Израилева».

Отказать евреям в праве быть избранным народом — значит действительно потребовать от них слишком многого. И лучшее доказательство этому мы найдем в событиях вечера того же дня. В то время как иудеи сыпали проклятиями, остальные им возражали: дайте ему сказать! Язычники хотели узнать больше о необыкновенном Иисусе, имя которого пробуждало в них мечты. Языческий пантеон постоянно обогащался новыми богами: почему бы не допустить в него и Христа? Тем более что Он обещал равенство всем.

Отсюда и столкновение интересов, к счастью, ограничившееся только словесной перепалкой. Следовало ли Павлу и Варнаве умерить пыл своих речей? Это не было им свойственно. Присутствие в синагоге в таком количестве язычников давало проповедникам шанс, который нельзя было упустить. Они с дерзновением воззвали к иудеям: «Вам первым надлежало быть проповедану слову Божию...» Но взрыв негодования заставил их продолжить вполне предсказуемо: «...но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам». Потрясенные этими словами иудеи умолкли. Теперь Павел и Варнава, уступая слово друг другу, говорили именно для язычников: «Ибо так

заповедал нам Господь: Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли. Язычники, слыша это, радовались и прославляли слово Господне, и уверовали все, которые были предоставлены к вечной жизни» (Деян 13:47-48).

Неужели все? Лука вновь позволяет себе увлечься собственным энтузиазмом. То, что и в этот день, и в следующие дни были обращенные, вполне достойно доверия. Но то, что христианство победило «по всей стране», как написано в Деяниях, было бы правдой после уточнения автором, сколько времени занял путь к этой победе. Сегодня считают, что прошло чуть больше года.

Но мы должны признать: успех был велик, поскольку Павел в Послании к галатам пишет, что сумел убедить язычников, которые жили, «не зная Бога», и служили богам, «которые в существе не боги» (Гал 4:8). Таким образом, речь идет о жителях Анатолии, сохранявших верность древним культам, поклонявшимся богу Мену, излечивающему все живое, Сабазию, воскресшему из мертвых, и всаднику-привидению, обещавшему бессмертие.

Где еще нашлась бы такая благодатная почва для сеяния новой веры, как не в этой оригинальной мифологии с ее поклонением богам-спасителям, а может, и одному богу?

Чтобы добраться до хорошо охраняемых руин Антиохии Писидийской, мы проехали через городок Ялвак. Первое, на что обратили внимание, — акведук. Его бесчисленные арки, изгибаясь, уходят вдаль к горам. Вокруг по полям разбросаны аккуратные холмики, под которыми скрываются руины, пока еще не раскопанные. Приходится карабкаться по крутому склону, чтобы попасть в древний город через монументальные ворота, от которых осталось лишь несколько пилонов. Через них выходишь на площадь, затем на улицу, названную в

честь Тиберия. Слева длинная мощеная дорога поднимается вверх к полукруглому театру, построенному во II веке до н. э., следовательно, Павел мог этот театр видеть. Тут нас поджидает сюрприз: оказывается, улица уходит в тоннель под трибунами театра. Я поднялся на одну из самых высоких трибун и попытался увидеть под заросшим травой пространством, простиравшимся у моих ног, кварталы древнего города. Неужели та синагога, где все и началось, скрывается под этой рыжеватой землей? Пока из плена земли освободили лишь римские бани. В то утро было солнечно и жарко, и единственный рабочий в красной строительной каске что-то делал среди камней.

Павел и Варнава настойчиво продолжали проповедовать, и гнев иудеев достиг апогея. Особенно неистовствовали женщины. Они засыпали жалобами местные власти. В других случаях римляне не стали бы вмешиваться в подобного рода споры. Но иудейские женщины, громко протестовавшие против проповедей, принадлежали к лучшим семьям города. И они были богаты. Ничего другого не оставалось, как использовать власть: приезжих изгнали из города. «Они же, отрясши на них прах от ног своих, пошли в Иконию. А ученики исполнялись радости и Духа Святаго» (Деян 13:51-52).

Кто знал бы сегодня о галатах, не будь обширного письма, адресованного им Павлом? Речь идет о кельтском племени, пришедшем с Балкан в III веке до н. э. и поселившемся на засушливых нагорьях Анатолии. После битвы при Филиппах галатский царь Аминта получил от Антония в управление Писидию, затем Галатию, часть Ликаонии и Памфилии. Позднее Август подтвердил права царя галатов на эту обширную область. К концу царствования Августа (25 год до н. э.) римляне просто-напросто захватили весь регион,

превратив его в римскую провинцию. Зачем препоручать управление союзникам, если можно править самим?

Добраться до Икония (сегодня это город Конья) на машине легко: сто восемьдесят километров пути, из них тридцать по горам. Но пешком? Павел и Варнава шли по ущельям, где черные скалы причудливой формы способны навести ужас на путника. У каждого поворота дороги их могли подстерегать разбойники. Деревень вдоль дороги, где находили тогда убежище путники, сейчас уже нет.

Можно представить, как они облегченно вздохнули, выйдя на мощеную дорогу. Едва закрепившись в Азии, Рим дотянул и досюда замечательную сеть дорог, которая уже покрывала Европу и являлась символом римского могущества. Вначале дороги строили в военных целях: нужно было обеспечить быстрое продвижение легионов. В 6 году до н. э. Август приказал начать строительство дорог на территории современной Турции. Инженеры принялись за работу и проложили дороги от Антиохии Писидийской: одна шла на восток, пересекала долины и горные хребты, проходила через Султан-Даг, достигая сквозь узкое ущелье Икония; вторая тянулась на северо-восток, в Каппадокию. В честь Августа обе дороги называли *Via Sebaste*: греческое слово *Sebastos*^[25] соответствовало латинскому *Augustus*.

Строители вели дороги сквозь горы и равнины, чаще всего по прямой, и, воздвигая вдоль дорог настоящие произведения искусства, творили одно чудо за другим. Не было забыто ни одно правило, по которым велось строительство и в Европе, и в Африке: ширина дороги должна составлять от четырех до восьми метров, дорога с каменным основанием, закрытым слоем бетона, и все вместе толщиной два метра. Дорожные плиты делались так умело, что их не надо было скреплять цементом. Дороги прокладывали легионеры, которым помогали «волонтеры» из местного населения, естественно,

сгоняемые на стройку силой. Только представим себе, что сеть дорог в III веке уже достигла Персидского залива! Остается только недоумевать, почему древние не объявили римские дороги восьмым чудом света.

Можем не волноваться: миссионеры теперь шагали по мощеной дороге. Разве только они не предпочли выбрать параллельно протоптанную тропинку, где идти приятней. Те из читателей, кто любит ходить пешком, меня поймут.

Когда проходишь по пригородам нынешней турецкой Коньи, удивляет изобилие новых построек и строящихся зданий, впрочем, радующих глаз своими яркими красками. Невозможно найти ни малейший след святого Павла в этом большом современном городе, насчитывающем шестьсот тысяч населения. Конья, прославившаяся в XIII веке знаменитыми вращающимися дервишами, чтит ныне пророка Мухаммеда: впечатляет мечеть, построенная султаном Селимом для своего отца Сулеймана Великолепного; интересна самая старая (1220) мечеть Алаадина, где сохранились сорок две античные колонны, увенчанные капителями, снятыми с римских памятников; и это все, что, пожалуй, мог видеть святой Павел. Впрочем, еще многочисленные римские надгробия внушительных размеров из камня или мрамора, в зависимости от статуса покойного. Сейчас эти надгробия хранятся в саду археологического музея.

Город получил свое имя в честь императора Клавдия: Клаудиконий стал Иконием. Во времена Павла здесь особо чтили Геракла и поклонялись фригийским божествам: Зевсу, Магисту и Кибеле.

Павел и Варнава действовали так же, как в Антиохии Писидийской, где добились впечатляющих результатов: в субботу они появились в синагоге, где им предложили взять слово для проповеди, и они тут же согласились. В конце концов «уверовало великое множество Иудеев и Еллинов», к великому прискорбию тех иудеев, что

остались непреклонными; они, выслушав ересь, «возбудили и раздражили против братьев сердца язычников» (Деян 14:1-2).

Теперь уже были задеты не только иудеи — обращение в христианство некоторых язычников возмутило их собратьев. Негодование объединило оба лагеря, которые вместе выступили против пришельцев. Проповедников решили схватить и побить камнями. Но Павла и Варнаву вовремя предупредили; им удалось ускользнуть и выйти на римскую дорогу, которая в те времена вела в Листру: день пешего пути — и вы в одном из самых прекрасных городов Центральной Анатолии. Причудливо изрезанные горы цветом от охры до нежно-зеленого и темно-зеленого образуют огромный цирк, господствуя над высоким нагорьем.

Нам захотелось увидеть Листру, на месте которой теперь стоит деревня Хатурсарай. Никаких следов от римской дороги. По мере того как мы к ней подъезжали, современная дорога извивалась все больше. От Листры остались лишь жалкие развалины, погребенные под землей. От этого города, основанного Августом в 6 году до н. э., сохранились лишь отдельные камни, фрагмент крепостной стены, а в нескольких деревенских дворах — саркофаги, используемые как лохани. Это большая и очень бедная деревня с саманными строениями под крышами из плетеных веток, обмазанных глиной. Крестьяне были удивлены, увидев нас. Ничто не напоминает здесь о Листре, где едва не погиб святой Павел.

В античные времена об этих местах высказывались неодобрительно. Не пощадил их Страбон: «Высокое и холодное нагорье, никакой тени, вода — большая редкость, а колодцы необычайно глубоки». Там, где паслись многочисленные стада онагров, воды не хватало

до такой степени, что ее приходилось закупать на привалах. Цицерон, находившийся здесь в должности проконсула, отзывался о невежественном и диком местном населении с презрением. Несмотря на усилия римских ветеранов, Листра в то время, когда туда прибыли Павел и Варнава, являла собой всего-навсего искусственно разросшееся деревенское поселение, едва затронутое цивилизацией, облагороженное трудами новых поселенцев.

Как донести Благую весть до населения, не знающего ни греческого, ни латыни, ни еврейского? Но Павел и Варнава не отступили. Для начала они показывались на людях, так что местные жители привыкли видеть иноземцев. Появился интерес: а откуда они пришли? Когда Павел начал проповедовать, его приходили послушать, не понимая ни слова, но восхищаясь потоком слов и питающим эту речь пылом.

Среди немногочисленных слушателей однажды оказался калека, старавшийся не упустить ни звука таинственной речи. «В Листре некоторый муж, не владевший ногами, сидел, будучи хром от чрева матери своей, и никогда не ходил». Несчастный пожирал глазами Павла, который встретился с ним взглядом и увидел, «что он имеет веру для получения исцеления». Тогда Тарсянин устремил взор на калеку и громким голосом приказал: «Стань на ноги твои прямо» (Деян 14:8—10). Человек понял по интонации, что ему предлагают. Он подчинился. Он вскочил. И вот он уже идет!

Представьте себе изумление жителей Листры. Сбежался весь город, все были взволнованы. Каждый хотел посмотреть, дотронуться до исцеленного калеки. Один из почтенных жителей Листры, потрясенный больше других, сделал свой вывод из сотворенного на его глазах чуда. Он провозгласил на своем ликаонском наречии:

— Боги в образе человеческого сошли к нам!

Его слова точно передали то, что чувствовали люди, и их встретили с восторгом. Не теряя ни минуты, они определили, что это за боги. Варнава, который выше и телом крепче, — это, конечно, Зевс. Что же касается державшего речь Павла, то он, несомненно, Гермес — посланник богов Олимпа, которого римляне называют Меркурием. Оpozнав богов, они простерлись ниц и вознесли им молитвы. Даже жрец храма Зевса, построенного у ворот в город, признал в них небожителей. Он явился, потрясая венками и таща за собой волов. Сейчас же надо принести животных в жертву великим богам, почтившим город своим посещением! Потрясенные Павел и Варнава тщетно пытались понять смысл всей этой суматохи. Наконец они осознали, что происходит. Как могли принять их за богов, их, возложивших на себя обет нести слово истинного Бога! Видя, что их возражения никто не слушал, оба проповедника совершенно неожиданно для всех присутствующих разодрали на себе одежды — в античности этот жест всегда поражал окружающих:

— Что вы делаете? Мы — подобны вам! Мы, как и вы, люди!

В толпе нашелся кто-то, говоривший по-гречески. Он перевел слова Павла. Все замолчали.

«...Благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу Живому, Который сотворил небо и землю, и море, и все, что в них, Который в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями, хотя и не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные и исполняя пищую и веселием сердца наши» (Деян 14:15-17).

Павел действовал как стратег. Не имело смысла вести наступление на этих язычников, чья реакция была непредсказуема. Не стоило рисковать миссией. Поэтому

Павел больше ничего не стал говорить. Лица собравшихся помрачнели, более того, на них появилось выражение недовольства. Как же были разочарованы обитатели Ликаонии! А проповедники едва убедили народ не приносить им жертвы и идти каждому домой.

Но диалог все-таки продолжился. Люди просили, чтобы им объяснили про этого живого Бога. Нашлись и переводчики. Понемногу Павел и Варнава овладели основными словами из языка Ликаонии. Число обращенных росло. Первыми за крещением обратились две женщины — Евника и мать ее Лойда. За ними последовал сын Евники — юноша по имени Тимофей, почти ребенок, воспитанный отцом-греком в лоне языка Перикла. Потрясенный речами Павла, Тимофей умолял взять его с собой. «Будь терпелив!» — Сказал ему Павел.

Слухи об успехах проповедников достигли Икония и поразили, словно удар хлыста, иудейскую общину, которая полагала, что избавилась от этих опасных болтунов. Иудеи Икония бросились в Листру, чтобы разъяснить простодушным жителям истину и положить конец фокусам самозванцев. Их гнев оказался заразителен: в мгновение ока настроения в Листре изменились. Особую злобу вызывал Павел: излечив калеку, чудодеей заставил всех вступить на неверный путь! Павла схватили, Варнаву, рвавшегося ему на помощь, оттолкнули. Иудеи из Икония, по-прежнему терзаемые яростью, спросили, как собираются поступить с этим лже-Гермесом. Последовал недвусмысленный ответ:

— Побить камнями!

Как было Павлу в это мгновение не вспомнить о мученической смерти несчастного Стефана?! Как и Стефана, Павла выволокли за городскую стену и бросили наземь. Озлобленная толпа набрала камней, и град их обрушился на Павла. Когда жители Листры и иудеи, разбудившие их гнев, увидели, что Павел лежит

бездыханный, они сочли его мертвым. Оставив недвижимое тело лежать на земле, они покинули место казни.

Не дрогнувшие в своей новой вере первые из новообращенных в христианство прибежали к телу Павла вслед за Варнавой. Они склонились над ним и увидели, что сердце еще бьется, а голова цела. Судя по всему, серьезных ран он не получил. Выжить после побивания камнями — такого почти никогда не бывало. Неужели бросавшие камни сдерживали себя? Павлу необыкновенно повезло, к тому же происшествие еще раз продемонстрировало, сколько жизненной энергии крылось в этом тщедушном человеке. Утверждать, как это делает Лука, что на следующий день Павел вместе с Варнавой продолжил путь — значит не представлять реально, насколько серьезны раны, неизбежно полученные во время такой пытки. Чтобы дойти из Листры в Дервию, которая, как было намечено, должна была стать последним этапом их миссии, следовало пройти сто сорок километров. Невозможно осилить их человеку, пережившему побивание камнями. Надо полагать, что в Листре какая-нибудь семья из новообращенных дала Павлу приют, спрятала его и лечила. Через несколько дней Варнава, наверное, взял у кого-то тележку, устроил на ней Павла и с остановками довез до Дервии, где находилась римская колония. Там Павел выздоровел и начал проповедовать.

От Дервии сегодня не осталось ничего, совсем ничего. Считается, что телль ^[26] Керти-Хюйюк на юго-восток от Коньи якобы указывает на место Дервии. Во времена Павла это был немаленький город. В Деяниях сообщается, что два проповедника приобрели там «довольно учеников», но ничего не говорится о том, сколько времени они там оставались. Лука по этому

поводу хранит молчание, ничем не помогают и послания Павла.

Сколько времени нужно, чтобы залечить раны, полученные при побивании камнями? Сколько времени нужно, чтобы обратить в новую веру народ? Ответить на первый вопрос легче, чем на второй. Остановимся же на нескольких месяцах.

Почему, выздоровев, Павел не принял решение отправиться прямо в Тарс? Может, потому, что наступила зима? Пересечь в это время года Тавр — не самая привлекательная перспектива. Авторы той эпохи часто пишут о «непроходимом Тавре». Но зная, сколь упрям Павел, надо поискать другую причину. Можно предположить, что он счел необходимым укрепить молодые церкви и по образцу советов, возглавлявших иудейские общины, назначить руководителей. «Рукоположив же им пресвитеров к каждой церкви, они помолились с постом и предали их Господу, в Которого уверовали» (Деян 14:23).

Похоже, что ни Павел, ни Варнава не испытывали колебаний. Распрощавшись с новой христианской общиной в Дервии, они отправились в обратный путь: снова прошли через Листру, Иконий и Антиохию Писидийскую. Каждый раз, оказываясь в этих городах, они подвергали себя риску. Что случилось с теми новообращенными, которых они окрестили? Проповедников ожидала радость: эти люди сохранили христианскую веру. Оба миссионера оставались, пока было возможно, вместе с их новыми братьями по вере, «утверждая души учеников, увещевая пребывать в вере». Впоследствии эти общины переросли в церкви.

Обязанные Павлу своим рождением церкви состояли почти исключительно из язычников. Это, несомненно, был урок для Павла, связывавшего будущее христианства с иудеями. Столкнувшись с агрессивным

сопротивлением иудеев, Павел нашел в Малой Азии сторонников своей веры среди народов, погруженных в иную мифологию. Они оказались готовы принять Благою весть в сердце. И еще один урок, вынесенный из азиатских скитаний: нигде речь не шла об обрезании. Все сводится к словам, с которыми Павел позднее обратится к новым христианам: «...многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян 14:22).

Глава VII

ПОД ЗНАКОМ ОБРЕЗАНИЯ

Когда возвращаешься обратно, самое трудное заключается в том, что тебе уже известно, как глубоки ущелья, в которые придется спускаться, ты знаешь, как круты склоны, по которым предстоит карабкаться. Снова ты будешь слышать те же бесчисленные звуки, что возвещают об опасностях, которых удалось избежать по пути туда, но теперь они грозят стать реальностью. Мы никогда не узнаем, какие чувства обуревали Павла и Варнаву по дороге в Атталейю: жажда скорее добраться до места или страх, что им это не удастся. Нет никаких способов измерять время, разве только делая насечки на посохах. И путники с нетерпением ждали, когда между ветвями деревьев в нестерпимом сиянии откроются небесная голубая и морская синяя гладь. Наконец вот оно, счастье! Перед ними *Mare Nostrum* — Средиземное море. Сердца учащенно бьются, каждый охвачен ощущением свободы и радости: в Пергии и Атталее созданные ими церкви живут и развиваются. Когда Павел и Варнава с сожалением расстанутся со своими учениками и наконец-то сядут на корабль, можно считать, осторожно оценив хронологию их скитаний, что с начала проповеднической миссии прошло два года.

Путешествие на корабле прошло без всяких приключений. К концу пути судно убрало паруса, войдя в порт Антиохии, но не Писидийской, а Сирийской. Когда Павел и Варнава сошли на берег, то, вероятнее всего, эти два человека, преодолевшие дикие горы, жившие среди малоцивилизованных людей, были потрясены контрастом. В огромном городе все осталось по-прежнему: и людская суета, и гордость званием

вольного города, и оживленная деловая жизнь, и тщеславие богатых, и нищета тех, кому нечего продавать кроме пары своих рук.

В течение двух лет миссионеры не давали о себе знать. Да и как они могли это сделать? Время шло, и росла тревога среди христиан Антиохии. Но вот, наконец, проповедники вернулись и рассказали о своей миссии, не утаив ни неудач, ни успешных обращений в веру. Их слушали, ими восхищались. Но далеко не все: некоторые из христиан не могли скрыть раздражения, узнав, что крестились в основном язычники. Как с огорчением убедился Павел, антагонизм между евреями-христианами и язычниками-христианами еще не исчез.

По мнению Пьера-Антуана Бернхайма, автора биографии апостола Иакова, иудеи в I веке достаточно терпимо относились к язычникам и идолопоклонникам. Враждебность и даже ненависть если и встречались, то лишь к язычникам, «которые почитают иных богов на землях Израиля, или же к тем, кто за пределами Израиля выступает против воли Яхве». Пророк Исаия утверждает: «И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы» (Ис 2:2). Дважды Исаия передает слова Яхве: «...и вот, приду собрать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою» (Ис 66:18). Кажется, что в этих словах передана мысль об экспансии новой церкви. Однако во многих других книгах Священного Писания осуждаются всяческие контакты с язычниками. Все пока непросто.

Отношение иудеев эпохи Павла к язычникам так же неоднозначно, как в ветхозаветные времена. Феномен «боящихся Бога» тем не менее свидетельствует об отказе от агрессивности. Если язычники, привлекаемые монотеизмом, который для них был чем-то совершенно

непривычным, посещали синагоги, значит, перед ними не закрывали дверей иудейских храмов. Иосиф Флавий, рассказывая об антиохийских евреях, удивляется, «как много греков привлекали они на свои религиозные церемонии», делая их «в какой-то мере частью своего сообщества».

Таким образом, не было ничего необычного в том, что обращенные в христианство иудеи привлекали в свои ряды язычников, но Павел был вынужден признать: есть два лагеря, упорствующие каждый в своих воззрениях. Одни требуют, чтобы язычник, желающий креститься, стал сначала иудеем, другие же — и на их стороне симпатии Тарсянина — привержены свободе, которую, как писал сам Павел в Послании к галатам, «мы имеем во Христе Иисусе» (Гал 2:4). Для Павла крещение создает христианина, даже если он не ел кошерного и не прошел обряд обрезания, «ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим 14:17).

Наконец и та и другая сторона решили обратиться к высшему авторитету: к иерусалимской церкви. Миссия, в которую вошли представители обеих сторон, отправилась в Иерусалим. Возглавили ее Павел и Варнава, а потому становится понятным, какие взгляды будет она защищать. «...Опять ходил я в Иерусалим с Варнавою, взяв с собою и Тита», — напишет потом Павел (Гал 2:1). О Тите Павел сообщает: он родился в семье язычников и не был обрезан. Лука добавляет еще одну деталь, весьма значимую: они «...быв провожены церковью» (Деян 15:3), то есть церковью Антиохийской.

Идти к святому граду приходилось вполне земным путем. «...Они проходили Финикию и Самарию, рассказывая об обращении язычников, и производили

радость великую во всех братиях» (Деян 15:3). В Иерусалиме их ожидала верховная церковная власть.

Об этом собрании нам известно и из Послания к галатам, и из Деяний апостолов. Последствия этой встречи для истории христианства столь значимы, что некоторые позднее назовут ее весьма смело «Иерусалимским церковным собором», что подразумевает официальное, идущее по протоколу собрание. Но то была все-таки встреча частного порядка, собравшая нескольких представителей антиохийской церкви, которых мы знаем, — это Иаков, Петр, Иоанн, а напротив них Павел и Варнава. Бывшие фарисеи, доводя Павла до отчаяния, упорно защищали иудейско-христианский подход, твердя, что язычников следует обрезать и заставлять их соблюдать закон Моисеев, причем в полном объеме. Павел, вступая в полемику со свойственной ему резкостью, пишет о «вкравшихся лжебратиях».

Стоит подробнее поговорить об Иакове, который сыграл главную роль в судьбе Павла. Согласно Евангелиям, он, как и большинство членов семьи Иисуса, сначала относился к Иисусу сдержанно и даже неприязненно. Но все изменилось после воскресения Христа. Не может не удивлять то, что Павел в Первом послании к коринфянам уделяет Иакову особое место: он пишет о нем, как о единственном, кто был удостоен явления Христа. И с тех пор Иаков предстает перед нами как человек, убежденный в предстоящем возвращении Иисуса и наступлении Царства Божьего. Обетование Яхве Израилю неминуемо сбудется.

Иаков, уважаемый член христианской общины, говорящий от ее имени, в том, что касается иудейской набожности, может служить примером для самых ревностных собратьев. Сразу же после своего освобождения из темницы царя Ирода Петр сказал: «Уведомьте о сем Иакова» (Деян 12:17). Считают, что в

тот же период, когда Петр был в Иерусалиме, то есть в 43 или 44 году, Иаков заменил его не только как глава городской церкви, но и как глава всего христианского сообщества. То, что для Павла было так важно присоединение к его точке зрения мнения иерусалимской церкви, означает одно: Павел рассматривал иерусалимскую церковь как главенствующую. Для него «три столпа церкви» — это Иаков, Петр и Иоанн. Порядок имен передает, без сомнения, и их иерархию.

Споры в Иерусалиме затянулись. В дискуссию вступил Петр, над которым реял нимб освященного авторитета, признанного всеми: «Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы? Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они» (Деян 15:10-11). Значения этих слов не дано умалить никому: Петр признает, что правила, предписанные иудеям законом Моисеевым, тяжки и большинство сынов Авраамовых не может подчиниться им. Павел и Варнава, с пылом вступив в беседу, рассказали, «какие знамения и чудеса сотворил Бог через них среди язычников» (Деян 15:12). Их выслушали с вниманием, и тут заговорил Иаков, мнения которого с нетерпением ожидали все, включая Павла: «...я полагаю не затруднять обращающихся к Богу из язычников» (Деян 15:19).

После этих слов Иакова колеблющихся не осталось. Апостолы и пресвитеры решили отправить в Антиохию двух посланцев — Иуду и Силу, «начальствующих между братьями», которые должны были пуститься в путь вместе с Павлом и Варнавой. Им вручили письмо, в котором очень точно была передана мысль Иакова: «Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого:

воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удушения, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете. Будьте здоровы» (Деян 15:28–29). Лука представляет это письмо как подлинный, «архивный» документ, что для Деяний апостолов удивительно.

Павел написал об этом собрании много лет спустя, но ясно, что все происшедшее там глубоко повлияло на Тарсянина: надиктовывая свои воспоминания об этом событии, он не сможет сдержать волнения. Он припомнит, что согласился отправиться в Иерусалим по откровению, и передаст слова, которые произнес перед собравшейся церковью: «...И предложил там... благовествование, проповедуемое мною язычникам...» Павел подчеркнет, что столкнулся с сильным сопротивлением обращенных в христианство иудеев: «Мы ни на час не уступили и не покорились... И знаменитые не возложили на меня ничего более». Самое поразительное, что Павел запомнит, как он был услышан: «...увидев, что мне вверено благовестив для необрезанных, как Петру для обрезанных». Павел не сомневался: это историческое распределение проповеднической миссии вдохновлено Господом. Заключительная сцена впечатляет: «И, узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным» (Гал 2:2–9). Только одно условие: никогда не забывать о нищих. И это условие Тарсянин запомнит на всю жизнь.

Едва прибыв в Антиохию, Иуда и Сила, несмотря на то, что они являлись официальными посланниками церкви, без колебаний примкнули к лагерю христианизированных язычников. Они «...преподали наставления братьям и утвердили их» (Деян 15:32). Иуда

через месяц вернулся в Иерусалим, а Сила остался в Антиохии. Неожиданно пришло известие о том, что и сам Петр направляется в Антиохию. С какой же целью? Новость наверняка взволновала христианскую общину. Лишь очень немногие из горожан встречались с главой апостолов, а может, таких и вообще не было, но авторитет Петра — ученика самого Иисуса Христа — был огромен. Очевидец смерти и свидетель воскресения Сына Божьего — это повергало людей в трепет.

Довольно долгое пребывание Петра в Антиохии подтверждается местными преданиями. В трех километрах от центра города, в направлении сирийской границы, есть грот, в котором сохранились следы присутствия христиан древности. Его именуют Гротом Святого Петра.

Прибытие бывшего рыбака с Тивериадского озера вызвало у новообращенных восторг и благоговение. Христиане постарались понять, кого поддерживает Петр. Сторонники Павла не скрывали радости, когда увидели, что Петр охотно разделил трапезу с язычниками. Надо понимать, что в его поведении как главы церкви ничего случайного не было.

Вот первый из тех эпизодов, которые называют «встречи за столом». Надо понимать, что речь идет о столах, за которые садились в память о последней трапезе Иисуса. Верующие собирались за столом, не только чтобы вкушать пищу, но и чтобы молиться. Вспомним, что совместное принятие пищи явилось одним из первых правил христианской общины Иерусалима; речь идет о евхаристии — причащении, где хлеб и вино символизируют особую связь между людьми и Спасителем.

Но так ли все было благостно в общине христиан Антиохии? Вряд ли. В иерусалимской церкви, с подачи Иакова, сочли, что Петр сделал слишком много; к нему отправили новых посланцев, миссию которых можно

определить словами Пьера-Антуана Бернхайма: «Некоторые язычники признали Яхве и его Мессию, но от этого они не стали полноправными членами народа Божьего... Иудеи, признавшие Иисуса, те, кто составляет истинный Израиль, продолжали соблюдать некоторую обособленность в ритуалах с этими бывшими язычниками».

Едва новые посланцы прибыли в Антиохию, Петр заколебался. Обратимся к посланиям Павла: «...я лично противостоял ему, потому что он подвергался нареканию. Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных» (Гал 2:11-12). Не удивительно, что Павел был задет за живое. Но нельзя заподозрить в робости Петра, познавшего ради Христа и заточение, и бичевание и принявшего мученичество во имя веры Христовой. Павел в сердцах, возможно, и готов был намекнуть на троекратное пение петуха и троекратное отречение от Учителя. Однако это лишь мое предположение.

Драма, переживаемая Павлом, заключалась в том, что некоторые из его соратников под впечатлением поступков Петра последовали примеру первого из апостолов. Среди них оказался и дорогой Павлу Варнава, спутник и брат. В глазах Павла это было худшее из того, что могло произойти. Чувствуется, что Павел близок к отчаянию. «...Даже Варнава, — восклицает он, — был увлечен их лицемерием» (Деян 2:13). Бури эмоций сотрясали антиохийскую общину. Случилось так, что Петр и Павел столкнулись лицом к лицу. Можно представить, как они стояли друг против друга — один в смущении, а второй кипя яростью: «...сказал Петру при всех: если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски? Мы по природе Иудеи, а не из язычников грешники» (Гал 2:14-15).

Павел выступил против Петра — кто бы мог подумать, что такое случится. Выпрямившись во весь свой малый рост, уверенный в своей правоте, Павел дал урок тому, кого все признавали оплотом церкви: «...однако же, узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдается никакая плоть. Если же, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, то неужели Христос есть слуга греха? Никак. Ибо если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником. Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня. Не отвергаю благодати Божией; а если законом оправдание, то Христос напрасно умер» (Гал 2:16–21).

Какая диалектика! И как же она обогатится в Послании к римлянам — этом идейном завещании Павла. После столкновения с Петром позиции Павла в Антиохии ослабли. Противостояние затронуло всю церковь: она оказалась буквально разделенной. На церковных собраниях теперь встречались иудеи, выступающие за следование закону Моисееву, и обращенные язычники, обрезанные и необрезанные. Эллинисты же, прежние сторонники Стефана, хотя и продолжали считать себя иудеями, все более отклонялись от Торы, все более сомнительной казалась им возможность обращения всех евреев.

Павел же не сдавался. В Послании к римлянам он со всей силой убеждения повторяет, что у иудеев и язычников один Господь и что Бог никогда не отвергал Израиль. Более того, новообращенные никогда не должны забывать, что они были бы ничем, если Бог через Авраама не избрал бы народ Израиля. Отсюда

знаменитое сравнение с корнями и ветвями маслины: «... и если корень свят, то и ветви. Если же некоторые из ветвей отломились, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, то не превозносишься перед ветвями. Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя» (Рим 11:16–18). Вывод *ne varietur* — иным быть не может: христианство есть ответвление иудаизма. Что вполне очевидно.

Как мог чувствовать себя Павел, оказавшись втянутым в конфликты, которые в сопоставлении с тем, что снизошло на него по дороге в Дамаск, казались ему ничтожными? Он ощущал себя несчастным. Чтобы избавиться от этого чувства и снова начать делать дело — исполнять назначенную Богом миссию, Павел отправляется в те церкви, которые он создал. Горит желанием узнать, что с ними стало.

Отправятся ли Павел и Варнава, как прежде, вместе? Несмотря на «дезертирство» друга, Павел попробовал к нему обратиться, но Варнава уклонился. Может, как считают некоторые, Варнава хотел взять с собой Марка, а Павел, будучи не из тех, кто легко забывает, отверг юношу. Я склонен считать, что Павел, обиженный на Варнаву, высказал претензии другу — это нам известно, — а Варнава не стерпел его горячности. Их дружба умерла. Варнава возвратился на Кипр вместе с Марком.

Одному отправляться в путь было немыслимо. Павел взял себе в спутники Силу, иудея из Палестины, того самого, кто принес христианам Антиохии весть о решениях иерусалимского собрания. Сказать, что они стали соратниками, — значит сказать слишком мало: Сила был предан Павлу душой и телом. Как и Павел,

Сила был римским гражданином и даже принял имя Сильван, что означает «Лесной».

На этот раз Павел предпочел сухопутный маршрут, от которого они некогда отказались с Варнавой, возвращаясь из первого путешествия, поскольку зимой Тавр был непроходим. Как сообщается в Деяниях, Павел «проходил Сирию и Киликию, утверждая церкви» (Деян 15:41). В Сирии христианские общины были уже многочисленны и процветали. Шагая на север, двое путников перешли поросшие лесом горные цепи Амана, именуемого сегодня Кызыл-Даг. Затем они вновь спустились к заливу Исса, омывающему равнину, где в 333 году до н. э. Александр Великий сокрушил царя персов Дария III. В тот день Восток открылся для эллинов.

Пройдя через Адану, рубеж, знакомый Павлу с молодых лет, они дошли до Тарса. Конечно, Павел и Сила должны были сделать там остановку. Двадцать семь лет назад юный Савл с дорожной торбой за плечами покинул родной дом ради Иерусалима. Тринадцать лет назад за ним пришел Варнава, чтобы отправиться вместе в Антиохию. Если родители были живы, им к этому времени перевалило за шестьдесят. Оставаться в Тарсе долго Павел и Сила не могли — долг звал их. Они пошли дальше вверх по течению Кидна, им предстояло перейти горы Тавра.

Эта дорога знакома и мне. Как и другие путешественники, я почувствовал разочарование, потому что эта горная цепь, о которой говорили как о труднодоступной — местами она действительно такова, — сегодня совсем не выглядит таковой. Может, это взгляд из окна машины? Дорога, по которой мы ехали, идет не через знаменитые Киликийские Ворота, это невозможно. Чтобы их увидеть, надо оставить машину и пойти пешком в глубь прохода между двумя отвесными стенами: их высота сто двадцать метров и

всего лишь двадцать метров ширина. Становится понятным, почему слава о Киликийских Воротах шла по всему миру. На память приходят завоеватели всех времен — персы, греки Александра Македонского, римляне Цезаря, — проходя ущелье, зажатые каменными стенами, они, должно быть, ощущали страх и тайную тревогу и передали эти чувства грядущим поколениям.

Дорога все круче и круче. Пробираясь густым лесом, уставшие путники обращали внимание на окружающий пейзаж. А здесь пейзаж очень контрастен: скалистая бесплодная местность через сорок километров от Тарса преобразается, появляется хвойный лес. На высоте 1268 метров над уровнем моря путешественники прошли последний перевал и выбрались на высокое плато: на несколько дней они оказались избавлены от подъемов и спусков. Пришлось ли им идти под проливным дождем, похожим на тот, что хлестал нам в стекла машины в апреле? Если они появились в этих местах ближе к лету, а это возможно, им довелось брести под палящим солнцем, что не лучше дождя. И в любое время года им пришлось бороться с ветром. Сражаясь с ним, сегодня турки высадили на плато тысячи молодых тополей.

Наконец Павел стал узнавать местность: они прибыли в Дервию. Конечно, Павел не мог не рассказать Силе, в каком жалком состоянии привезли его в этот город, как он здесь выздоравливал и сколько душ за время выздоровления обратил в христианство. Когда Павел и Сила появились на улицах, Павла узнали: сбегались люди, окружили путников. Десяток домов распахнул перед ними двери. Павел был счастлив, обнаружив, что духовно христианская община почти не пострадала. Душеспасительные беседы, чтение проповедей, общий пост. Миссионеры покинули Дервию,

лишь почувствовав, что стараниями Павла эти христиане держатся пути истинного.

В стране галатов, точное место мы не знаем, болезнь приковала Павла к постели. Он чувствовал себя так, будто его поразила молния. Вспоминая позднее этот печальный эпизод, он устрасится того, в каком виде вынужден был предстать перед своими последователями: «Но вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнушались им, а приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса... Свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне» (Гал 4:14-15).

Когда Павел говорит, что его состояние могло бы вызвать отвращение, вспомним: в те времена встреча с тяжело и явно больным человеком считалась дурным знаком. Такого человека старались избегать.

Сколько времени он проболел? Об этом Павел не пишет. Точно известно лишь то, что путь он вместе с Силой по выздоровлении продолжил.

В Листре все постарались забыть экзекуцию побивания камнями. Павел встретился с молодым Тимофеем: того не узнать, ему уже восемнадцать. Тимофей, как и раньше, оставался ревностным христианином и напомнил Павлу об обещании, данном три года назад. Павел расспросил о молодом человеке, о котором «свидетельствовали братья, находившиеся в Листре и Икони» (Деян 16:2), и не нашел никаких оснований отказывать юноше. Тимофей почувствовал себя совершенно счастливым, но ему быстро пришлось спуститься с небес на землю: перед отъездом Павел счел своим долгом подвергнуть Тимофея обрезанию.

Обрезать Тимофея! Но почему? Откроем Деяния: «Его пожелал Павел взять с собою; и, взяв, обрезал его ради Иудеев, находившихся в тех местах; ибо все знали об отце его, что он был Еллин» (Деян 16:3). Но

действительно ли вся причина только в этом? И я прошу у читателя разрешения обратиться — только единожды! — к самому Павлу:

— Что же, о великий человек, случилось с тобой в стране галатов? Ты столько времени боролся за то, чтобы язычники могли принять христианство, не подвергаясь обрезанию! Твою точку зрения приняли в Иерусалиме даже те иудеи, кто долго колебался. Тимофей, рожденный отцом греком и матерью еврейкой, уже был христианином во время твоего первого путешествия. Так стоило ли угождать иудеям, отступая от собственных взглядов? А ты отступил! Ты велик, Павел, и чем дальше мы следуем за тобой, тем больше тобой восхищаемся. Почему же ты разочаровываешь нас?

«Проходя же по городам, они предавали верным соблюдать определения, постановленные Апостолами и пресвитерами в Иерусалиме. И церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом» (Деян 16:4-5).

Исследуя послания Павла, можно составить ясное представление об общинах, обязанных своим рождением Тарсянину. В Послании к Титу (1:5) Павел пишет: «Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал». Постепенно Павел определил круг обязанностей этих пресвитеров, введение которых — явная отсылка к правилам иудаизма: «если кто непорочен, муж одной жены, детей имеет верных, не укоряемых в распутстве или непокорности» (Тит 1:6). В обязанности епископа входило надзирать за паствой — ни одна из христианских общин не была еще достаточно прочной. Но епископ должен быть «...не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей

содержащий в послушании со всякою честностью; ибо кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией?» (1 Тим 3:3–5). В Послании к филиппийцам Павел говорит о диаконах, должность которых ввели апостолы в Иерусалиме, как о помощниках епископов. Какими должны быть диаконы, он пишет и в Послании к Тимофею (1 Тим 3:8—13): «Диаконы также должны быть честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести...Равно и жены их должны быть честны, не клеветницы, трезвы, верны во всем. Диакон должен быть муж одной жены, хорошо управляющий детьми и домом своим. Ибо хорошо служившие приготавливают себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса». Далеко не сразу сложилась иерархия служителей церкви, но правила, которые легли в основу этой иерархии, были сформулированы очень рано. Павел явно любил логику: сначала — обращение в христианскую веру, затем — укрепление твердости убеждений, церковное строительство и воцерковление верующих. С этой точки зрения его послания можно рассматривать как учебник по формированию религии.

Как же должны были первые общины обращаться к Богу? И об этом написано Павлом в Первом послании к Тимофею: «Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения; чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию. Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в

преступление; впрочем спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» (1 Тим 2:8-15).

В этих строках сквозит антифеминизм, за который постоянно будут упрекать Павла. Но на основании вышеприведенного текста можно говорить лишь о том, что отношение Павла к женщинам восходит исключительно к библейской Книге Бытия, а она как-никак была написана за семь веков до его рождения и почиталась как священная.

Когда в Деяниях апостолов сообщается, что Павел и его спутники прошли «через Фригию и Галатийскую страну», это надо понимать так, что они опять обошли те области, где проповедовал Павел во время первого путешествия: Дервия, Листра, Антиохия Писидийская расположены в Южной Галатии, Иконий — на границе Фригии и Ликаонии. Миссия была здесь по сути завершена.

Когда они покидали Антиохию Писидийскую, Павел колебался: можно было отправиться на юго-восток по *Via Sebaste*, которая привела бы проповедников прямо в Эфес — перспектива очень привлекательная; либо добираться по северной дороге в римскую провинцию Вифиния. Повинуясь неожиданному порыву, Павел отказался идти в Эфес: он был уверен, что от Эфеса отвратил его Святой Дух. К тому же, как он знал, там побывали другие миссионеры. А Павел никогда и нигде не хотел быть вторым.

Не следует относиться скептически к проявлению Святого Духа в жизни Павла. После события на дороге в Дамаск он жил, постоянно вслушиваясь в себя. Он никогда не сомневался: послания Бога Отца и Бога Сына всегда дойдут до него. Он поверил в это и написал: «... Бог, избравший меня от утробы матери моей...» (Гал

1:15). Чтобы заявить так гордо, чтобы осмелиться пойти так далеко, надо верить до самых глубин души.

Логично предположить, что Павел и его спутники прошли через современную Анкару, когда-то Мидас Сехри, столицу царя Мидаса; через Гордион, где Александр разрубил знаменитый узел, и остановились в Пергаме, где действовала многочисленная иудейская община. Они проповедовали перед иудеями, но безрезультатно. До наших дней дошел расположенный на вершине холма акрополь Пергама с великолепными храмами. Павла они, скорее всего, оставили равнодушным — он путешествовал не ради созерцания красот.

Эрнест Ренан упрямо следовал по тем же дорогам, что и Павел. Скорее всего, они мало изменились с античных времен: узкие, по словам Ренана, — около двух метров шириной, и часто там можно было обнаружить «древние плиты». Путешествие верхом на лошади утомляло писателя, он находил утешение в привалах, которые, по его словам, были восхитительны. «Часовой отдых, кусок хлеба, съеденный на берегах светлых ручейков, бегущих по каменистому руслу, надолго укрепляют ваши силы». Все в этой стране, которую пересек Павел, восхищало Ренана: изобилие воды, бесконечные разнообразные горы, «которые признали бы фантазиями, если бы художник осмелился изобразить их: вершины, изрезанные словно зубья пилы, иссеченные ущельями склоны, странные конусы и остроконечные стены, показывающие во всем блеске красоту камня». А какие деревья! «Длинные ряды тополей, маленькие платановые рощи в широких руслах разнообразных потоков, великолепная поросль деревьев, корни которых погружены в ручьи, а ветви темными букетами поднимаются у подножия каждой горы». Покачиваясь в седле, Ренан размышлял о Павле,

Силе и Тимофее, которые преодолевали этот путь пешком.

А трое проповедников двигались к вполне определенной цели: в Троаду. На то есть простая причина: как-то ночью Павлу во сне явился некий македонец и взмолился: «Приди в Македонию и помоги нам!» После этого видения было принято решение, о котором в Деяниях сообщается так: «...тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что призывал нас Господь благовествовать там» (Деян 16:10).

Кто же скрывается за местоимением «мы»? О ком идет речь? Ведь пишет не Павел. Этот неожиданный свидетель читателю прекрасно знаком. Речь идет о Луке, который до *этого момента* был лишь хронистом, излагающим события. Когда он пишет: «Миновав же Мисию, сошли они в Троаду» (Деян 16:8), то ясно: он не участник события — он записывает чьи-то рассказы о событии. И вдруг: «*мы* положили отправиться в Македонию». Значит, Лука отправился вместе с Павлом! Еще трижды, как можно судить по тексту Деяний, он будет выступать как очевидец и рассказывать о том, что видел сам.

Где и как встретились Павел и Лука? Это нам неизвестно. Остается лишь радоваться тому, что в какой-то момент Лука встретился с человеком, который станет любимым героем его повествования. Если тринадцатый апостол постепенно занял то место, которое ему отведено в Деяниях, этому мы обязаны его встрече с Лукой. Каждому из нас случалось встретить человека — женщину или мужчину, — а потом испытать неудержимое желание встретить его вновь. Именно так произошло с Лукой. Уточним одну важную деталь: здесь, по дороге на Троаду, они встретились уже не в первый раз. Иначе Лука не смог бы, а он уже сделал это, описать

того молодого человека, который стерег одежды палачей, казнивших Стефана. Логика подсказывает, что за Павлом он следил давно. Когда Лука присоединился к Павлу, чтобы стать свидетелем его деяний, он начал новый этап своей жизни.

Что мы знаем о человеке, написавшем Деяния святых апостолов? Прежде всего, согласно очень давней традиции, Луку считают врачом. И наверняка он занимался своим делом, имел лечебную практику. Кроме этого, Лука — талантливый писатель. И в наши дни не редкость врач, который, будучи великолепным специалистом, увлекается литературой или искусством. А теперь представьте себе журналиста, который, собираясь написать биографию своего современника, хочет узнать о нем не только с чьих-то слов, но лично познакомиться с героем своего произведения, сферой его деятельности. Когда я думаю о Луке, мне хочется написать: «специальный корреспондент».

Каждая страница, каждая глава, каждая строчка из написанного Лукой пристально изучены бесчисленным множеством специалистов. Никто не сомневается: греческий язык для Луки — родной. Известный эллинист Эдуард Дельбек отмечает: «Глубокое знание греческого языка в лучших его образцах, более того, аттический характер речи чувствуется в творчестве Луки с начала и до конца, но особенно там, где он свободен от влияния источников и окружающей среды и может стать самим собой: то есть образованным человеком, сформировавшимся в лоне греческого литературного языка».

В его произведениях встречается множество реминисценций авторитетных греческих писателей. Из всех авторов книг Нового Завета Лука — «единственный, следовавший всем оборотам, всем правилам и особенностям классического языка». О том, что он талантливый рассказчик, можно судить по манере

изложения событий, свидетелем которых сам он не был: опуская живописные подробности, Лука несколькими словами описывает эмоциональный фон и концентрирует внимание на факте, динамично меняющейся ситуации. О Тавифе, которую сочли умершей, он, например, пишет: «...она открыла глаза свои и, увидев Петра, села» (Деян 9:40). Рассказывая о вкусах афинян, он подчеркивает, что их любимым занятием было «говорить или слушать что-нибудь новое» (Деян 17:21). Диалог автор едва намечает, но он очень выразителен. Так, Филипп обращается в Деяниях апостолов к эфиопскому евнуху, читающему на своей колеснице: «Разумеешь ли, что читаешь?» (Деян 8:30). Лука не скрывает собственного отношения к излагаемому событию, что придает повествованию живость и выразительность. Из евангелиста Луки получился бы замечательный романист.

Имя Луки как соратника упоминается в посланиях Павла, правда, особой роли этот соратник не играет. Учитывая этот факт, Жан-Роберт Армогат утверждает, что упоминаемый в посланиях Лука и Лука, создавший Деяния, — одно и то же лицо: «Если бы понадобилось подкрепить Деяния апостолов авторитетом автора, обратились бы к кому-нибудь другому из круга близких к Павлу людей, обладавшему большей известностью и легче идентифицируемому». Замечание очень верное. Начиная со II и III веков Ириней, Тертуллиан и Ориген автором Деяний апостолов называют именно Луку. Предисловие к третьему Евангелию — а его Лука пишет тогда же — явно показывает, каковы были намерения автора. Обращаясь к Феофилу, которому он посвящает написанное, евангелист начинает: «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном

исследовании всего с начала, по порядку описать тебе...» (Лк 1:1-3). Особо подчеркнем слова «по тщательном исследовании всего с начала». Такое же требование выдвигал Лука и к Деяниям.

Когда Лука встретил Павла, он был уже христианином. Ему тоже довелось пережить многие трудности, конфликты и угрозы, преодолеть препятствия, поджидавшие новообращенного. Как и любой верующий, Лука задавал вопросы — Павел отвечал. Луку терзали сомнения — Павел рассеивал их. Лука понял, что ему представился великолепный шанс, выпадающий раз в жизни. И вдохновение его не покидало. Он составил словесный портрет Павла и дополнил его исчерпывающим исследованием. Иудей, пропитанный духом эллинизма, Лука останется в памяти грядущих поколений как образцовый ученик и последователь, безоговорочно верящий учителю, преданный, наделенный редким даром — умением восхищаться и передавать это восхищение великолепным литературным языком.

Глава VIII

ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ ЭГЕЙСКОГО МОРЯ

Вправе ли мы считать Павла величайшим путешественником своего времени? Я долго был убежден, что да, но исследования показали: я ошибался. Павел действительно путешествовал очень много и настойчиво шел к своей цели — на то у него были свои причины, — но он был одним из многих. Плиний Младший высмеивал страсть к путешествиям, которая заставляла людей надолго покидать родной дом. История сохранила память о некоем торговце, который семьдесят два раза обошел на корабле вокруг Малейского мыса, а мыс этот, по мнению Эрве Дюшена, великолепного знатока античности, был так же престижен, как мыс Горн в эпоху крупных парусников. Что сказать о рекорде Аполлония Тианского, современника Павла и также уроженца Тарса? Филострат, биограф Аполлония, пишет, что тот объехал Малую Азию, Индию, Месопотамию, Кипр, Грецию, Крит, Италию, Испанию, Сицилию, Хиос, Родос, Египет, Эфиопию. И наверняка этот рекорд был не единожды побит другими, столь же страстными путешественниками.

Павел выбирал дороги, которыми в ту эпоху следовали купцы и торговцы — таких путешественников было больше всего, а также чиновники и политики, военные, врачи и все те, кого сейчас называют туристами, — многочисленные паломники, спешащие к святыням, в изобилии разбросанным по Европе и Азии. Их благочестие часто поддерживалось — это так и поныне — жаждой новизны.

Что же касается очередного путешествия Павла, то в Деяниях апостолов даны лишь очень краткие указания на этапы этого путешествия: «...отправившись из Троады, мы прямо прибыли в Самофракию» (Деян 16:11). Подробнее представить это путешествие нам помогут античные авторы. Итак, мы знаем, что Павел, Сила, Тимофей и Лука отправлялись весной 49 года в морское путешествие на «круглом корабле», который напоминал скорее широкую лодку, чем вытянутой формы парусники, предназначавшиеся для дальних путешествий и перевозки большого количества грузов. Эти же суда венчала мачта, к которой крепился большой квадратный парус, дополненный носовым парусом, служащим для поворота на другой галс. Такие суда называли по-разному: *olcas*, *gaulos*, *ploïon*. Простое весло на корме служило в качестве руля.

Когда Павел плыл к острову Самофракия, его наверняка одолевали мысли о подстерегавших опасностях в предстоящей миссии. В местах, куда он направлялся, не бывал ни один христианин и никогда не звучало слово о Христе. Хватит ли у него силы убеждения для обращения в свою веру? Павел всегда начинал с проповедей в синагогах, и это был ключ к успеху. Теперь они направлялись в Македонию, а там были известны только две иудейские общины: в Фессалонике и Филиппах. Но гордый Тарсянин не желал идти вслед за кем-то чужими путями. В Послании к римлянам Павел не скроет своих намерений: «... благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика. Притом я старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании» (Рим 15:19–20).

На острове Самофракия Павел и его соратники провели лишь одну ночь. Этот остров представляет собой длинную, покрытую лесом гору, поднимающуюся из моря. Самофракия была известна своим святилищем, высившимся на вершине горы; над святилищем раскинула крылья огромная мраморная статуя крылатой богини. Позднее, во время землетрясения, статую поглотила земля, и лишь в 1863 году ее обнаружили и откопали, правда, голова статуи оказалась утрачена. Ныне «Ника Самофракийская» — гордость Луврского музея.

На следующее утро они снова отправились в путь. В зависимости от погоды переход через Эгейское море занимал четыре-пять дней. В июне им наверняка хватило четырех. Обойдя остров Тасос, корабль причалил к тем берегам в Неаполе (ныне Кавала), что так взволновали лорда Байрона. Вряд ли подобные восторги овладевали Павлом. Мне легче представить, как он недружелюбно озирает храм Афины Парфенос, возвышавшийся на мысу. Сойти на берег в Греции, как понимал Павел, равносильно самобичеванию.

Перед ним гордо простиралась уходящая вдаль *Via Egnatia*. Двигаясь прямо по ней, не сходя с ее плит, Павел мог бы — через Филиппы, Фессалонику, Эдессу — добраться до порта Аполлония на побережье нынешней Албании. Оттуда на корабле можно доплыть до Бриндизия, а дальше Аппиева дорога привела бы его прямо в Рим.

Все люди той эпохи испытывали притяжение Рима, и Павел не был исключением. Безграничное могущество завораживает, лишает воли, даже если испытываешь к нему ненависть, — Павел об этом прекрасно знал. Он не хотел торопиться. И отправился по *Via Egnatia*.

Утверждать, что Тарсянин покинул варварские края и вступил в мир цивилизации, — явная нелепость. Он всего лишь перебрался из одной римской провинции в

другую. На берегах Эгейского моря Павел говорил на одном и том же языке: греческом. Не теряя связей, люди, принадлежавшие к одной цивилизации, расселились по всему побережью. Никогда не прекращался торговый обмен через Эгейское море. Например, торговля тканями не знала границ, даже морских. Филиппы, греческий город, населяли купцы, прибывшие из Малой Азии: среди надписей, посвященных городским благодетелям, сохранились и их имена. Блеск, исходивший от Александрии Великой, объединял народы Запада и Востока. Кроме некоторых деловых партнеров отца, к которым он мог обратиться, у Павла были на этом берегу Эгейского моря и родственники: Иасон в Фессалонике, Сопатр (или Сосипатр) в Верии, Луций в Кенхреях, главном порту Коринфа. Обо всех них упоминается в Послании к римлянам и в Деяниях апостолов. Отправляясь на завоевание душ, Павел не пренебрегал родственной поддержкой.

Через четырнадцать километров *Via Egnatia* привела путешественников к Филиппам, укрепленному городу, который основал, дав ему свое имя, отец Александра Македонского Филипп II в 356 году до н. э. Филипп позаботился о том, чтобы в городе был театр, — так поступали тогда полководцы. Этот театр и по сию пору хорошо сохранился, его видно на склоне горы. Несколько колонн и остатки ворот — вот и все, что дошло до XXI века от города, где жил Демосфен. В трех километрах от него в 42 году до н. э. сошлись в знаменитой битве с одной стороны Антоний и Октавиан, а с другой — Брут и Кассий. Убийцы Цезаря потерпели поражение и покончили жизнь самоубийством. На нескольких плитах главной улицы сохранилась двойная колесная колея, и мы можем не сомневаться: по ней ступала нога Павла.

Лука вошел в Филиппы одновременно с Павлом. По его описанию тот был полон энергии: «В день же субботний мы вышли за город к реке, где, по обыкновению, был молитвенный дом, и, сев, разговаривали с собравшимися там женщинами. И одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багрянницею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел. Когда же крестилась она и домашние ее, то просила нас, говоря: если вы признали меня верною Господу, то войдите в дом мой и живите у меня. И убедила нас» (Деян 16:13–15). Заметим, что река, на берегу которой это происходило, определена в процессе археологических раскопок — это небольшая речка Кангит на западе города.

Лидия была родом из Малой Азии, и имя на это указывает. Ремесло, которым она занималась, подтверждает, что у Павла остались связи в среде торговцев тканями. Когда Павел поселился у Лидии, он познакомился еще с двумя женщинами: Синтихией, чье имя означает «встреча», и Еводией, имя которой переводят, иногда не без некоторой иронии, как «легкий путь». Итак, начало апостольского служения Павла в Европе отмечено именами трех женщин. Но это только начало: женщины станут служить ему, предоставлять кров, многие примут крещение. Более того, во многих церквях, созданных Павлом, по его настоянию женщины станут играть далеко не последнюю роль.

Успехи, которых добился Павел, проповедуя в Филиппах, стали основной темой Послания к филиппийцам: «Благодарю Бога моего при всяком воспоминании о вас, всегда во всякой молитве моей за всех вас принося с радостью молитву мою, за ваше участие в благовествовании от первого дня даже доныне...» (Флп 1:3–5). Павел постоянно приводит в

пример другим христианским общинам твердую в вере общину филиппийцев. Но однажды так удачно начавшаяся миссия оказалась под угрозой.

Павел и его ближние любили приходить на берег той самой реки, где они встретили Лидию. Как-то им повстречалась там молодая служанка, наделенная даром прорицания, которым, увы, беззастенчиво пользовались хозяева. Увидев Павла и его спутников в первый раз, прорицательница воскликнула: «Сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения» (Деян 16:17).

Сначала никто не обратил внимания на ее пророчества, но каждый раз, встречая Павла, женщина повторяла эти слова. Павел заподозрил, что ее дар — от злого духа. Он подошел к служанке и обратился к духу, потребовав оставить несчастную в покое: «Именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее». Как продолжает далее Лука, «дух вышел в тот же час» (Деян 16:18). Служанка утратила дар прорицания, а хозяева неожиданно лишились ощутимого источника дохода. Разгневанные, они обратились к властям с жалобой. Павлу и Силе пришлось предстать перед дуумвирами, в обязанность которых входило творить суд. Истцы, изложив причину обвинения, обосновали его, сделав опасные для Павла обобщения: «Сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять» (Деян 16:20–21).

Обвинение показалось магистратам столь серьезным, что, не устраивая суда, они приняли решение об изгнании обвиняемых из Филипп. Но предварительно их должны были подвергнуть бичеванию^[27]. Бичевание — по-латыни *verberatio* — жестокая, иногда смертельная пытка. Случается, как пишет Гораций, что приговоренный оказывается «так растерзан бичом, что становится плохо палачу». Что же

служило орудием пытки? *Flageilum* — бич с коротким кнутовищем, к которому прикреплялись длинные ремни из грубой кожи. Чтобы удар лучше рассекал кожу или плоть, на конце каждого ремня укрепляли свинцовый шарик или баранью кость. Били по спине, ногам, затылку. При каждом ударе бича несчастного пронзала острая боль. С ужасом читаю свидетельства человека, который уже в иную эпоху перенес подобную пытку: «Боль идет от шеи, распространяется до кончиков пальцев ног, проникает в ногти пальцев рук, пронзает сердце, словно в тело всадили нож... Перерывы между ударами тревожно тянутся... Кровь заполняет рот, вырвавшись из легких или из каких-то других внутренних органов, раздираемых судорогами, вызванными невыносимой болью».

Павла и Силу, которые были римскими гражданами, не должны были подвергать таким пыткам. Может быть, они не смогли подтвердить свое гражданство? Сделать это можно было лишь через свидетельство известного лица: друга, родственника, делового партнера. Похоже, что в Филиппах у Павла не нашлось таких гарантов.

После бичевания едва живых миссионеров бросили в тюрьму. Щиколотки их забили в деревянные ножные оковы, прикрепленные к стене, — колодки. С наступлением темноты измученные страданиями узники не смогли заснуть. К полуночи, вероятно, чтобы облегчить боль, они запели, вознося молитвы Господу. Разбуженные посреди ночи другие заключенные, что вполне понятно, возмутились и расшумелись. Но возмущение их сменилось страхом, когда глухой рокот потряс стены темницы. Видимо, это был гул землетрясения. В античной литературе приведено множество свидетельств этого бедствия.

Внезапно в темнице, где были заключены Павел и Сила, рухнула стена, распались цепи и отворилась дверь. Стражник, на ощупь пробравшись в темницу,

никого не увидел и, решив, что заключенные сбежали, вытащил свой меч. Чтобы избежать позора, он решил умертвить себя. Наверное, он что-то произнес при этом, потому что Павел, угадав намерение, вовремя остановил стражника: «Не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь». Стражник бросился за светильником и, вернувшись, увидел на месте Павла и Силу. Он бросился к их ногам, твердя, что обязан им жизнью. В конце концов он освободил узников, и они сказали ему: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой».

Тюремщик пригласил их в свой дом, обмыл раны и, по словам Луки, тотчас же крестился. Неожиданным гостям он предложил трапезу, потом — как того требовал долг — отвел обратно в тюрьму. Но уже на следующий день стражник ворвался в темницу с радостным известием: узников велено отпустить. «Выйдите теперь и идите с миром», — напутствовал их тюремщик, но Павел категорически отказался: «Нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? нет, пусть придут и сами выведут нас»^[28].

Эти слова были переданы властям, которые встревожились, поняв, что нарушили закон, а потом явились в тюрьму, принесли извинения и освободили заключенных, правда, попросив их незамедлительно покинуть город.

Просьба не была выполнена: узники, измученные бичеванием, не могли идти из-за ран. По свидетельству Луки, им пришлось остаться в городе еще на несколько дней. Павлу филиппийские христиане предложили деньги, и он эту помощь принял: «Вы знаете, Филиппийцы, что в начале благовествования, когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаянием и принятием, кроме вас одних; вы и в

Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду» (Флп 4:15-16).

Скорее всего, Лука не сопровождал Павла, когда тот покидал город вместе с Силой и Тимофеем. Они зашагали в южном направлении. Цель — город Фессалоника.

Павел и Сила едва передвигали ноги, но упорно шли вперед. Тимофей, как мог, помогал им. Предстояло пройти сто пятьдесят километров. Дорога была прекрасной, и это позволяло преодолевать ежедневно по двадцать пять километров, то есть путешествие могло занять шесть-семь дней. Но, учитывая физическое состояние Павла и Силы, придется это время удвоить.

Проповедники миновали город Амфиполис; направились по дороге, тянувшейся между морем и горами; прошли рядом с могилой Еврипида, вероятно, ее не заметив. Густые деревья, богатая растительность, быстрые реки вначале смягчали жару. Но вскоре все резко изменилось: жара стала невыносимой, воздух обжигал легкие, одежда липла к телу. Путники брели по берегам озер, вода в которых была теплее воздуха. В полдень в тени деревьев укрывались от зноя недвижные, измученные стада. Об этом вспоминал и Ренан: «Если бы не жужжание насекомых и пение птиц, которые, единственные из созданий, только и могут сопротивляться жаре, можно представить себя в царстве мертвых».

После Аполлонии путешественники оказались в болотистой местности, где царствовала малярия. К счастью, их эта беда миновала. Пришлось взбираться на холмы, что вздымаются над Фессалоникийским заливом. Вдали перед ними поднималась могучая гора — Олимп. Можно представить, как Павел, не без презрения, окинул взглядом царство Зевса. Его эти боги, существование которых он отрицал, не интересовали,

зато взор его приковал большой город, простершийся у ног.

Кассандр, царь Македонии, основал этот город в 315 году до н. э. и дал ему имя своей супруги Фессалоники, сестры Александра Великого. Римляне заняли город в 68 году до н. э. Став столицей расширившей свои пределы Македонии, город добился в 42 году до н. э. прав вольного города. Фессалоника стала резиденцией римского проконсула.

Я увидел этот город, ныне Салоники, первым из всех мест, где бывал Павел. Летом 1955 года, покинув Югославию, дороги которой сильно подпортили амортизаторы нашего автомобиля, выпущенного еще до войны, мы с радостью выехали на греческие дороги и оказались в Фессалонике, большом современном портовом городе. На заправке говоривший по-французски служащий посоветовал нам не называть его Салоники: так называли город турки, а грекам это не нравится. Впрочем, после Второй мировой войны официально город именно так и называется — Фессалоника. Современники Павла охотно посмеивались над этим городом, зажатым между акрополем и илистым побережьем. Прошли века, и на илистых почвах возник второй по значению порт Греции, один из крупнейших городов страны.

В 1955 году я еще не занимался биографией Павла, но следы древности меня очень привлекали. Они обнаружили в центре города, рядом с главной улицей — воспоминание о них свежо у меня до сих пор. Арка Галерия — все, что осталось от дворца, который вплоть до VI века был официальной резиденцией римского проконсула. Павел должен был видеть этот дворец. Неподалеку возвышалась ротонда, императорский мавзолей, превращенный в церковь, а позднее — в мечеть.

Нам понадобилось несколько дней, чтобы узнать: город, где проповедовал иудей Павел, стал после 1492 года крупнейшей еврейской метрополией Средиземноморья. Двадцать тысяч сефардов, изгнанных из Испании, нашли здесь убежище. Теперь от них не осталось и следа: сорок пять тысяч евреев, проживавших в Салониках в 1943 году, были отправлены в Освенцим.

Когда через ворота Леванта Павел, Сила и Тимофей вошли в город, их удивило огромное число иноземцев — многих привлекали в Фессалонику торговля и богатство. Статус вольного города освобождал Фессалонику от римских пошлин: место, где можно платить меньше, притягивает как магнит. И Павел наверняка отметил, как много было на улицах иудеев, которые обосновались здесь за сто лет до его появления.

Известно, что, едва прибыв в город, Павел направился к Иасону, своему родственнику, который, согласно законам иудейского гостеприимства, распахнул перед ним двери своего дома. Узнав, что путешественники совсем без денег, увидев раны Павла, Иасон устроил все так, что тот смог добывать средства своим ремеслом, «...прежде пострадав и быв поруганы в Филиппах, — напишет Павел в Первом послании к фессалоникийцам, — мы дерзнули в Боге нашем проповедать вам благовестие Божие с великим подвигом» (1 Фес 2:2).

Многочисленная иудейская диаспора позволяла Павлу надеяться, что в Фессалонике удастся собрать немалый урожай душ. В следующую субботу Павел отправился в синагогу и сообщил собравшимся об Иисусе, которого они не знали. Лука пишет, что его внимательно слушали не только в этот день, но и три последующие субботы: «...говорил с ними из Писаний, открывая и доказывая им, что Христу надлежало

пострадать и воскреснуть из мертвых и что Сей Христос есть Иисус, Которого я проповедую вам» (Деян 17:2-3). Его слушали, не оспаривая, и весть о необычных проповедях разошлась по всему городу. Не будем, однако, думать, что все иудеи, а уж тем более неиудеи, сразу восприняли Благоую весть. Считается, что около одного процента населения Фессалоники реально услышали удивительную проповедь Тарсянина. Лука подчеркивает: «И некоторые из них уверовали и присоединились к Павлу и Силе, как из Еллинов, чтущих Бога, великое множество, так и из знатных женщин немало» (Деян 17:4). Некоторые из этих «боящихся Бога» нам известны, в том числе грек по имени Аристарх и римлянин Секунд. Каждый раз, когда «боящийся Бога» принимал христианство, Павел справедливо видел в этом подтверждение того выбора, который он защищал в Иерусалиме.

Нас не должно удивлять, что иудеи в Фессалонике возмутились точно так же словам миссионеров, как и в Антиохии Писидийской. Неоднородность иудейского сообщества объясняет эту быструю смену настроений. Диаспора состояла из самаритян, которых всегда держали на некотором расстоянии, из римских иудеев, занимавших посты во властных структурах, из еврейских торговцев, прибывших из Италии и входивших в те же корпорации, что и поклонявшиеся идолам уроженцы Востока. С каждым Павел говорил на его языке. Он понимал, что в торговых кругах царит беспощадная конкуренция, и видел царившую распущенность нравов. В Первом послании, обращенном к фессалоникийцам, он призывает новообращенных «более преуспевать». Им следует всем сердцем «...усердно стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое дело и работать своими собственными руками, как мы заповедывали вам; чтобы вы поступали благоприлично перед внешними и ни в чем не нуждались» (1 Фес 4:11-12). Пусть они

воздерживаются от блуда! «Чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога; чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво» (1 Фес 4:4-6).

В Первом послании к фессалоникийцам Павел выдвигает предположение, которым, вероятно, и можно объяснить умножение числа христиан в первые годы появления новой веры. Иисус объявил, что он вернется на землю, и ни один христианин в этом не сомневается. Павел же, подтверждая это, говорит о неминуемой близости возвращения. Эта новость приводит в восторг.

Павел проповедовал четыре субботы, и никто ему открыто не возражал, но раздражение иудеев росло. Они решили перейти к действиям. «Взяв с площади негодных людей», они подстрекали толпу, устраивали беспорядки в городе, напали на дом Иасона, требуя вывести Павла и Силу к народу. Но, к счастью, ни того ни другого в доме не оказалось. Тогда схватили Иасона и потащили вместе с несколькими христианами к городским магистратам, именовавшимся политархами. Высокие власти выслушали обвинения: «...эти всесветные возмутители пришли и сюда, а Иасон принял их, и все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса» (Деян 17:6-7).

Такие обвинения не могли не произвести впечатления на политархов, которые потребовали залог за то, чтобы отпустить Иасона и его близких. Иасон был достаточно состоятелен и заплатил то, что следовало. Потом он разыскал Павла и Силу и уговорил их покинуть город. С наступлением ночи Иасон отправил их в Верию, куда они добрались после четырех дней пути.

Цицерон упоминает Верию, расположенную в семидесяти пяти километрах от Фессалоники, как *oppidum devium* — «город в стороне от дороги», что

довольно точно. Город раскинулся на восточном склоне горы Вермий, господствуя над равниной, которую пересекают реки Галиакмон и Аксий. Недалеко от этих мест высился гигантский дворец македонских царей. В 1977 году там обнаружили могилу Филиппа II, отца Александра Великого, в которой находились останки человека ростом 1,60 метра, того самого, кого пронзил кинжалом летом 336 года до н. э. собственный телохранитель Павсаний. В золотом ларце хранилось сокровище: корона царя из золотых дубовых листьев и желудей, его пурпурная мантия, щит, мечи и кираса. Невозможно забыть исходящее от сокровищ ощущение величия и могущества. Содержимое могилы перевезли в Салоники, и сейчас это главная ценность археологического музея. Прибыв в Верию, Павел оказался буквально погружен в историю, которую знал и любил с детства.

В синагоге он встретил иудеев, которые оказались «благомысленнее» фессалоникийских собратьев. Доказательством этому послужит то, что «они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая писания, точно ли это так». Несомненно, за этим последовало принятие новой веры: «И многие из них уверовали, и из Еллинских почетных женщин и из мужчин немало» (Деян 17:12).

Но, как это уже бывало неоднократно, нашлись добрые души, сообщившие в Фессалонику весть о крещениях в Верни. Получившие известие иудеи бросились по следу Павла. Убежденные, что их гости не в состоянии противостоять приближавшейся к городу толпе, жители Верии уговорили Павла позаботиться о собственной безопасности. В городе остались Сила и Тимофей, которые ничем не рисковали — гнев иудеев был направлен исключительно на Павла, а апостола новообращенные проводили до морского побережья. Вероятно, Павел сел на корабль в каком-нибудь

маленьком порту, в Дионее или Пидне. Несколько новообращенных из Верии отправились вместе с ним.

Кончалась осень 49 года. Понадобилось три года, чтобы создать в Фессалонике и Верии христианские общины, которым суждено жить. В те минуты, когда судно отчаливало от берегов, Павел уже мог подвести итог проповедничества в Македонии. Первое: он не получил помощи от церкви в Антиохии Сирийской. Средства, которые удалось собрать, пришли из только что возникшей церкви в Филиппах или были заработаны собственным трудом. Что еще важнее: принявшие христианство стали сами обращать других. Они ходили по провинции, чтобы нести Благую весть родственникам и друзьям. Присутствие женщин в общинах Филипп и Фессалоники было несомненным плюсом. Не менее многообещающим было и обращение в христианскую веру «боящихся Бога»; известие о том, что Сын Бога иудеев пришел на землю, помогало преодолеть колебания. Следует признать, что миссия в Македонии оказалась самой плодотворной из всех, предпринятых до этого.

Наверное, во время плавания Павел задумывался более всего о будущем. Он был наполовину грек и чтит греческую культуру. Поэты, которых он читал, философы, которых изучал, язык, который он знал и любил, — все влекло Павла в Афины. Еще в Тарсе он узнал о величии Афин. Никто в ту эпоху не мог считать себя истинным философом, не приобщаясь к культуре Афин, культуре людей искусства, ученых и политиков.

Пока тяжело груженный парусник скользил вдоль побережья Фессалии и перед глазами путешественника проплывали берега, восхищавшие красотой, Павел, наверное, думал о том, что боги Афин имеют не меньшую власть, чем римские. Убеждать, что единственным истинным Богом является сын еврейского

плотника, тех, кто в большинстве своем не представляет, где находится Иерусалим, а об иудаизме судит по бакалейщику из лавочки, представлялось немыслимой затеей. Павел был слишком умен, чтобы не понимать этого, но он был уверен в себе настолько, что не отказывался от благовествования афинянам. От этих мыслей Павел мрачнел, и ученикам апостола приходилось особенно трудно из-за его нелегкого характера.

Судно вошло в пролив Эврип, отделяющий остров Эвбея от материка. Южнее, на мысе Сунион, высились колонны храма Посейдона, и хочется думать, что они взволновали душу Павла. Корабль шел вдоль берегов Аполлона. По левому борту проплыл остров Эгина, затем остров Саламин, на завоевание которого афиняны подвиг, как говорят, своими стихами Солон, отец демократии. Потом Фемистокл и Аристид одержали здесь великую победу над персидским флотом.

Согласно преданию, судно, на котором плыл Павел, причалило не в Пирее, а в порту Глифады. Братия из Верии не пожелала оставить Павла одного и сопровождала его все пятнадцать километров, что отделяют Глифаду от Афин. Убедившись, что он благополучно добрался до места и находится в безопасности, христиане из Верии удалились, а Павел передал с ними наказ Силе и Тимофею как можно скорее воссоединиться с ним.

На рубеже второй половины I века слава Афин по-прежнему была незыблема, но следовало смириться с очевидным: Греция перестала существовать. Взятие римлянами Коринфа в 146 году до н. э. и утверждение их господства повсеместно прозвучали погребальным звоном по Греции. 1 марта 86 года до н. э., навязав свою власть Риму, Сулла захватил Афины, устроив в городе беспощадную резню и бесстыдный грабеж.

Прочтите горькие страницы, написанные уважаемыми путешественниками, среди которых были Полибий, Цицерон, Страбон, Павсаний: свобода, дарованная Римом, всего лишь личина. Они пишут об опустевших деревнях, о заброшенных храмах, о пустых цоколях украденных статуй, о смертельно израненном Пелопоннесе, о Фивах и Аргосе, городах, низведенных до простых деревень. Какое запустение! Казалось, пощадили один лишь Коринф.

Однако Афины по-прежнему боготворили те, кто ценил мысль и слово: Цицерон приезжал, чтобы приобщиться к Элевсинским мистериям, Гораций, Вергилий, Проперций, Овидий подолгу жили в городе, находя здесь пищу для ума и души. Со всего Апеннинского полуострова приезжали в Афины люди с единственной целью — поучиться в академии, в ликее, в садах Эпикура, под портиком стоиков. Когда Павел шагал по улицам Афин, вокруг него бурлила пестрая толпа. На агоре, где находился политический и культурный центр города, где писали историю, ставили первые театральные постановки и первые танцевальные представления, остались лишь болтуны. Лука это отметил: «Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое» (Деян 17:21). Мы догадываемся, что Павел, удрученный уже тем, что остался один — а этого он не любил, — был подавлен обилием храмов, алтарей и многочисленными традициями религии, которая явно не оставалась без адептов. «...Павел возмутился духом при виде этого города, полного идолов» (Деян 17:16). Он немного успокоился лишь в синагоге, где, будучи верен себе, обратился с проповедью не только к иудеям, но и к «боящимся Бога». Прошла суббота, и он ощутил, что ему трудно найти слушателей. Остается лишь одно: рассказывать об Иисусе случайным встречным... или на

агоре, где было полно философов. Почему бы, подумал Павел, ему не смешаться с ними? Этому событию Лука посвятил один из самых ярких фрагментов своего повествования. Вероятно, ему рассказал об этом сам Павел, а может, Дионисий Ареопагит, первый обращенный в христианство афинянин. Все в рассказе Луки звучит правдиво: «Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: “что хочет сказать этот суеслов?”^[29], а другие: “кажется, он проповедует о чужих божествах”» (Деян 17:18).

Понятно изумление жителей Афин при виде невысокого бородатого человека, твердившего о воскресении неизвестного иудея. Какой в этом интерес? Кому это важно? Некоторые, однако, потребовали, чтобы он отправился с ними, дабы полнее изложить свое странное учение.

На холме, где когда-то заседал высший совет Афин, собиралась ассамблея мудрецов, обсуждавших в основном вопросы образования. «И, взяв его, — пишет Лука, — привели в ареопаг» (Деян 17:19). Если Павел позволил себя привести, так это потому, что приглашение, хоть и сделанное не в самой вежливой форме, отвечало его чаяниям.

Лука повествует об этом с увлечением. Возможность передать речь Павла, которому он поклонялся, наполнила его истинной радостью. Записал ли ее Лука, основываясь на рассказе Павла или опираясь на свидетельства слушателей, — в любом случае речь эта доказывает талантливую тактику Павла. Он обращался к афинянам совсем не так, как к простодушным жителям Листры или Дервии. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что имеет дело с людьми не только просвещенными, но и тонко чувствующими. Они философы? Так стоит говорить на языке философов:

«Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: “неведомому Богу”^[30]. Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам. Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, Сам дая всему жизнь и дыхание и всё».

Такое начало привлекло внимание аудитории. Теперь надо постараться его удержать: «От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас».

Его внимательно слушали, и Павел продолжал, вдохновляясь: «Ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: “мы Его и род”».

Последняя фраза не что иное, как цитата из «Феноменов» Арата, автора III века до н. э.^[31] Возможно, после этих слов Павел услышал голоса одобрения. И он нанес решающий удар: «Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого. Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых» (Деян 17:22-31).

Даже если имя Иисуса не было произнесено, слова о том, что Бог поручил человеку сообщить остальным о дне, когда весь мир будет судим — а за что, собственно, судим? — должны были позабавить аудиторию.

Особенно смешной показалась мысль о воскресении неизвестного человека. Эпикуреизм и стоицизм, которые исповедовали в то время греки, сходились в отрицании личного бога, отделенного от вселенной. Эпоха эллинизма допускала жизнь человека после смерти лишь в сознании тех, кто хранит память о покойном. Обстановка собрания, воссозданная талантом Луки, настолько достоверна, что невозможно усомниться в реальности происходившего: «Услышав о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время. Итак Павел вышел из среды их» (Деян 17:32-33).

У Павла уже случались неудачи, будут они еще и впереди. Нам придется поверить, что это была одна из самых обидных неудач. Его на сей раз не оскорбляли, не препроводили в тюрьму, не приговорили к бичеванию, над его словами просто посмеялись. Представляю, как он молча сносил насмешки, как опустили его плечи. Ареопаг больше не пожелал тратить время на этого ничего не значащего индивидуума, и мудрецы разошлись.

Павел остался один. Афиняне не только оскорбили его пламенную веру, полученную от Иисуса, но и задели его самолюбие. А это для Павла было невыносимо.

Никогда больше он не появится в Афинах.

Глава IX

КОРИНФ

Сегодня, в XXI веке, выезжать из Афин в Коринф по автостраде, тянущейся вдоль моря, — занятие малоприятное: нужно пристроиться к бесконечной цепи грузовиков, автомобилей всех видов и размеров, ползущих как улитки, и двигаться вдоль пахнущих нефтью и сероводородом нефтеперерабатывающих заводов и нефтехранилищ, вдоль механических мастерских, где царит беспорядок, вдоль кладбищ машин. Все это тянется по правую руку на километры. По левую руку, за двойной полосой шоссе, в явно загрязненных морских водах ждут погрузки крупнотоннажные суда, давно нуждающиеся в покраске.

Чем дальше удаляешься от столицы, тем привлекательнее становится пейзаж. Запах бензина сменяется ароматом пиний. Над морем, вновь обретшим синеву, сияет солнце, вдалеке виднеется цепочка островов. Но вряд ли Павел, переживавший горечь унижения, обратил внимание на эти красоты.

Если только Павел не предпочел отправиться в Коринф морем, ему пришлось шагать три дня по этой дороге, именуемой Священным элевсинским путем. В конце пути открылась панорама залива, напоминающего озеро, окруженного крутыми скалами и усеянного островками. Над этим заливом, в центре естественной котловины поднимался город Коринф, в котором было самое высокогорное святилище Ахайи. Высилась гора Эгина, скалистые крутые склоны Мегары и дальше — горы Арголиды, покрытые сосновым лесом. О городе и его жителях, их нравах перешептывалась вся Греция; чем-то это напоминало нынешние разговоры о порнографических фильмах. Совершенно иными,

возвышенными идеалами вдохновлялась душа Павла: он должен был нести этим людям, далеким от нравственности, весть о воскресении Христа.

В Кенхреях, одном из двух портов Коринфа, Павел вынужден был остановиться. От второго порта, Лехеи, первый отделял перешеек шириной в шесть километров. Если хочешь добраться от одного порта до другого по морю, надо обойти весь Пелопоннес — огромная потеря времени и денег. Изобретательные эдилы проложили поперек перешейка мощеную дорогу — *diolkos*, чтобы перетаскивать торговые корабли из одного залива в другой; самые легкие суда везли на повозках, тяжелые катили на цилиндрических подпорках. Требовались два, а то и три дня, чтобы сотни рабов с искромсанными веревками плечами, часто подгоняемые кнутом, перетаскивали судно через перешеек. Прорыть канал замыслил еще Нерон. Он даже прибыл в Коринф, чтобы сделать первый удар мотыгой, но дальше этого дело не пошло. Ирод Аттический попытался завершить задуманное, но и ему это не удалось. Коринфский канал был построен лишь в 1893 году.

Итак, Павел остановился в Кенхреях, где «мачты судов теснятся в гавани, как сосны в лесу» (Hildebrandt, 1994). Небольшой квадратный дом среди таких же. Здесь жила и работала молодая супружеская пара — двое ткачей, прибывших год назад в Кенхреи. Мужа звали Акила, жену — Прискилла. Они упоминаются в Деяниях апостолов, в посланиях Павла, как Акила и Приска, поскольку Прискилла — имя уменьшительное. Обращаясь позднее к церкви, созданной им в Коринфе, Павел напишет: «Приветствуют вас усердно в Господе Акила и Прискилла с домашнею их церковью» (1 Кор 16:19). Они были евреями, но христианами. Когда император Клавдий издал в 49 году эдикт об изгнании всех евреев из Рима, супруги были вынуждены бежать. Согласно Светонию, евреи в Риме «постоянно сеяли

смуту, подстрекаемые неким Хрестосом». Вероятнее всего, имеется в виду Христос, учение которого уже овладело умами многих евреев, живших в Риме. Новая религия, распространяясь, угрожала, по мнению властей, сохранению порядка и законности, а значит, должна была быть уничтожена вместе с христианами.

Для Акилы и Прискиллы кенхрейский порт должен был стать лишь остановкой на пути в Азию. Но, к собственному удивлению, они обнаружили, что коринфяне накануне Истмийских игр 51 года очень нуждались в палатках. Не желая отказываться от такой удачи, супруги остались в Кенхреях и открыли мастерскую. Вот в ней-то и появился однажды неказистый на вид человек. Он рассказал, что прибыл из Афин, назвался Павлом из Тарса. Как Павел нашел эту пару? Нигде об этом не сообщается. Человек верующий увидит в том указание Святого Духа. Другие скажут, что Павел спрашивал наугад, где можно найти работу, и ему указали на этот дом. Когда незнакомец сказал, что он умеет ткать палатки, его сразу же взяли на работу. Очень быстро молодые люди заметили, что их гость страдает от плохо зарубцевавшихся ран, которые остались после бичевания. За что такое наказание? За христианскую веру?

Акила и Прискилла представления не имели, какой духовной мощи человек вошел в их дом. Он никогда не отказывался от работы, но в редкие свободные минуты сразу же принимался за чтение Библии. Возможно, он вслух и чуть-чуть нараспев читал строфы из нее, и Прискилла и Акила были этим потрясены.

Павел работал, молился и размышлял, но наступил день, когда он решил уйти: целью его путешествия был Коринф, а не Кенхреи. Логика подсказывает, что он дождался, пока заживут раны, и отправился дальше.

Город Коринф — столица Ахейского союза, разрушенная римлянами в 146 году до н. э., — сто лет лежал в руинах. В 44 году до н. э., всего лишь за сто лет до появления там Павла, Юлий Цезарь приказал восстановить город и заселил его в основном вольноотпущенниками. По словам Ренана, горожане являли собой «сборище людей разного сорта и разного происхождения». Греки уже не признали новый город своим. Эллинам внушали отвращение кровавые цирковые зрелища, введенные в моду римлянами, а жителей Коринфа они приводили в восторг. Коринф превратился в «густонаселенный город, богатый, блистательный, посещаемый многочисленными иноземцами, центр оживленной торговли. Наконец, он стал одним из утративших собственное лицо городов, которые никто не ощущает как родину».

Покинув Кенхреи, Павел зашагал по окруженной холмами долине. Вокруг тянулись виноградники, которые и по сей день дают замечательный коринфский виноград. Для человека, трижды пересекшего горы Тавра, этот путь длиной в восемь километров был развлекательной прогулкой. Павел обошел большой амфитеатр, у стен которого находилась могила Диогена, и оказался в пригороде Коринфа Кразее. Перед тем как пройти через ворота в городской стене, Павел наверняка бросил взгляд на необычную скалу-зубец высотой 575 метров, которая возвышается над Коринфом. Это создание природы — я сам тому свидетель — вызывает невольное восхищение у любого. Во времена Павла это место называли Акрокоринф, сохранилось это название до сих пор. Наверняка Павел, к собственному неудовольствию, узнал, что на вершине скалы располагался храм Афродиты. Похоже, эта бесстыдная богиня просто преследовала его.

Павел прибыл из Афин, города, компактно расположенного, напоминавшего этим средневековые

университетские города. И теперь оказался в крупном городе, самом большом после виденной им Антиохии Сирийской. Через пропилеи, монументальные трехарочные ворота, он ступил на агору, широкую площадь, с севера ограниченную лавками, а с юга — большим портиком. Утверждать, что Павел застыл потрясенный, увидев агору, не будет преувеличением: эти здания, облицованные мрамором, всякого лишали дара речи. Конечно, Павел обратил внимание на довлеющее присутствие нависавшего всей массой над лавками с северной стороны храма Аполлона, заложенного еще в VI веке до н. э.

Помню, какое волнение почувствовал я сам, оказавшись на усеянном руинами поле и увидев семь колонн храма, чудом уцелевших во время землетрясения 77 года, и я могу понять, что должны были испытывать те, кто видел храм в полной красе: по пятнадцать огромных колонн вдоль длинных стен и по шесть с торцевых. Я бродил среди камней и представлял, как Павел шагал по этим улицам, где «бурлила пестрая, шумная, вечно торопящаяся толпа со всех уголков Европы и Азии».

Римские ветераны, вольноотпущенники и рабы времен Цезаря обнаружили, что можно неплохо наживаться, вскрывая могилы, и с удовольствием это делали. Поэт Кринагор с горечью клеймил за это коринфян и их город, который он предпочел бы видеть «пустынное ливийских песков, чем отданным полностью во власть этих негодяев».

Здесь Павел не обнаружил представителей древних знатных родов, — только нуворишей или наследников разбогатевших первопоселенцев. Среди наиболее зажиточных новообращенных он называет Ераста, занимавшего должность коринфского казначея, Гаия, владевшего большим поместьем, и Стефана: «Посмотрите, братья, кто вы, призванные: не много из

вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1 Кор 1:26-27).

В Коринфе, римской колонии, официальным языком оставалась латынь, но греческий, всплыв из глубин истории, распространялся все шире. Коринф снова завоевал имя «богатый Коринф», которым его когда-то наградила Гомер. Экономическая мощь основывалась на морской торговле. На верфях Коринфа строилось множество кораблей, именно здесь была изобретена галера с тремя рядами весел. Ковры и ткани всех видов изготавливались в коринфских мастерских. Бронзовым коринфским доспехам не было равных в Европе. На плодородных землях вокруг города тысячи рабов выращивали богатые урожаи пшеницы, овощей, фруктов и ухаживали за виноградниками, где делалось вино, которое ценилось очень высоко.

Каждые четыре года в Коринф на Истмийские игры, возрожденные Цезарем и посвященные Нептуну, съезжались толпы гостей, легко тративших свои деньги. В Первом послании к коринфянам сохранились следы того, что Павел присутствовал на Истмийских играх в апреле-мае 51 года: его поразило зрелище людских толп, рядами занимавших стадион; увлекли поэты, соревновавшиеся перед зрителями в чтении своих стихов; впечатлила борьба атлетов, рвавшихся к рекордам. «Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду?» Это сравнение сделано и еще раз: «Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы — нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух» (1 Кор 9:24-26) [32]. И, обращаясь к Тимофею, присутствовавшему на играх вместе с ним, Павел еще раз вспомнит об играх в

Коринфе: «Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться» (2 Тим 2:5).

Когда-то Коринф находился под покровительством Посейдона, который, потрясая трезубцем, напоминал о морском призвании города. Но его сменила Афродита Пандемос. Долгое время под сенью Акрокоринфа тысячи жриц-гиеродул, служивших богине, отдавались мужчинам в кельях, скрытых за кустами роз. И во времена Павла гиеродулы в Коринфе не исчезли совсем, что, конечно, омрачало душу человека, проповедовавшего аскезу и воздержание. В Коринфе Павел столкнулся с тем, что мы сегодня называем секс-туризмом.

Восхождение на Акрокоринф — были бы силы и деньги, чтобы заплатить за удовольствия, — влекло путешественников, которые только для этого и приезжали в этот город, город купцов, моряков, сластолюбивых горожан. Говорили, будто именно здесь появилась «коринфская болезнь», распространившаяся затем по всей империи. Репутация Коринфа была такова, что про девушку, утратившую девственность, говорили: она стала коринфяной. Более того, словом *corinthias* обозначали сутенеров. «Non cuivis homini contingit adire Corinthum»^[33], — говорит пословица. Это означает, что жрицы требуют за себя больших денег. Дорогими были и злачные места вокруг порта, где рекой текло вино. Падение нравов в Коринфе, не встречавшееся больше ни в одном греческом городе, вдохновляло драматургов: первым запечатлел это Аристофан, а за ним — Гораций, Ювенал, Цицерон.

В атмосфере разгула, с которой давно сжились коринфяне, и предстояло действовать Павлу. Он не собирался отступать — трудность миссии только воспламеняла его сердце. Полтора года Павел провел в Коринфе, а в Антиохии последний раз оставался только

на год. Четырежды ему пришлось менять место жительства.

И снова на его пути встретила женщина, оказавшая решающее влияние на миссию Павла. Речь идет о некоей Фиве: она сама вела свои житейские дела, и успешно, обладала решительностью и сметкой, и ей приходилось много путешествовать. Она обратилась в христианство, а поскольку в городе ее многие знали, своим авторитетом могла поддерживать деятельность Тарсянина, при необходимости представлять его в суде и, что важно, засвидетельствовать римское гражданство Павла. Христианская община в Кенхреях сложилась вокруг Фивы. Гораздо позднее Павел, обращаясь к римлянам, охарактеризует ее как «сестру нашу, диаконису церкви Кенхрейской». Он выразит пожелание: «Примите ее для Господа, как прилично святым, и помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас, ибо и она была помощницею многим и мне самому» (Рим 16:1-2).

А где же Сила и Тимофей? Неужели они забыли о Павле? Нет, они появились. Приветствия, дружеские объятия, их представляют новым членам общины. Лука утверждает, что с прибытием своих соратников Павел полностью отдался благовествованию. А сам Павел сообщает, что прибывшими из Македонии братьями ему были переданы средства.

После их появления Павел приступил к написанию Послания к фессалоникийцам, которое он давно задумал. Его мысли были столь быстры, обильны и так разумно складывались в текст, что ему было трудно записывать самому — рука не успевала за мыслью, да и писать не его профессия. Послание к фессалоникийцам и последующие он диктовал, а записывавшие укажут и свое имя. Это послание начинается так: «Павел и Силуан и Тимофей — церкви Фессалоникской...» (1 Фес 1:1).

Это неповторимое зрелище — вдохновение. Маленький человек, которому на улицах готовы подавать милостыню, закладывает основы христианства. Смиренный ремесленник преображается в пламенного пророка, создавая текст, который должен был вполне передать его мысли. Каждое слово, фраза, предложение, уже занесенные на папирус, подвергаются пересмотру — пока не наполнятся силой благодати. Иногда Павел впадает в долгое молчание, и слышно лишь жужжание мух. Вдруг его охватывает вдохновение — он говорит не останавливаясь, за ним не успевают записывать, пытаются протестовать, а он злится: мысли переполняют! Нам остается сожалеть, что мы не стали свидетелями этого творческого акта, побудителем которого выступает сам Христос.

Первая фраза послания, наполненная невероятной силой, убеждает нас в том, что Павел прекрасно осознавал, к чему приступает. Он адресовал послание «...церкви Фессалоникской в Боге Отце и Господе Иисусе Христе». Дитер Хильдебрандт сумел объяснить мощь этих слов: «Нет более раннего свидетельства употребления сочетания “Иисус Христос”, нет более древнего документа, где встречалось бы это имя Мессии. И ничто до этого не позволяет предугадать новую веру. Здесь христианство приветствует грядущие поколения».

Позднейшие послания будут посвящены формированию доктрины, а это ярко выражает чувства, которые Павел испытал в Фессалонике: «Мы... были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими. Так мы, из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестив Божие, но и души наши, потому что вы стали нам любезны... Потому что вы знаете, как каждого из вас, как отец детей своих, мы просили и убеждали и умоляли поступать достойно Бога, призвавшего вас в Свое Царство и славу» (1 Фес 2:7-8,

11-12). Судя по всему, миссия в Фессалонике была успешна: «Ибо от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахайи, но и во всяком месте прошла слава о вере вашей в Бога, так что нам ни о чем не нужно рассказывать. Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к вам, и как вы обратились к Богу от идолов, чтобы служить Богу живому и истинному и ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева» (1 Фес 1:8—10).

Если некоторые послания Павла изобилуют резкими и суровыми наставлениями, то в этом — удовлетворение: члены общины отвернулись от языческих богов и следуют в вере наставлениям Павла. Мысль его задерживается на одном тезисе, которому, и это чувствуется, Павел хотел придать особое звучание: некоторые из фессалоникских христиан умерли естественной смертью, и это, само собой разумеется, погрузило общину в скорбь, к тому же вызвало серьезные вопросы.

Чтобы понять, какие именно, вернемся в Иерусалим первых лет христианства. Современники смерти и воскресения Иисуса при известии о его грядущем возвращении на землю более всего уверовали, что это возвращение неминуемо. Некоторые даже отказывались слушать тех, кто наставлял их в вере. Зачем? Все откроет сам Христос, когда вернется на землю. Кроме того, первое поколение христиан жило в уверенности, скорее в ожидании, что наступит конец света, который последует за возвращением Христа. Сам Павел в это поверил и никогда не переставал верить. В Послании к римлянам, последнем послании, он настаивал: «Так поступайте, зная время, что наступил уже час пробудиться нам от сна. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали. Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и

облечемся в оружия света» (Рим 13:11–12). Именно в этих аргументах, пожалуй, следует искать одну из причин проповеднических успехов Павла.

Христиане первого поколения были настолько убеждены в том, что Спаситель скоро проявит к ним особое благоволение, что считали: до его возвращения они не умрут. Первые смерти в христианской общине Фессалоники жестоко противоречили этой безоговорочной вере. Для Павла трудность состояла в том, что он и сам верил: ему гарантирована жизнь до возвращения на землю Христа. Тем не менее он ответил: «Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем. Итак утешайте друг друга сими словами. О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия, ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью» (1 Фес 4:15–18, 5:1–2).

Эта формулировка — насколько же она выразительна! — встречается и в Евангелии от Луки, который вкладывает ее в уста Иисуса: «Вы знаете, что если бы ведал хозяин дома, в который час придет вор, то бодрствовал бы и не допустил бы подкопать дом свой. Будьте же и вы готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий» (Лк 12:39–40). Почти так же говорит Иисус и у Матфея: «Но это вы знаете, что, если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего. Потому и вы будьте готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий» (Мф 24:43–44).

Такая же аллюзия прочитывается во Втором послании Петра и в Апокалипсисе Иоанновом.

Мы можем представить этих новообращенных: как прислушиваются они к малейшим звукам, нарушающим тишину ночи, как каждый раз ощущают разочарование, потому что не слышат трубного гласа, который, в чем они твердо уверены, должен сопровождать второй приход Сына Божьего.

Ни одно из посланий Павла *a priori* не является развернутым изложением его учения, но в каждом отразился тот или иной аспект нарождающейся традиции, которую он старается закрепить. Все вместе они представляют собой *in fine* — исчерпывающее изложение его учения. Уже в Первом послании к фессалоникийцам Павел, вероятно, собственной рукой формулирует настоящее заклинание: «Братия! молитесь о нас. Приветствуйте всех братьев лобзанием святым. Заклинаю вас Господом прочитать сие послание всем святым братиям. Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами. Аминь» (1 Фес 5:25-28).

Нет сомнения: послания Павла призваны зафиксировать устную проповедь, которая могла быть плохо понята и искажена по смыслу. В посланиях по мере развития общин уточняются статус новых церквей, распределение обязанностей и мера ответственности старейшин. И все послания утверждают безграничную веру Павла в Иисуса Христа.

В Послании к коринфянам — первом из адресованных им — Павел вспоминает, с какой робостью начинал он проповедовать в этом городе: «...когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого, и был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете» (1 Кор 2:1-3).

Кое-кто пытался объяснить этот трепет обострением «терзаний плоти». Мне кажется, не стоит забывать о психологическом кризисе после неудачи Павла в Афинах.

Существование в Коринфе крупной еврейской общины подтверждает Филон Александрийский. Со дня прибытия Павел, как всегда, начал выступать в синагогах. Когда первое изумление от слов проповедника прошло, иудеи начали испытывать все возрастающую враждебность. Но Павел — как и всегда — упорствовал. Иудеи перешли к оскорблениям, и гнев так захватил Павла, что он разодрал на себе одежды со словами: «...кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам» (Деян 18:6).

Покинув синагогу, он выполнил свою угрозу: отправился к некоему Титу Юсту, римлянину, дом которого «был подле синагоги».

Все свидетельствует о том, что Павел постепенно отходил от иудаистских ритуалов, однако иудаизм жил в его душе: послания, которые он постоянно рассылал в христианские общины или отправлял друзьям, полны библейских цитат или отсылок к тексту Библии. Событие, ставшее этапным во время пребывания Павла в Коринфе, вовсе не являлось — как думали многие его современники-иудеи — бегством отступника. Это было крушение надежды заставить евреев понять, что иудей Иисус — воплощение Мессии. Вспомним, как вели себя первые христиане: ни один из них не отказывался от молений в иудейском храме. Петр и Иоанн бывали там регулярно. Для Павла христианство не просто проникнуто иудаизмом, оно является еврейским. В Послании к римлянам, написанном в последние годы жизни, он продолжает настаивать: «...неужели Бог отверг народ Свой? Никак» (Рим 11:1). Более того, он готов пожертвовать спасением собственной души «за

братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян, которым принадлежат усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный вовеки, аминь» (Рим 9:3–5).

Шалом Бен-Хорин — один из первых, кто начал диалог между иудеями и христианами, — замечательно показал эту двойственность Павла после его разрыва с синагогой, сочетание связи с религией Авраама и своего рода «отвращения к еврейскому в себе». Исследователь описывает возникший вследствие этого «тяжелейший внутренний конфликт», который переживал «человек из Дамаска». Этот конфликт то толкал его защищать право иудеев считать себя детьми Божьими, то заставлял его говорить, что иудеи «не нравятся Богу». Автор считает, что отношение Павла к народу Израилеву «характерно для еврея из диаспоры. Его иудейская идентичность все время оказывается для него проблемой». По мнению того же автора, перед Иисусом из Назарета подобной проблемы не стояло: «Он всегда был евреем, евреем целиком и полностью, только евреем».

В XXI веке в католических церквях обязательно читают три текста во время каждой мессы: первый — это отрывок из Библии, то есть священной книги иудаизма, второй — отрывок из чьего-либо апостольского послания, чаще всего из посланий Павла, то есть иудея, и третий — отрывок из Евангелия от Марка, Матфея, Луки или Иоанна, а они все были иудеями. И псалмы поются из Ветхого Завета. Немало христиан сегодня задается вопросом: почему Павел не был понят современниками-евреями? Никто не может переделать историю, но раскол между двумя религиозными течениями в среде еврейского народа принес и ему, и человечеству множество бед.

«...Многие из Коринфян, слушая, уверовали и крестились» (Деян 18:8). Объясняя коринфянам смысл обращенных к ним проповедей, Павел просвещает и нас: «И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией. Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы... А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божии. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святаго, соображая духовное с духовным. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов» (1 Кор 2:4-8, 10-16).

О божественном Павел писал высоким стилем: «на языке богов и поэтов». Читая его, взлетаешь очень высоко над обыденным, над «плотским», как говорит Павел. Послания поэтому следует читать с особым вниманием, чтобы воспринять все тонкости. Меня не раз при чтении текстов Павла посещала мысль: если с такими словами, в таком стиле он обращался к простым жителям Коринфа, как же они понимали суть сказанного? В действительности же эти тексты

предназначались тем членам христианской общины, кто выделялся своими духовными качествами и способностью усвоить рассуждения апостола. Мне хочется думать, что эти люди пересказывали затем «братьям и сестрам» теологию Павла на более доступном языке.

Кого только не было среди обращенных Павлом в христианство: греки и римляне, обрезанные и необрезанные иудеи. Собирались у кого-нибудь дома за общей трапезой. Павел не препятствовал никому из новообращенных участвовать в многочисленных празднествах, иудейских или языческих, которые отмечались в городе. Христианам, которым это не нравилось (особенно много таких было среди евреев), Павел объяснял, что выделяться не стоит. Участвуя в праздниках, можно завязать знакомства, полезные для распространения слова Божиего. Правило сформулировано ясно и четко: «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает». И потому: «Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести; ибо Господня земля, и что наполняет ее. Если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, — то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести. Но если кто скажет вам: это идоложертвенное, то не ешьте ради того, кто объявил вам, и ради совести. Ибо Господня земля, и что наполняет ее. Совесть же разумею не свою, а другого: ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью?» Павел даже приводит в пример самого себя: «...так, как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись». И далее следует великолепная и гордая фраза, в которой весь Павел: «Будьте подражателями мне, как я Христу» (1 Кор 10:23, 25-29, 33; 11:1).

В это время в Коринф прибыл новый проконсул Ахайи по имени Луций Юний Галлий, в Новом Завете он именуется Галлионом. На памятном камне, обнаруженном при раскопках в Дельфах, сохранилась надпись о некоем конфликте, в разрешении которого принимал участие проконсул и вмешался император Клавдий. Конечно, эта надпись никак не связана с событиями в жизни Павла, но она позволяет установить в биографии апостола некоторые точные даты. Из нее, например, следует, что Галлион — оставим за ним это имя, принятое в Писании, — занял должность в Коринфе в конце апреля 51 года. Речь идет отнюдь не о второстепенном персонаже. Его брат, прославленный философ Сенека, был тогда наставником юного Нерона. Галлион должен был бы остаться в Коринфе на целый год, пока длился его мандат, но уехал раньше, поскольку, по словам брата, возненавидел Коринф.

В определенные дни проконсул вершил правосудие, сидя под сенью портика. Однажды к нему явилась группа иудеев, возглавляемая Сосфеном, начальником синагоги. Сосфен вел с собой — или тащил силой? — какого-то человека по имени Павел. Иудеи клялись, что «он учит людей чтить Бога не по закону». Галлион, наверное, недоумевал: иудейская религия была признана римскими законами со всеми преимуществами, которые она имела. Что же это за вероучение «не по закону», в котором обвиняют иудеи невысокого худощавого человека? Вряд ли проконсулу пришли на ум христиане, хотя нам известно, что в Риме христиане были, правда, немногочисленные.

Галлион позволил иудеям рассказать, в чем они обвиняют Павла. Затем, как человек порядочный, он дал слово и ему. Выслушав обе стороны, Галлион огласил свой вердикт: проповедовать новую религию действительно незаконно, но если речь идет о новом течении в иудаизме, то это не предосудительно.

Галлиону было известно о разногласиях между фарисеями и саддукеями. Если теперь возникла еще одна распря, что он может тут сделать? Ответ его совершенно ясен: «Иудеи! если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас, но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей в этом» (Деян 18:14-15).

Проконсул отпустил Павла. Если верить Деяниям апостолов, разгневанные иудеи обратили свой гнев на Сосфена, из-за которого они опозорились на суде. На глазах проконсула они избили его, а Галлион, как замечает мимоходом Лука, «нимало не беспокоился о том» (Деян 18:17).

Наконец пришел день, когда Павел решил, что в Коринфе его ничто не удерживает. Он посеял там семя новой веры и теперь мог гордиться урожаем. Даже если основанная им в этом городе церковь насчитывала всего лишь несколько сотен христиан, включая и рабов, этот результат намного превосходил то, что ему удавалось достичь доселе. В Первом послании к коринфянам Павел вспомнит о том счастье, которым они, во имя Христа, одарили его, и расскажет, как дорога ему память о пребывании среди коринфян: «Непрестанно благодарю Бога моего за вас, ради благодати Божией, дарованной вам во Христе Иисусе, потому что в Нем вы обогатились всем, всяким словом и всяким познанием, — ибо свидетельство Христово утвердилось в вас, — так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании, ожидая явления Господа нашего Иисуса Христа, Который и утвердит вас до конца, чтобы вам быть неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа. Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего» (1 Кор 1:4-9).

Когда же Павел покинул Коринф и сел на корабль в Кенхреях? Осенью 51 года, прежде чем начал действовать запрет на морские путешествия? Скорее, к весне 52 года. Нам известно, что до этого он обрил голову, исполняя обет. В четвертой книге Моисея «Числа» мы можем найти объяснение, что это значит: тот, кто принимает обет, должен воздерживаться от вина и крепких напитков и по меньшей мере тридцать дней не брать в руки бритву. После этого в иерусалимском храме дающему обет обривали голову и сжигали сбритые волосы как знак приношения. Сбрав в Кенхреях остатки волос, Павел вновь обнаруживает душевную раздвоенность: человек, только что заложивший в Коринфе новую церковь, строго следует ритуалу иудаизма.

Он сел на корабль вместе с Приской и Акилой: с его стороны это был выбор верности и дружбы, с их стороны — подтверждение страстной веры. С ними отправился и Тимофей.

Корабль взял курс на Антиохию.

Глава X

ЭФЕС: СТРАСТИ И СРАЖЕНИЯ

Когда истек зимний запрет на морские путешествия, по синей глади воды заскользили корабли, большие и малые. Ароматы, доносившиеся из Мегариды и Аттики, легкий ветерок, надувавший паруса, — все настраивало пассажиров на приятное путешествие.

Павел, Приска, Акила и Тимофей — маленькое содружество, скрепленное верой, — не покидали палубы, любясь красками весны 52 года. Присутствие Тимофея подтверждается тем, что в Антиохии он окажется рядом с Павлом. Что же касается Силы, то ни один текст не позволяет установить его дальнейшую судьбу.

Итак, за путешествие уплачено, мешки набиты дорожной провизией, и наступили часы обычного покоя, редкие для Павла, испытывающего постоянную одержимость Христом. Было намечено, что, когда судно причалит в Эфесе, Акила и Приска останутся там, чтобы помочь маленькой, едва зародившейся христианской общине. Чем ближе была цель путешествия, тем тревожнее на душе у супругов-христиан. Павел был задумчив и серьезен: впервые он передавал привилегии, которые ревниво берег для себя, другим. Если учение Христа будет распространяться дальше — а разве мог он в этом сомневаться? — ему придется так поступать не единожды.

А корабль скользил между Кикладскими островами: Кинтос, Сирос, Тинос, Микonos, прославленные греческие острова, которые через две тысячи лет превратятся в излюбленные места морских круизов. Тогда моряки старались, насколько возможно, не терять из виду землю. Они шли мимо священного острова

Делос, то есть «сияющий». Согласно легенде, Киклады (от греческого *kuklos* — «круг») были рассыпаны богами ореолом вокруг Делоса. За ним следовал Самос, ближайший к азиатскому побережью остров, прославившийся своим сладким вином, и вот уже поднимаются вдали над носом танцующего на волнах судна горы Ионии. В музыке этого слова — вся античная Эллада: навечно запомнившаяся мечта юного Савла. Еще несколько часов — и они увидели на побережье одноименного залива город Эфес.

Корабль бросил якорь в порту Панормы, и Павел со спутниками спустился в лодку, на которой, пройдя около двух километров по каналу, они попали в городскую гавань, окруженную мрамором памятников, амфитеатра и агоры. Оказавшись на земле, Павел не мог не вспомнить те картины, что представляли у него перед глазами, когда он читал или слушал рассказы своих наставников: этот город слышал неверные шаги слепого Гомера, здесь Гераклит подверг анализу человека и вселенную, Пифагор открыл свою школу аскетов, Фалес заложил основы много позднее получившей свое развитие философии, Геродот сформулировал законы истории, тотчас же опробованные на практике.

Остановка, видимо, продлилась недолго в этом богатом городе, жители которого клялись, что Эфес — «одна из столиц мира». Культ богини Артемиды привлекал сюда огромное число народа. Сюда ввозили и отсюда вывозили товары, здесь продавали и покупали — вот причина процветания Эфеса, в котором было много денег, роскошных памятников, обилие театров, гимнасиев, стадионов, портиков. Возможно ли было охватить все это одним взглядом? Павел, наверное, ограничился тем, что сразу же бросился в синагогу и представил еврейской общине Акилу и Приску. Говорил ли он об Иисусе? Вряд ли, ибо времени было мало. Но можно быть уверенными, что Павел показал все, на что

был способен: иудеи так обрадовались его приезду, что просили остаться дольше. Он отказался: «...к вам же возвращусь опять, если будет угодно Богу» (Деян 18:21). Затем Павел вернулся на корабль.

Судно неторопливо шло вдоль изрезанных берегов юго-западной Анатолии. Короткая остановка на Кипре, где на Павла нахлынули воспоминания. Павел высадился в палестинском порту Кесария и добрался до Иерусалима. Об этом путешествии в Иерусалим пишет только Лука, и оно вызвало немало споров. Некоторые, например Симон Легасс, считают, что Лука выдумал это посещение Павлом Иерусалима, движимый желанием «удержать Павла под эгидой старшей из церквей». В Послании к галатам Павел перечисляет свои визиты в Иерусалим, но об этом не вспоминает. О причинах его появления в Иерусалиме Деяния не говорят почти ничего. Сообщается лишь, что «он приходил в Иерусалим, приветствовал церковь и отошел в Антиохию» (Деян 18:22). Из этого мы можем сделать вывод, что Павел встретился с Иаковом, который отныне считался воплощением христианства. Послание, приписываемое Иакову, написано торжественным, даже высокопарным слогом. Его так превозносили, что в среде евреев-христиан ходило абсурдное поверье: Иаков имеет право входить раз в год в святилище храма подобно первосвященнику, этим правом наделенному. Утверждали даже, будто Иаков принадлежит по рождению к священникам и обладает даром останавливать молнию, «готовую разразиться над народом». Интересно, как к этому отнесся Павел?

Что же касается Петра, апостола, несшего веру обрезанным, как Павел нес ее язычникам, то он все время был в пути. Вместе с женой он обошел Сирию, неся слово Божие иудеям, и только им. Тот самый Марк, что некогда сопровождал Павла, теперь не расставался

с Петром. В течение многих лет Марк слушал, как первый из апостолов рассказывал об Иисусе. Из памяти Петра слова Господа перейдут к Марку. После смерти Петра его попросят все записать. Так родится первое Евангелие.

Антиохия. Никто — даже сам Павел — не зафиксировал, что он почувствовал, вернувшись в город, где когда-то решила его судьба. Можно поверить, что на него нахлынула горечь при воспоминании о столкновении с Петром. Лука пишет, что Павел оставался в Антиохии «несколько времени», скорее всего, он там не задержался. Трудно представить, что Павел мог оставаться бездеятельным в городе, где тянулся бесконечный и изматывающий спор между христианами-евреями и христианами-язычниками. Ученик Гамалиила — об этом он постоянно всем напоминал — особым терпением не отличался.

Какое удовлетворение испытал Павел, когда до него дошли известия из Эфеса! Как же он встревожился, когда оказалось, что у Акилы и Приски возникли серьезные сложности! Некто Аполлос, еврей, уроженец Александрии, приехал в город. Говорили, что он мудр, красноречив, сведущ в Писании и обладает такой уверенностью, что сбить его с толку невозможно. Его приняли в синагоге, где он представился как человек, знающий об Иисусе и о «пути Господнем». Акила и Приска услышали, как он исторгал потоки красноречия, повествуя об Иисусе, хотя явно знал лишь крохи, да и то сомнительные. Что делать? Как не позволить распространять ложную историю о Мессии? Акила и Приска обратились за советом к Павлу. Он решил, что это дело относится к разряду неотложных. Так началось его третье путешествие.

Павел решил отправиться посуху, что объяснялось его настойчивым желанием проверить, выжили ли «его» церкви. Лето 52 года, жаркое, изнуряющее, и тысяча сто километров пути. Павлу пришлось пройти его.

Он обратился к Тимофею, и тот согласился сопровождать наставника. Они ненадолго остановились в Тарсе, для Павла этот город был как порт приписки для корабля. Интересно, были ли живы тогда его родители? Об этом нам ничего не известно. В тот момент, когда они прошли Киликийские Ворота и пересекли Тавр, Павлу исполнилось сорок пять лет: этот возраст означал приближение старости.

Путники задыхались от раскаленного воздуха; как могли, пытались спасти от солнца обожженные глаза; обливались потом и шагали, чувствуя, как горят ступни. Лишь в Ликаонии им удалось немного отдохнуть. Павел встретился со своими учениками в Листре, дошел до Иконии, побывал в Антиохии Писидийской. Похоже, он обнаружил некоторые колебания в умах дорогих его сердцу галатов. Серьезный конфликт, который позднее возникнет среди галатов, позволяет предполагать, что уже в то время наметилось смущение в умах.

Чтобы добраться до Эфеса — а он так туда торопился! — Павел выбрал верхнюю долину Лика. Двое путников двинулись по описанной Страбоном дороге, проложенной у подножия гор. Обратили ли они внимание на стада чернорунных овец, шерсть которых так ценилась? От Страбона, а также от Плиния нам все известно о торговле туниками и плащами, изготовлявшимися прямо на месте, о задействованных лаодикийскими банками капиталах и их процветании. Все это было с детства близко Павлу, выросшему среди ткачей. Они прошли через Магнесию и Траллы. Игнатий позднее напишет, что в обоих городах есть христианские общины, возникновение которых связано с именами Павла и Тимофея.

Павел и Тимофей прошли по долине Меандра, потом по долине Кестра и в конце лета 52 года достигли цели.

Павел остановился у Акилы и Приски. В их мастерской появился еще один работник. Плутарх и Афиней сообщают, что Эфес славился своими палатками.

Павел так и не встретился с евреем Аполлосом, чье появление так встревожило Акилу и Приску. Они были уверены, что наставили смутьяна на путь истинный: зная, что он хотел ехать в Ахайю, отправили его в Коринф, считая, что благодаря красноречию еврей сотворит там чудеса обращения. Проповедничество Аполлоса, похоже, не прошло бесследно для жителей «верхних стран». Когда Павел шел в Эфес, ему пришлось просвещать в вере дюжину обращенных в христианство. Стоит воспроизвести их беседу: «...сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовав? Они же сказали ему: мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святой. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение». Я так и слышу, как Павел чеканит каждое слово своего ответа: «Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса». Он убедил этих добрых людей, и они попросили его окрестить их заново, «во имя Господа Иисуса» (Деян 19:2-5).

Если Эфес чаще, чем любой другой город, упоминается античными авторами, то причина этого — храм Артемиды. Наверняка Павлу, который на три года стал жителем Эфеса, хоть раз да приходилось пробираться через бурлящую, кричащую толпу, стремившуюся к самому прославленному языческому храму Азии. Даже по описаниям и рисункам можно представить, какое потрясение испытывали паломники при виде храма: он превосходил по площади Парфенон в четыре раза, сто двадцать семь ионических колонн выстроились на 190 метров в длину и на 55 метров в

ширину. В VI веке до н. э. понадобилось богатство Креза, царя Лидии, чтобы завершить строительство этого потрясающего сооружения. Отделка была поручена Праксителю и Фидию. Весь античный мир был в восторге от этого сооружения, причислив храм Артемиды к семи чудесам света.

Люди стремились увидеть изображение богини Артемиды. Путешественники падали ниц перед статуей, и из груди их вырывался крик: «О великая Артемида Эфесская!» Сегодня трехметровой статуей богини можно любоваться в музее Эфеса. Потрясает не столько размер статуи, сколько невероятные сексуальные символы, покрывающие тело Артемиды. Долгое время считалось, что выпуклости, которыми усеяно мраморное тело, это груди; говорили даже о богине с тысячей грудей. Другие, призвав на помощь воображение, видели в них яйца. В наши дни принято иное объяснение: якобы это тестикулы быков, которых приносили в жертву Артемиде. То, что Артемида почиталась как символ плодородия, что ее, девственницу, считали покровительницей беременных женщин, не должно никого удивлять. Что же осталось от всего этого великолепия в XXI веке? Одна-единственная колонна среди разбросанных и изъеденных временем обломков.

Отныне каждый день апостолу приходилось пробираться между гадалщиками, бродячими флейтистами, мимами, заполонившими улицы Эфеса, лавочниками и торговцами предметами культа. Археологи находили сувениры, которые продают паломникам по всему миру: глиняные статуэтки богини, серебряные копии храма, медальоны, украшения. Если паломники не желали заходить в лавки, торговцы пытались затащить их туда силой. Можно представить реакцию Павла, когда его волокли в лавку, а такое

случалось неоднократно. Раздражение, которое иногда сквозит в его посланиях, неизбежно сменялось негодованием.

К вечеру обитатели города, жаждавшие прохлады, взбирались на верхнюю агору, господствовавшую над морем. Я представляю, как Павел, наконец-то умиротворенный, обводил взглядом чудесный залив, простиравшийся у его ног. Невозможно представить гавань, которая лучше бы защищала множество кораблей из разных стран: два скалистых массива — гора Пион и гора Коресс — закрывают ее с обеих сторон. Лизимах, наместник Александра, соединил их восьмиметровой стеной, окончательно закрыв город от алчности завоевателей.

Надеюсь, читатель позволит мне прервать ненадолго мой рассказ, чтобы поговорить о человеке, имя которого нам дорого.

На протяжении всей этой книги нас сопровождает Лука. Даже если мы иногда и подвергаем сомнению сообщаемые им сведения, нельзя не признать, что Деяния апостолов содержат драгоценные свидетельства. Если бы мы обращались только к посланиям Павла, мы смогли бы проследить нить его размышлений. Но что бы мы знали без Луки о подробностях путешествий Павла, о его борьбе за новую веру, об одержанных победах и перенесенных испытаниях, о людях, с которыми он встречался, о городах, где бывал? Мы благодарны Луке. И именно в Эфесе, около колоннады верхней агоры, захоронят тело Луки, умершего мученической смертью.

К тому моменту, когда Павел появился в Эфесе, в городе насчитывалось около двухсот двадцати пяти тысяч жителей. Эфес был резиденцией римского проконсула. Страбон сообщает нам, что город во все времена пользовался дурной славой: жители были

развращены и изнежены нравами, принесенными из Ионии, мягкий климат отвратил их от серьезных занятий, науки из лени были забыты, а увлекались горожане всерьез лишь музыкой и танцами, устраивая «вакханалии из общественной жизни». Может вызвать удивление тот факт, что Павел избрал подобный город как центр своих церквей. Однако следует отметить, что Эфес находится на одинаковом расстоянии (500 километров) и от Галатии, и от Фессалоники. До Коринфа от него 400 километров, до Филипп — 445, до Антиохии Писидийской — 330. Если иметь терпение, то без особых сложностей можно отправлять послания всем церквям и получать от них ответы.

Неужели Павел забыл, как разодрал свои одежды в коринфской синагоге? Этот жест отчаяния не помешал ему снова отправиться в синагогу Эфеса, где его прекрасно помнили, чтобы начать проповедовать «небоязненно» слово Божие, рассказывая о появлении на земле Мессии. Иудеи Эфеса слушали его три месяца. Потом произошло то, что случилось и ранее: «...некоторые ожесточились и не верили, злословя путь Господень» (Деян 19:9). Павел прекратил проповеди в эфесской синагоге.

Некоторые из верных учеников Павла последовали за ним к Тиранну, державшему одну из школ, каких много было в античных городах, где наставляли и вели дискуссии. Павел стал выступать у Тиранна каждый день, и у него были слушатели из разных концов империи. Эфес давно перестали считать эллинским городом; с каждым годом все более чувствовалось в нем влияние Азии, а с кораблей, привозивших грузы со всего света, на берег сходили разноязычные толпы. Именно среди них найдет Павел желающих принять крещение во имя Христа. Наверное, нам следует задуматься над мыслью Ренана о том, что «христианство зародилось среди развращенных нравов больших городов».

Три года, проведенные Павлом в Эфесе, были отмечены и надеждами, и победами, но также и борьбой, и неудачами. Никогда за все время своего апостольского служения он не оставался так долго в одном месте и не пребывал в столь тяжких трудах, работая, как он признался, «со всяким смиренномудрием и многими слезами...» (Деян 20:19).

Он руководил общиной, его проповеди множили число христиан, он противостоял опасностям, грозившим отовсюду. Поскольку Павел не мог часто уезжать из Эфеса, он действовал как капитан, отказывающийся посреди бури покинуть свой мостик; он постоянно рассылал самых ревностных из своей паствы нести Благою весть в города, куда еще не дошло слово Христово. Он поддерживал связи с церквями в Колоссах, в Лаодикии и в Гиераполе. Оживленное стало переписка с Македонией, куда отправились Тимофей и Эраст. «Ибо для меня отверста великая и широкая дверь», — писал Павел о своей деятельности (1 Кор 16:9). Павел проповедовал так, «что все жители Асии слышали проповедь о Господе Иисусе, как Иудеи, так и Еллины» (Деян 19:10).

Из Коринфа вернулся Аполлос, и Павел с ним совершенно примирился, возможно, намечалась общая проповедническая миссия в Азии. Самым преданным учеником Павла оставался Тимофей, о котором апостол писал: «Ибо я не имею никого равно усердного» (Флп 2:20). Но радовали и Тит, Эраст, Аристарх.

Кипучая деятельность Павла в Эфесе разнообразна. Деяния сообщают, что неожиданно Павла стали осаждать больные, умоляя излечить их, и Господь «творил немало чудес руками Павла» (Деян 19:11). Самые нетерпеливые хватали даже одежду («платки и опоясывания с тела») апостола, чтобы приложить к больному месту. Действительно ли Павел позволял такое, близкое к истерии поведение, совершенно

чуждое для его характера? Невольно задаешься вопросом: не разыгралось ли тут воображение Луки-врача? Но, возможно, этот эпизод породили естественные причины: чума, голод, землетрясения обрушились на окрестности Эфеса. Возле храма Артемиды продавали бронзовые пластинки, которые, как считалось, приносили облегчение больным. Знатные эфесские семейства, греческие и римские, часто обращались к магам, которые с помощью магических заклинаний должны были изгонять духов, считавшихся причиной всех зол. Астрологи процветали. До нас дошли сведения о заклинателях злых духов, разъезжавших по провинции и изгонявших их со словами: «заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует» (Деян 19:13). Семь сыновей иудейского первосвященника Скевы попытались излечивать подобным образом, но злой дух им сказал: «Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?» (Деян 19:15). Злой дух полностью овладел несчастным больным, и тот бросился на сыновей Скевы с такой яростью, что они едва спаслись, бежав «нагие и избитые».

Это заставило многих изменить свои взгляды. Христиане не выдержали, пришли к Павлу и стали умолять его простить им их заблуждения. Более того, они бросили к его ногам книги по чародейству, цена которых достигала пятидесяти тысяч драхм, и устроили из них костер.

Первое время проповедническая деятельность Павла не тревожила язычников. Но по мере того как росло число обращенных в новую непонятную веру, горожане заволновались: сначала пошли слухи, потом начался ропот. Забеспокоились жрецы храма Артемиды, а потом, еще больше, торговцы, что продавали у стен храма сувениры. Некий Димитрий поднял шум первым: новый бог становился соперником богини Артемиды и мог

отобрать у почтенных торговцев немалую часть их прибылей. Димитрий стал науськивать своих собратьев на христиан. В Деяниях апостолов запечатлена его речь, адресованная эфесским торговцам: «Друзья! вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше; между тем вы видите и слышите, что не только в Ефесе, но почти по всей Азии этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги. А это нам угрожает тем, что не только ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и ниспровергнется величие той, которую почитает вся Асия и вселенная» (Деян 19:25-27).

В Эфесе трудилось немало ювелиров, для которых эти слова были не пустым звуком. Ремесленники тоже встревожились. Димитрий убедил их собраться в театре. Толпа, выросшая по дороге, захватила двух македонян, Гаия и Аристарха, близость которых к Павлу была всем известна. В театре посыпались проклятия в адрес христиан и Павла, но также и в адрес иудеев. Чтобы успокоить разбушевавшуюся толпу, слово взял один из городских магистратов. Указывая на Гаия и Аристарха, он воскликнул: «...вы привели этих мужей, которые ни храма Артемидина не обокрали, ни богини вашей не хулили. Если же Димитрий и другие с ним художники имеют жалобу на кого-нибудь, то есть судебные собрания, и есть проконсулы: пусть жалуются друг на друга» (Деян 19:37-38).

Павел, узнав о том, что творится, захотел сразу же отправиться в театр, но его разубедили. Глухая тревога среди христиан все нарастала. Тогда Павел, «призвав учеников и дав им наставления» (Деян 20:1), постарался ободрить своих последователей.

На следующий день апостол проповедовал, но не сомневался: враги не успокоятся, пока не бросят его в темницу.

А тюрьма в Эфесе была построена основательно. Согласно преданию, она занимала огромную квадратную башню, до сих пор, кстати, сохранившуюся на углу древних укреплений, воздвигнутых в III веке до н. э. Сейчас она полуразрушена, но еще держится. В городе, где встречаются и смешиваются народы, расы, религии, где ночь далеко не безопасна, где чуть что хватаются за нож, власть должна уметь показать силу. Эфесу требовалась тюрьма, внушающая страх.

Маленький, лысый, пожилой человек был препровожден в темницу и сразу же изумил тюремщиков. Он то безудержно молился, то говорил, то писал. Им было известно лишь его имя — Павел и происхождение — Тарсянин. О причинах его заточения они не знали ничего.

В чем обвинили этого христианина? Кто замыслил погубить его? Деяния апостолов хранят по этому поводу абсолютное молчание. Только послания проливают свет на заточение Павла. Из нескольких посланий приходится брать отдельные фразы и сопоставлять их, стараясь извлечь суть. Послание, адресованное Филимону, одному из обращенных Павлом в новую веру, активному члену христианской общины в Колоссах, начинается так: «Павел, узник Иисуса Христа, и Тимофей брат, Филимону возлюбленному и сотруднику нашему, и Апфии, (сестре) возлюбленной, и Архиппу, сподвижнику нашему, и домашней твоей церкви...», а продолжается словами, трогаящими душу: «...я, Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа». В послании речь идет о рабе-христианине по имени Онисим, который принадлежал Филимону. Он сбежал и стал служить Павлу. Апостол решил отослать раба к хозяину, чтобы Онисим не был наказан, ведь сбежавшего раба могли и казнить. Он просит Филимона быть снисходительным: «Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах за благовествование; но без твоего согласия ничего

не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не вынужденно, а добровольно» (Флм 1:1-2, 9, 13-14). Мы можем сделать вывод: в заключении Павел оказался за то, что проповедовал христианскую веру, и ни за что другое.

Из своей темницы Павел рассылал одно послание за другим. Этим временем датируется Послание к колоссянам в маленькую христианскую общину в Колоссах во Фригии, в двухстах километрах от Эфеса, основанную Эпафрасом, учеником Павла, навещавшим его в тюрьме. Вместе с Павлом в темнице находился и Аристарх: «Приветствует вас Аристарх, заключенный вместе со мною». Письмо заканчивается так: «Приветствие моею рукою, Павловою. Помните мои узы» (Кол 4:10, 18).

Это заточение Павел вспоминает и в Послании к филиппийцам. Он писал о тюрьме, как о факте, уже известном им: «...я имею вас в сердце в узах моих, при защищении и утверждении благовествования, вас всех, как соучастников моих в благодати» (Флп 1:7). И далее Павел добавляет комментарий, выдержанный в его духе: «Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие» (Флп 1:12-14).

В том же послании Павел передает привет христианам «из кесарева дома» (Флп 4:22), вероятно, имея в виду обращенных из преторианской казармы Эфеса. Из-за выражения «кесарев дом» долгое время считалось, что этот текст написан гораздо позже, во время заключения Павла в римской тюрьме. Сегодня эта точка зрения оспорена: в письме, адресованном Филимону, Павел сообщает, что надеется на

освобождение и, следовательно, скоро встретится с Филимоном в его доме в Филиппах. Это исключает Рим, потому что требовалось три месяца плыть на корабле, чтобы добраться из столицы империи до Филипп, а от Эфеса Филиппы были на расстоянии всего пяти дней пути.

Конфликт в Эфесе, поставивший под угрозу жизнь Павла, упомянут в Послании к римлянам, написанном много лет спустя, а также подтверждается фразой из Первого послания к коринфянам о борьбе апостола «со зверями». На память сразу же приходят первые христиане, которых бросали на арену цирка на растерзание хищникам. Интересно, что автор апокрифических «Деяний Павла» повторяет те же слова. Как римский гражданин, Павел не мог быть подвергнут такой пытке. Выражение следует рассматривать как метафору, но слово «зверь» подтверждает: жизнь Павла оказалась в опасности. Звери водятся не только в животном мире.

Кто же взял на себя ответственность за заключение в темницу Павла? Римские власти, частные лица или иудейская община? Я бы исключил представителей империи: для римского права иудей, принявший христианство, оставался иудеем. Маловероятен еще один всплеск ненависти торговцев, ювелиров и иных ремесленников, ведь Павел постоянно подчеркивает, что попал в тюрьму за то, что служил Христу.

Поскольку мы рассказываем о Павле, мы придаем каждому его поступку, каждому жесту, каждому событию жизни особое значение, и это понятно. Мы склонны рассматривать пребывание Павла в заточении как событие, которое всколыхнуло весь город и о котором все только и твердили. Если бы в те времена существовали газеты, можно представить, как в них описывалась бы вся хроника тюремной жизни. Для

начала огромные заголовки на первых полосах: «Кризис в Эфесе. Павел принимает в тюрьме городских представителей» или: «Разногласия между христианами. Глава нового религиозного движения Павел проводит в тюрьме консультации».

Но я хочу напомнить читателю, как обстояли дела в реальности. Огромное большинство жителей Эфеса ничего не знали ни о христианах, ни о Павле. Язычество было частью повседневной жизни. Каждый ежедневно возносил молитвы Артемиде, так же через много лет станут обращаться к Деве Марии. Заметим, что именно в Эфесе на соборе 431 года Деву Марию признали Богоматерью.

Каждые четыре года в Эфесе по весне с невероятным размахом отмечался праздник Артемиды. Бесчисленные паломники прибывали в город, утопавший в цветах. За несколько месяцев до празднества уже не оставалось ни одной свободной комнатки. Каждый майский день процессии шествовали по городу с песнопениями и криками «велика Артемида Эфесская!». В жертву приносили десятки тысяч животных. На перекрестках и на площадях устраивались состязания по борьбе. Ночью песни и пляски продолжались под звездным небом. По традиции десять самых богатых граждан города должны были во имя своего процветания и из благочестия пожертвовать на праздник богини внушительные суммы. Надпись, обнаруженная при археологических раскопках, подтверждает этот обычай: «Полагая, что весь месяц, носящий имя богини Артемиды, должен считаться священным и достойным образом отмечаться, жители Эфеса решили чтить богиню, как далее написано: да будет празднество в течение целого месяца, панегирики и священные торжества. От этого наш город обретет новый блеск и вечное процветание».

Кого в этой веселящейся, пьяной от удовольствий толпе интересовал какой-то инакомыслящий иудей, заключенный в тюрьму? Павел тоже полностью отдавал себе отчет в том, что на этой чаше весов его значимость невелика, если не сказать ничтожна. Но ни разу он не дрогнул. В этом, пожалуй, и проявляется ярче всего его величие: чувствовать себя иголкой в стоге сена, но ни на мгновение не отступить от своей цели. Наверное, это и есть святость.

Объяснение заточению Павла иное. Повсюду в Азии стали появляться люди из иудеев, которые придерживались точки зрения Петра и Иакова. Какая неожиданная и даже парадоксальная поддержка для эфесской иудейской общины! Раздражение иудеев постепенно сменилось враждебностью к Павлу: число обращенных Павлом в христианство росло, раскалывая единство поклонявшихся Яхве. Ярость эфесских иудеев соединилась с яростью иудействующих и породила столкновения, сплотившие правоверных иудеев и иудействующих христиан, — все это вместе привело к тому, что во имя *Pax Romana* в тюрьму бросили Павла, обвинив его в смуте.

Какими бы прочными ни были стены темницы, новости доходили и сквозь них. В 54 году скончался император Клавдий: его отравила вторая супруга Агриппина. Нерон, ее сын от первого брака, которого по требованию Агриппины усыновил Клавдий, был в семнадцать лет провозглашен преторианской гвардией императором.

Так, с узурпаторства (ибо Клавдий имел законного сына Британика), началось царствование одного из самых кровавых деспотов в истории человечества. Ни один из эфесских прорицателей не мог предугадать, что Нерон отравит Британика, потом отправит на смерть собственную мать, да так, что содрогнутся даже

язычники, а затем организует массовое убийство христиан.

Нерон пробил брешь в величии Рима.

Послания, которые Павел рассылал во время заточения, свидетельствуют, что в тюрьме разрешались посещения, более того, некоторые из друзей Павла могли какое-то время оставаться с ним. Для записи писем требовался писец, и стражи пропустили его в темницу. Когда весной 54 года в Эфес прибыли христиане, путешествовавшие по поручению Фивы, той самой женщины, с которой Павел познакомился в Коринфе, апостол принимал их в тюрьме. Они привезли плохие вести: коринфская община постепенно перестала следовать заветам Павла, а он-то считал, что навсегда укрепил их веру. Через некоторое время появились еще три христианина из Коринфа — Стефан, Фортунат и Ахаик и подтвердили, что община распалась.

Мне кажется, Павел сначала не поверил: он помнил коринфскую церковь такой прочной, такой сплоченной, такой спаянной! Потом он встревожился и решил, что надо разобраться. Павел призвал Тимофея, вернейшего среди верных, и приказал немедленно отправляться в Коринф. Ученик повиновался, но Павел уже не мог ждать. Ему следовало сейчас же ответить на вопросы и опровергнуть ту критику, которой его подвергали. Тогда-то он и продиктовал Первое послание к коринфянам. В нем отразилось все, что он чувствовал: и память о хорошем, и недовольство, и гнев.

Так что же произошло в Коринфе? Все можно выразить в нескольких словах: удар нанесли иудействующие. Иудействующими называют евреев-христиан, иначе говоря, тех, кто обратился в христианство, но сохранил верность иудейскому закону. Это столкновение удивляет: разве не достигнута была в Иерусалиме договоренность о перемирии? Разве не

разделили тогда зоны влияния между большинством, выступавшим за обрезание, и меньшинством, которое олицетворял Павел? Прибытие в Коринф проповедников от иудействующих, решивших пресечь благовествование Павла, свидетельствует, что в Иерусалиме отказались от своих слов.

В действительности Иаков и его сторонники никогда не верили в этот договор. Отзвуки этого неверия звучат в текстах в течение всего века и позднее, после смерти участников событий: у Иренея, Евсевия, святого Иеронима, Папия и многих других. В Послании к галатам Павел разоблачит это желание уничтожить созданные им церкви. Противники Павла именовали его лжеапостолом, новым Валаамом, еретиком, злодеем, который способствовал разрушению храма, Симоном Магом, самозванцем. Все эти оскорбительные имена-заместители были скрупулезно перечислены Э. Ренаном. Видения Павла именовали «глубинами сатаны», а его церкви — «синагогами сатаны». Напоминали о том, что прежде он выступал гонителем христиан. Заявляли даже, что Павел вовсе не иудей, а обрезался для того, чтобы жениться на дочери первосвященника, она же по Божьему указанию отвергла его.

Иудействующие появились во всей Азии. Они говорили от имени Петра, что не могло не впечатлить новообращенных. И не они одни ополчились против Павла: в кенхрейском порту каждый день высаживались на берег путники, среди которых было немало христиан, обращенных иными проповедниками. С уверенностью людей, которые считают себя всезнающими, они подвергали сомнению его честность, утверждали, что он не имеет права зваться апостолом, неустанно твердя, что Христа он не знал. Разве можно признавать его правым в споре с остальными апостолами, которые следовали за Христом на протяжении всего его служения и в Галилее, и в Иудее?

Шли бесконечные разговоры и споры, и немало новообращенных в Коринфе к этим разговорам благосклонно прислушивались, ведь коринфяне привыкли к распущенности. Став христианами, они поклялись оставить привычки, строго осуждавшиеся Павлом, но вернулись к ним снова. Хуже того: иудеи, ранее строго следовавшие закону Моисея, теперь стали его нарушать под тем предлогом, что они уже христиане!

Все связано и все взаимозависимо. Проповедничество Аполлоса, хотя после разоблачений Павла того и подняли на смех, успело причинить вред: подозрения ощущаются в Первом послании к коринфянам. Аполлос вдохновлялся скорее платоновской философией, чем наставлениями Павла. Для Платона «тело есть могила», а потому коринфяне ради воскрешения душ отбрасывают идею воскрешения тел, проповедуемую Павлом.

Можно представить, что испытал Павел. Он мог лишь высказать свое возмущение, похожее на яростно горящее пламя. Он испытывал, как всякий эмоциональный человек, неизъяснимо сильное страдание. Но мы уверены — именно потому, что уже знаем Павла, — он очень быстро справился с болью. Перед лицом угрозы ему, как всегда, удавалось собрать силы: непоколебимость, энергию, волю.

Теперь, весной 54 года, он приготовился сражаться.

Строки Послания к коринфянам дышат пламенем: «... у вас говорят: “я Павлов”; “я Аполлосов”; “я Кифин”; “а я Христов”. Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились? Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия, дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя. Крестил я также Стефанов дом; а крестил ли еще кого, не знаю. Ибо Христос послал меня не крестить, а

благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова» (1 Кор 1:12-17).

Этот исполненный эмоций текст не только свидетельствует об умении Павла доказывать свою точку зрения, но и объясняет нам, как создавались послания. Нет сомнения, что Павел диктовал, а кто-то из его последователей записывал слова апостола: неоднократно появляется имя писавшего, подкрепленное иногда и его собственным рассуждением.

Вернемся к последователям Аполлоса, которых Павел именует *psuchikoī*, то есть «душевные» люди, находящиеся во власти собственной природы. Павел высмеивает их как «умных», но неспособных понять то, что исходит от Духа Святого. Он противопоставляет их людям «духовным», вдохновляемым Духом Божиим (*pneumatikoī*): «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуместь... Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов» (1 Кор 2:14-16).

Одним ударом поражает Павел иудействующих и коринфян, не устоявших перед соблазном платонизма: «Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (1 Кор 1:22-25).

Павел полагал, что коринфяне будут всегда следовать его наставлениям. Этого не случилось, и он соглашается просветить их. Ничто не имеет смысла за пределами той уверенности, которую они должны разделить с Павлом: Господь скоро вновь появится, со

дня на день. А зачем тогда суетиться по поводу житейских благ? Стоит ли, например, соединяться браком? Ответ Павла звучит четко: «...хорошо человеку не касаться женщины. Но, в избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим. Впрочем, это сказано мною как позволение, а не как повеление. Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе» (1 Кор 7:1-7).

Какой же смысл следует придавать словам «все люди были, как я»? Вряд ли в этом можно видеть проявление аскетизма, борющегося с естественными человеческими склонностями; Павел так прямо и написал бы. Тон его повествования скорее указывает на то, что сам он достиг полного безразличия к зову плоти, однако знает, что большинство мужчин и женщин не таковы: «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Кор 7:8-9). Интересно, что Павел признается — на сей счет он не получал от Господа приказа: «Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным» (1 Кор 7:25).

Он уверенно подтверждает, что возвращение Христа близко («время уже коротко»), и делает из этого свои заключения: «Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит». Далее чувствуется то же спокойное

безразличие: «...выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше». Но и тут, как бы мимоходом, Павел формулирует правила: «Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе» (то есть за христианина) (1 Кор 7:27, 38–39).

Коринфян, похоже, глубоко волновали отношения мужчины и женщины. И Павлу пришлось ответить: муж «...есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужа. Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа... Впрочем ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе» (1 Кор 11:7–8, 11). Далее Павел продолжает: «Жены ваши в церквях да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит. Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих...» (1 Кор 14:34–35).

Это мнение Павла о женщинах, и именно его припоминают каждый раз, когда речь заходит о Павле. Не будем заблуждаться: если для человека XXI века такая точка зрения неприемлема, то в мире, где жил Павел, такие взгляды считались обычными. Павел здесь ничего не изобретает: он всего лишь излагает, несколько смягчив, иудейский закон. Он идет гораздо дальше римского права и дальше права варваров! Те, кто твердит о женоненавистничестве Павла, опираются на очень ограниченное число одних и тех же фраз, искусственно вырванных из его посланий. Действительно ли в них прочитывается убеждение, что женщина ниже мужчины? Павла обвиняют в том, что он нигде ничего не говорит о своей матери, но ведь он ничего не говорит и об отце.

Павел советует женщинам покрывать голову, но этот обычай был едва ли не всеобщим. Следует ли его в этом упрекать, если ему было известно, что в Коринфе с непокрытой головой ходят проститутки и носятся

обезумевшие вакханки? То, что он видит в муже славу Божию, а в жене — славу мужа, это всего лишь отзвук библейской Книги Бытия, где, как любому известно, Господь сотворил Еву из тела Адама. Упрекают его и в том, что он повелевает женщинам молчать в церкви, но так обстояло дело и в синагогах, где женщины стояли далеко позади мужчин.

Об узах, которые связывают в браке мужчину и женщину, Павел пишет: «Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф 5:32). Одной этой фразой брак причисляется к христианским таинствам, а сексуальность не только не воспринимается с подозрением, а, напротив, обретает легитимность.

Я хотел бы напомнить читателю, что во всех текстах Павла упоминаются женщины, которые были его соратницами, занимали важное место в созданных им церквях, а одна из них даже стала управлять общиной. Среди друзей-христиан, а их совсем немного, которых Павел упоминает особо, девять женщин. Павел неоднократно выражает свое уважение и привязанность к ним. Так что некое равновесие сохраняется.

Павел опирается на обычаи иудаизма не только тогда, когда говорит о положении женщин, но и рассуждая о жизни христиан в целом. Обратимся снова к Первому посланию к коринфянам: «Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море» (1 Кор 10:1-2). Вспомним, что эти слова Павел адресует язычникам, которые с иудеями не имели ничего общего. Большинство из них ничего не слышало о Моисее. Павел же предлагает им считать своими «отцами» тех, кто пересек посуху Красное море. Это серьезное доказательство, что для него христианство — прямой и главный наследник иудаизма.

Еще явственнее прозвучит эта мысль в Послании к римлянам.

У Павла спрашивали, как вести себя во время богослужения, и здесь он был непреклонен: христиане любого происхождения, бедные и богатые, должны ощущать себя равными и братьями. Павел считал постыдным, если во время общей трапезы, принимая Тело Христово, один остается голодным, а другой объедается.

На каждый вопрос Павел умел находить ответ. Так постепенно он выстраивал правила жизни христиан, необходимость в которых все острее ощущалась в растущих христианских общинах. Теолог становился архитектором.

Первое послание к коринфянам очень объемно, удивительно насыщено мыслями и потрясающе разнообразно. Например, Павел узнает о проступке, который вывел его из себя: «Один из вас живет с женой отца своего». Гораздо серьезнее отнесся он к коринфянам, отрицавшим воскресение мертвых, — этот постулат Павел считал важнейшим. Чтобы победить это серьезное с его точки зрения заблуждение, он прибегает к логике, которой в совершенстве владел: «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша». Далее он развивает преимущества своей позиции: «И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков. Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших» (1 Кор 15:13-14, 19-20). Он пророчествует: «...мы... все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся... тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где

твое жало? Ад! где твоя победа? Жало же смерти — грех, а сила греха — закон» (1 Кор 15:51-52, 54-56).

Вряд ли Первое послание к коринфянам, несмотря на важность затронутых в нем тем, имело бы такую известность, если бы не содержало великих строк, определяющих суть и смысл христианства. В этой своеобразной молитве в каждой строке присутствует Христос.

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий.

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто.

И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы.

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор 13:1-8, 13).

Итак, послание отправлено. Павлу оставалось только ждать. Скорость обмена письмами зависела тогда только от ветра. Все менялось в зависимости от того, как дул ветер над Эгейским морем. В окружении Павла все исполнены веры: призыв такой силы — признаем, со стороны Павла достаточно неожиданный — не может не вернуть к истине колеблющихся христиан Коринфа. Неизвестно, как скоро прибыл ответ из Коринфа, но он

вернул Павла с небес на землю: примкнувшие к иудействующим коринфяне не изменили мнения. Более того, их убеждения окрепли.

Вот что нанесло тяжелый удар по тем рассуждениям, с которыми Павел восторжествовал в Иерусалиме и Антиохии. Он утверждал, что для взрослых язычников обрезание станет препятствием на пути к обращению в христианство. Однако успех иудействующих проповедников в Коринфе доказал обратное. Язычники, охотно ложившиеся под нож раввина, сочли христианство Иакова убедительнее, чем христианство Павла.

Летом 54 года в Эфес вернулся Тимофей и сообщил, что в Коринфе его встретили очень неприветливо. У любого другого на месте Павла опустились бы руки. Но он устоял. Мы ведь знаем, что Павел никогда не отступает. Не к этому ли времени относится его неожиданный приезд в Коринф? Неужели его на время выпустили из тюрьмы? Следует признать, что у историков нет сведений об этом периоде. Деяния апостолов о втором путешествии Павла не упоминают. Мы знаем о нем от самого Павла. Во Втором послании к коринфянам он обещает приехать в третий раз и действительно приедет, что подтверждает и второе путешествие (2 Кор 12:14; 13:1).

Впервые Павел почувствовал, что его авторитет публично подвергнут сомнению. В Коринфе один из христиан, выступавший против Павла, набросился на него на глазах остальных, и община не поддержала апостола. Павел не стал настаивать. Глубоко оскорбленный, он покинул город.

Может, именно к этому периоду относится миссия, доверенная Павлом своему ученику Титу? В том, что Тит посетил Коринф, сомнений нет. Наверное, Павел умолял Тита предпринять все возможное, чтобы убедить христиан Коринфа вернуться в лоно его церкви. Он

вручил ему письмо, о котором сам скажет, что написано оно «со многими слезами». Нет сомнения, что это письмо было отправлено, но, к сожалению, оно исчезло. Исчезло не оно одно, и на основании исследований выводится такая цепь событий: Павел узнает, что коринфская церковь оказалась под угрозой, тогда он пишет первое письмо — оно потеряно. Потом Коринф посещает Тимофей, и Павлу сообщают вопросы коринфян в письменном виде. Павел дает ответы: это и есть знакомое нам Первое послание к коринфянам. Но оно не дало того результата, на который было рассчитано. Тогда Павел совершает короткое путешествие в Коринф. Вернувшись в Эфес, он пишет третье письмо, также потерянное, «со многими слезами».

Тогда встает вопрос о Втором послании к коринфянам, которое до нас дошло. Нелегко однозначно определить, к какому периоду оно относится. Более того: то представление о нем, которое существовало долгое время, теперь оспаривается. Согласно сегодняшней точке зрения, это письмо после смерти Павла было разделено на пять частей, и некоторые фрагменты вставлены в Первое послание к коринфянам, чтобы придать ему более целостный вид.

Простая логика приводит к мысли — и я готов разделить это мнение, — что Второе послание было написано после того, как Павел покинул Эфес. Мы обнаруживаем апостола в Троаде, с тревожным волнением ожидающим возвращения Тита из Коринфа. Во Втором послании есть указание на то, что Тит уже вернулся. Следующая фраза должна рассеять всякие сомнения: «Но Бог, утешающий смиренных, утешил нас прибытием Тита, и не только прибытием его, но и утешением, которым он утешался о вас, пересказывая нам о вашем усердии, о вашем плаче, о вашей ревности по мне, так что я еще более обрадовался... Итак

радуюсь, что во всем могу положиться на вас» (2 Кор 7:6–7, 16).

В течение 54 года Павел все еще оставался в тюрьме. Хотя в этот период притеснение христианской общины стало ощутимее, его заточение не было строгим, может, его снова отпустили — он совершил второе путешествие в Коринф, а затем вернулся в темницу. К концу зимы 54/55 года условия заключения, видимо, ужесточились. Причиной тому могли стать прибывшие из Галатии вести, нанесшие ущерб авторитету Павла. Восстановить ход событий несложно. Посланцы Иакова через Антиохию, видимо, добрались до Галатии. Они прекрасно знали, что в Галатии действовали основанные Павлом церкви: сам Павел сообщил им об общинах, где особенно чтили его авторитет.

Я испытываю искушение, перед которым не устояли некоторые из авторов исследований, описать тех, кто сеял смуту в созданных Павлом церквях Центральной Анатолии, как мелодраматических злодеев, одетых в черное и проскальзывавших под покровом ночи в дома, дабы делать злоречивое. Историк по природе своей склонен проникаться сочувствием к своему персонажу, и это неизбежно приводит к выводу, что все противники его героя не правы. Я попробую быть объективным. Посланцы Иерусалима были людьми искренними, убежденными, что истина — на их стороне. Они, как и Павел, были иудеями, они не являлись его личными врагами, а просто считали, что он толкает церковь на ложный путь. Их задача заключалась в том, чтобы просветить несчастных, введенных в заблуждение Павлом.

Галатам, людям простым, легко поддающимся убеждению, тем, которые выслушали Павла и признали его правоту, сторонники Иакова твердили, что они не стали хорошими христианами. Доказательство: они не

подверглись обрезанию. Иисус был обрезан, апостолы обрезаны. К тому же обрезание полезно для здоровья, оно оберегает от болезней и т. д. Иудействующие гордились тем, что они сами обрезаны, и заявляли: настоящим мужчиной может стать лишь тот, кто перенес обрезание. Решающий удар они нанесли, заявив, что обязательное обрезание подтверждено Петром, главой апостолов, и Иаковом, братом Господа.

Галаты сначала протестовали. Они любили Павла, они трижды встречались с ним. Они не понимали, почему он должен был их обманывать. Однако иудействующие не отступали: они тоже любят Павла. Но говорил ли он, что сам Христа никогда не видел? Это галатов потрясло: ведь Павел так замечательно говорил о Христе! Им привели доказательства, и на этот раз они заколебались. А у иудействующих уже был готов следующий вопрос: говорил ли Павел, что в молодости преследовал христиан, сотнями бросал их в тюрьму, подвергал пыткам и даже казни? Галаты, растерянные, потрясенные, не знали, что ответить: Павел им действительно ничего про это не говорил. Неужели им придется отречься от всего, чему их научил Тарсянин?

Иудействующие поспешили их успокоить: основное из того, что они восприняли, остается. Единственная ошибка Павла, который слишком торопился, пытаясь убедить галатов, заключается в том, что он не внушил своей пастве уважение к закону Моисееву, данному Богом. Господь, сотворивший все сущее, говорил с Авраамом. Он даже оставил ему свой завет. Иудеи унаследовали этот завет после Авраама и всегда соблюдали его, никогда не забывали слова, которые Бог сказал Аврааму: «Сей есть завет Мой, который вы должны соблюдать между Мною и между вами и между потомками твоими после тебя [в роды их]: да будет у вас обрезан весь мужеский пол; обрезывайте крайнюю плоть

вашу: и сие будет знамением завета между Мною и вами» (Быт 17:10-11).

Иудействующие настаивали с убедительной силой и с редкой уверенностью: тот же Бог послал людям Иисуса, Мессию, который есть Его Сын. Вы признали его? Если не принять закон во всей его полноте, будет нанесен ущерб самому Господу.

Эта аргументация, изложенная здесь схематично, дошла до ушей Павла. Легко представить, как он вознегодовал. Он ненавидел этих презренных — я так и слышу, как он произносит это слово, — которые нападали на беззащитных людей, чтобы уничтожить их веру.

Взбешенный Павел потребовал писца и немедленно продиктовал самое яростное из своих посланий — Послание к галатам. Читатель уже знает фрагменты из этого текста: чтобы оправдаться, чтобы показать, что именно он прав, Павел почувствовал необходимость рассказать многочисленные эпизоды из своей жизни, и они стали для историков неоценимым источником. Мне же хочется сейчас показать, как силен был гнев Павла: «Павел Апостол, избранный не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мертвых, и все находящиеся со мною братья — церквам Галатийским: благодать вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, Который отдал Себя Самого за грехи наши, чтобы избавить нас от настоящего лукавого века, по воле Бога и Отца нашего; Ему слава во веки веков. Аминь» (Гал 1:1-5).

Если Павел хотел начать значимо, веско, то ему это прекрасно удалось. С первых строк Павел гордо именует себя апостолом, и это слово в тексте — как знамя в его руках, хотя раньше он очень осторожно использовал его. Но здесь оно звучит как вызов: я — апостол и я знаю истину! Когда он говорит о братьях, которые вместе с

ним, он заявляет о единстве с теми, кого обратил в христианство. Но это лишь начало:

«Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатью Христовою так скоро переходите к иному благовествованию, которое, впрочем, не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово. Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал 1:6-8).

Павел беспощаден. И он объясняет почему: «Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа» (Гал 1:11-12).

Не случайно Павел упоминает здесь о своем пути в Дамаск: он подчеркивает, и делает это с блеском, что если большинство из двенадцати апостолов шли за Иисусом и слышали Его, если некоторые из них удостоились чести видеть Его Воскресение, то он единственный удостоился особой милости: Иисус явился для него одного.

Далее Павел разит: «О несмысленные Галаты! кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый? Сие только хочу знать от вас: через дела ли закона вы получили Духа, или через наставление в вере? Так ли вы несмысленны, что, начав духом, теперь оканчиваете плотью? Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы! Подающий вам Духа и совершающий между вами чудеса через дела ли закона сие производит, или через наставление в вере?» (Гал 3:1-5).

А специально для иудействующих, которые призывают к наследию Авраама, он гневно заявляет: «И Писание, провидя, что Бог верою оправдает язычников, предвозвестило Аврааму: в тебе благословятся все

народы. Итак верующие благословляются с верным Авраамом» (Гал 3:8-9).

Доводы Павла, с этим нельзя не согласиться, пресекают возражения его оппонентов. Он подтверждает свое преимущество: «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою (ибо написано: проклят всяк, висящий на древе), дабы благословение Авраамово через Христа Иисуса распространилось на язычников, чтобы нам получить обещанного Духа верою» (Гал 3:13-14).

Далее звучит торжественное предупреждение: «Но тогда, не зная Бога, вы служили богам, которые в существе не боги. Ныне же, познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите еще снова поработить себя им? Наблюдаете дни, месяцы, времена и годы. Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас.

Прошу вас, братия, будьте, как я, потому что и я, как вы. Вы ничем не обидели меня... а приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса... Свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне. Итак, неужели я сделался врагом вашим, говоря вам истину? Ревнуют по вас нечисто, а хотят вас отлучить, чтобы вы ревновали по ним. Хорошо ревновать в добром всегда, а не в моем только присутствии у вас. Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос! Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой, потому что я в недоумении о вас» (Гал 4:8—12, 14-20).

Послание к галатам хочется цитировать и цитировать. Как трогательны слова обычно беспощадного Павла, когда он, диктуя, со смирением признает несовершенство своего стиля! Как зол он на тех, кто посеял тревогу в душах христиан! «Вы шли хорошо: кто остановил вас, чтобы вы не покорялись

истине? Такое убеждение не от Призывающего вас. Малая закваска заквашивает все тесто. Я уверен о вас в Господе, что вы не будете мыслить иначе; а смущающий вас, кто бы он ни был, понесет на себе осуждение» (Гал 5:7—10).

Возникает вопрос: кому же из галатов пишет Павел это послание, в котором обличения, резкости неотделимы от изъявлений любви? Галатия занимает огромную территорию. Очевидно, что большинство населения и слухом не слыхивало об этом послании. Созданные Павлом церкви в Икони, Листре, Дервии и Антиохии Писидийской остаются слишком малочисленными, чтобы считать их единственными адресатами письма. Наиболее правдоподобна гипотеза о том, что Павел приказал одному из своих учеников доставить текст письма епископам разных церквей, а они затем распространяли его устно. Юрген Беккер отмечает, что речь идет о единственной энциклике, созданной Павлом, а также о «самом древнем свидетельстве, явно представляющем послание апостола на тему оправдания».

Послание к галатам написано так, что невозможно не цитировать его чеканные строки: «И уже не я живу, но живет во мне Христос»; «К свободе призваны вы, братия»; «Ибо весь закон в одном слове заключается: “люби ближнего твоего, как самого себя”». Те же, почерпнутые из Третьей книги Моисея «Левит» слова произнес Иисус, определив их как «большую» из заповедей.

Невозможно, читая Послание к галатам, не почувствовать, как тебя уносит поток мыслей Павла, и не слиться с ним, разделяя его жажду быть услышанным. Речь идет о жизни или смерти галатов, но также и о жизни или смерти Павла. Как мог писец уследить за его яростной мыслью? Лишь подойдя к заключению, можно перевести дух. Так и видишь, как

Павел буквально вырывает стиль из рук писца: «Видите, как много написал я вам своею рукою. Желаящие хвалиться по плоти принуждают вас обрезываться только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов, ибо и сами обрезывающиеся не соблюдают закона, но хотят, чтобы вы обрезывались, дабы похвалиться в вашей плоти. А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира. Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь. Тем, которые поступают по сему правилу, мир им и милость, и Израилю Божию. Впрочем никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем. Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братия. Аминь» (Гал 6:11-18).

Так кто же победил: Павел или иудействующие? Тут каждый позволяет себе делать тот вывод, который для него предпочтительнее. Большинство верят, что победа Павла была полной, и в доказательство ссылаются на то, что связи Павла с галатами никогда не прерывались. Однако один из последних и наиболее опытных комментаторов, Симон Легасс, сомневается: «Среди адресатов Первого послания Петра были и христиане из язычников». До падения Иерусалима в 70 году иудействующая церковь ревниво охраняла свой авторитет в этом регионе. Нужно дождаться конца I века, чтобы иудействующие и язычники-христиане решились на примирение, но это произойдет, что удивительно, в ущерб памяти Павла, который на целое столетие окажется отодвинут в тень. Точно таким же образом и в Коринфе церковь с невероятным цинизмом поклянется, что основанием своим она обязана Петру так же, как и Павлу. И лишь когда христианская церковь займется отделением подлинных текстов от апокрифов,

она восстановит значение написанного Павлом, признав в текстах ценность основ христианской теологии.

И в эту последнюю свою битву — и в какую битву! — Павел вступит в тюрьме. Есть много оснований полагать, что в тот момент, когда он диктовал Послание к галатам, жизнь его была в опасности. Позднее он сам вспомнит о той решающей роли, которую сыграли его друзья-ткачи: «Приветствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе (которые голову свою полагали за мою душу, которых не я один благодарю, но и все церкви из язычников), и домашнюю их церковь» (Рим 16:3–4). Значит ли это, что они помогли Павлу бежать из тюрьмы? Некоторые так и считают.

Как бы то ни было, Эфес покинул не глава церкви, окруженный почитанием верующих, а человек, на которого охотились.

Глава XI

ДОРОГА В ИЕРУСАЛИМ

Тарсянину было почти пятьдесят, когда он в сопровождении горстки соратников отправился в путь вдоль моря. Дорога шла по берегу через Смирну, в обход Пергама, а дальше тянулась вокруг залива Эдремит. Они направлялись в Троаду. Павел решил вернуться в Македонию, а затем двинуться в Ахаию — полуостров, соединявшийся с Южной Грецией Коринфским перешейком.

Павел не скрывал, что конечной целью его путешествия должен был стать Иерусалим.

Так и слышишь, как Павел шепчет сам себе: «Побывав там, я должен видеть и Рим» (Деян 19:21). Может, он предчувствовал, что Вечный город станет центром объединения христиан? Вполне вероятно, ведь он умел слушать Бога. И был соработником Его. Его апостольское служение предстает как безостановочное движение вперед. Дорога на Дамаск вывела Павла на всемирные пути. Ему казалось, что все страны, где еще не звучало слово о Христе, ждут его появления. Он напишет римлянам: «Ныне же, не имея такого места в сих странах, а с давних лет имея желание придти к вам...» (Рим 15:23).

Он шагал по дороге, и его томила новая идея. Еще во время собрания в Иерусалиме кто-то предложил сделать сбор пожертвований в пользу матери-церкви. От имений антиохийской общины Павел и Варнава предложили тогда собрать средства. Это обещание не было включено в договор, заключенный между церквями. Однако Павел считал себя обязанным сделать это. В Эфесе он принял решение перейти к действиям: сбор пожертвований должен был затронуть церкви Малой Азии и Греции.

Пусть иерусалимская церковь была причиной последних несчастий Павла, он хотел об этом забыть. Этот сбор пожертвований должен был воплотить мысль пророка Исаии о единстве верующих.

Кому же предназначались средства? Павел сам уточняет: это подаяние «для бедных между святыми в Иерусалиме» (Рим 15:26), то есть для нуждающихся христиан. Когда-то в иудейском обществе было мало очень богатых или очень бедных людей. Но из года в год пропасть между ними росла. Во времена Павла Иерусалим уже кишел нищими, среди которых оказались и галилеяне, прибывшие в город вслед за Христом. После распятия Иисуса они упорно оставались в граде Давидовом, а их семьи умирали с голоду. Иерусалимская церковь помогала им как могла, но ее средства были очень ограничены. Павел твердил, что долг всех церквей помогать первой из них — иерусалимской, где бы они ни были: «Усердствуют, да и должники они перед ними. Ибо если язычники сделались участниками в их духовном, то должны и им послужить в телесном» (Рим 15:27).

Отдавшись этой миссии душой и телом, Павел предложил коринфянам последовать примеру македонян, которые «среди великого испытания скорбями» и несмотря на «глубокую нищету» проявили, по его словам, «богатство радушия». Жители Коринфа должны поступить так же! Однако коринфяне к жертвованию были не готовы.

Каждой общине Павел отправлял такие угрожающие инструкции, что они походили на приказы военачальника: беречь средства, складывать их неделя за неделей в ожидании его, Павла. Только он мог все контролировать и выбрать себе сопровождающих, с которыми отвезет деньги в Иерусалим. Такой способ действий полностью противоречил существовавшей до сих пор практике доставки ежегодных пожертвований на иерусалимский храм: обычно этим занимались

уважаемые люди города, которые до момента отправки денег сами распоряжались собранным. Насколько благожелательно отнеслись общины к идее сбора средств, настолько же неприязненно восприняли они притязания Павла на единоличную ответственность в этом мероприятии. Самым серьезным оказалось то, что критиковать Павла стали не только обращенные из иудеев, но и «боящиеся Бога».

На самом деле, это новое сопротивление указаниям Павла подпитывали давние обиды, возникшие по другому поводу. Павел отказывался от финансовой помощи коринфских христиан, а они сочли себя обиженными. По какому праву он отвергал чистосердечные дары, которые позволили бы ему лучше выполнять свою миссию? Он хочет жить трудами рук своих? Не гордыня ли это? Несмотря на впечатляющий ответ Павла — «Не апостол ли я? Не свободен ли я?» — его отказ вызвал отчуждение, которое так никогда и не исчезло. К тому же посланцы, которых Павел регулярно отправлял в Коринф, покидая город, были вынуждены просить денег, и в этом им никогда не отказывали. Коринфяне ничего не понимали — поставим себя на их место, — и замешательство переросло в гнев.

Теперь уже Павла упрекали за то, что он наложил на христиан Коринфа бремя подаяния, несоразмерное с их доходами. А когда общины увидели, что им не позволяют распоряжаться средствами, они пришли в негодование, и возникли подозрения в растрате денег. Ситуация в Коринфе накалилась до предела, о чем вскоре Павлу и сообщили. Он почувствовал себя непонятым и разочарованным. Оказавшись в затруднительном положении, Павел, как и каждый раз, прибег для убеждения оппонентов к письменному обращению. Он напомнил коринфянам, что они сами первыми согласились с его планами. Они хотят отказаться от своих обещаний? Тут стратег в Павле

побеждает бойца-тактика: он лишь хотел высказать свою точку зрения. Пусть коринфяне сами определяют размер своих пожертвований. Будут избраны и другие сопровождающие, один из них — от церквей Азии, которого все хвалят: «А как вы изобилуете всем: верою и словом, и познанием, и всяким усердием, и любовью вашею к нам, — так изобилуйте и сею добродетелью. Говорю это не в виде повеления, но усердием других испытываю искренность и вашей любви. Ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою» (2 Кор 8:7-9).

Достаточно ли этого письма? Тит, по-прежнему остававшийся в Коринфе, должен был защищать то, о чем говорилось в этом послании.

А Павел, как всегда, шагал вперед. Все пейзажи, проплывавшие мимо него, напоминали о чем-то бывшем в прошлом. Прежде чем вырисовался на горизонте город Трояда, вначале Геллеспонт, Эгейское море, а затем залив Эдремит и гора Ида вызвали в его душе множество воспоминаний? Но разве это имело значение? Найти в Трояде Тита — вот что занимало Павла. Однако Тита он не обнаружил. Тревога Павла росла: «Придя в Трояду для благовествования о Христе, хотя мне и отверста была дверь Господом, я не имел покоя духу моему, потому что не нашел там брата моего Тита» (2 Кор 2:12-13).

Почему же Тит не явился на встречу с Павлом?

Вместо Тита появляется Лука. Это вполне в его духе — как врача, слишком поглощенного другими заботами, чтобы присутствовать постоянно. Прибыв из Филипп, Лука пересек Эгейское море, чтобы присоединиться к маленькой группе, что уже находилась в Трояде. Лука сообщил нам имена своих спутников: Сосипатр из Вери, Аристарх и Секунд из Фессалоники, Гай из Дервии, Тимофей, Тихик и Трофим из Азии. По всей видимости,

именно они должны были доставить собранные пожертвования.

Лука пишет, что в Троаде он оставался неделю и стал свидетелем случая, который не мог забыть: «В первый же день недели, когда ученики собрались для преломления хлеба, Павел, намереваясь отправиться в следующий день, беседовал с ними и продолжил слово до полуночи. В горнице, где мы собрались, было довольно светильников. Во время продолжительной беседы Павловой один юноша, именем Евтих, сидевший на окне, погрузился в глубокий сон...» (Деян 20:7-9). Как видим, Лука честный хронист. В XVII веке Джонатан Свифт, автор знаменитого «Путешествия Гулливера», но также и декан собора Святого Патрика в Дублине, выберет тему для одной из своих проповедей — «О сне в церкви» и вспомнит случай с Евтихом: даже святой Павел нагонял сон на своих слушателей.

Еще одна деталь: под влиянием усыпляющих речей Павла несчастный Евтих, сидевший на окне, упал с третьего этажа. Его сочли мертвым. Павел бросился к юноше, обнял его и сказал, чтобы всех успокоить: «Не тревожьтесь, ибо душа его в нем».

«Взойдя же, — продолжает Лука, — и преломив хлеб и вкусив, беседовал довольно, даже до рассвета, и потом вышел. Между тем отрока привели живого, и немало утешились» (Деян 20:10-12).

Но Тит все не появлялся! Не выдержав ожидания, Павел сел на корабль раньше назначенного времени. Он снова оказался в Европе и высадился, как уже это делал, в Неаполе. Тита он решил не дожидаться. Павел терпеть не мог, когда не исполняли данного ему обещания.

Нет сведений о том, какой путь избрал апостол. По всей видимости, он сначала отправился в Филиппы, где после стольких мытарств мог рассчитывать хоть на какое-то утешение. Дорогие его сердцу филиппийцы! Но

даже этим своим образцовым ученикам он говорит о тревоге, отныне поселившейся в его сердце: «Берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания» (Флп 3:2).

Он покинул Филиппы и восстановил связи с церквями в Фессалонике и Вериин. Добрался ли он до берегов Адриатики? «...Благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика», — писал апостол.

Мы не всегда можем двигаться за апостолом след в след: он уезжал и возвращался, делал остановки, проповедовал, наставлял, спорил. Однако тревога терзала Павла: где же Тит? Что делает Тит? Во Втором послании к коринфянам он вспомнит об этом трудном для него времени: «Ибо, когда пришли мы в Македонию, плоть наша не имела никакого покоя, но мы были стеснены отовсюду: отвне — нападения, внутри — страхи» (2 Кор 7:5).

Наконец-то появился Тит! Он принес хорошие вести! Тит, вернейший из верных, договорился о том, что сбор пожертвований пойдет по новым правилам. Ему удалось погасить неприязнь, утвердив при этом — замечательный успех! — исключительный авторитет Павла. Он даже добился того, чтобы вернувшиеся к идеям Павла христиане публично отреклись от иудействующих.

Павел поспешил выразить свою радость и свою благодарность коринфянам: «Но Бог, утешающий смиренных, утешил нас прибытием Тита, и не только прибытием его, но и утешением, которым он утешался о вас, пересказывая нам о вашем усердии, о вашем плаче, о вашей ревности по мне, так что я еще более обрадовался» (2 Кор 7:6-7). Обращенные Павлом в христианство в Коринфе были так пристыжены, что плакали! «Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию... Ибо

печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть. Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, какие извинения, какое негодование на виновного, какой страх, какое желание, какую ревность, какое взыскание!» За этим следует краткое заключение, совершенно в духе апостола: «По всему вы показали себя чистыми в этом деле» (2 Кор 7:9—11).

Перечитывая это послание, невозможно не восхищаться личностью Павла, его открытостью братьям по вере: он не скрывает, даже когда кризис миновал, что на сердце по-прежнему тяжесть, а душа полна разочарования:

«О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию! Но вы и снисходите ко мне. Ибо я ревную о вас ревностью Божиею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою. Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе. Ибо если бы кто, придя, начал проповедывать другого Иисуса, которого мы не проповедывали, или если бы вы получили иного Духа, которого не получили, или иное благовестие, которого не принимали, — то вы были бы очень снисходительны к тому». Но вот берет верх его основная черта: «Но я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов: хотя я и невежда в слове, но не в познании» (2 Кор 11:1-5).

Зиму 55/56 года Павел провел в Македонии. Он наконец принял решение: собранные пожертвования он сам повезет в Иерусалим. И еще Павел решил идти через Коринф: то ли проконтролировать сбор средств, то ли проверить, как к нему относятся в городе.

В это время года навигация, скорее всего, была запрещена, и Павел отправился сухопутным путем. Он пересек Фессалию с севера на юг, прошел по Аттике, не миновал и ущелья Фермопилы. Не намеревался ли он дойти до Афин? Никогда! Он двинулся на Фивы, где, конечно, не мог не вспомнить о великой тени Эдипа. После крепости в Элефтерах дорога спускалась к Элевсидам. И вот, наконец, перешеек, который так хорошо был ему знаком.

В Кенхреях, куда Павел добрался к началу лета, на него, наверное, нахлынули дорогие сердцу воспоминания о Приске и Акиле. Но супруги теперь пребывали в Риме. А Павел прошагал дальше, к Коринфу, по поднимавшейся вверх дороге, по которой так часто ходил во время своего первого пребывания в городе. В огромном городе ничего не изменилось. По-прежнему взгляд упирался во вздымающуюся вершину Акрокоринфа, и по-прежнему раздражал развратный языческий храм на вершине.

Как же примут Павла в Коринфе? Он не уставал задавать себе этот вопрос.

Гай встретил апостола с распростертыми объятиями. Позднее Павел написал, что он был «его гостем и гостем всей церкви». Гая связывали с Павлом священные узы: апостол собственноручно крестил его. Павел был ободрен тем, что коринфяне отреклись от иудействующих, и мечтал теперь о всеобщем примирении. Все лето он посвятил этой цели. Павел попытался прибегнуть к старинной процедуре, о которой упомянуто еще во Второзаконии: если двое старейшин вошли в открытый конфликт, они могут потребовать суда. Можно ли считать, что Павел готов был пойти на уступки? Ни в коей мере. Он всегда оставался собой: Павел без обиняков заявил, что на суде будет ревностно защищать свои взгляды. Такая позиция апостола, о котором думали, что он смягчился, привела к наихудшим

последствиям: в коринфской общине снова победили иудействующие.

Павел потерпел поражение — Коринф так и не стал его городом. Осенью ему пришлось вернуться в порт Кенхреи, испытав жестокое разочарование. Лишь через много недель в душе его снова воцарился покой. Но началась зима, и пускаться в путешествие было невозможно. Павел ощутил необходимость написать еще одно послание, чтобы четко сформулировать то, в чем был убежден. До этого ему всегда приходилось писать в случае крайней необходимости: то нужно было поддержать веру паствы, то поразить противников, поэтому он сразу же разъяснял суть дела, наносил удар за ударом, формируя и укрепляя фундамент своего учения. О форме изложения думать не приходилось. В Кенхреях у него появилось свободное время. Он решил построить сочинение по правилам, которым его обучал когда-то учитель Гамалиил. В этом послании Павел хотел высказать все, во что верил.

Прежде чем приняться за работу, апостол послал за писцом Терсием. Продиктовал послание. Так возникло произведение, которое Лютер назвал «сердцем и мозгом всех книг». Послание к римлянам — несравненный памятник мысли Павла.

Какой мощный порыв ощущается уже с первых строк! «Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол, избранный к благовестию Божью, которое Бог прежде обещал через пророков Своих, в святых писаниях, о Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти и открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, через воскресение из мертвых, о Иисусе Христе Господе нашем, через Которого мы получили благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вере все народы, между которыми находитесь и вы, призванные Иисусом Христом, — всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим, призванным святым: благодать

вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа» (Рим 1:1-7).

Это строки великого, величайшего Павла. Но тут не хватает одной детали, с которой начинались остальные послания: нет обращения к церкви, которой адресуется письмо. Причина этого самая простая: римская церковь пока не существует.

Кто принес христианство в Рим? Вспомним о том великом потоке, который несколько раз в год увлекал иудеев диаспоры в Иерусалим. Направлялись туда и римские евреи, чтобы вознести молитву в иерусалимском храме, а возвратившись, говорили только об Иисусе Христе, наконец-то воплотившемся Мессии. Они торопились сообщить о нем в ближайшей синагоге, взволновав одних и раздосадовав других. Похоже, никакой церковной общины при этом не создавалось. Сегодня полагают, что, возможно, существовали разрозненные маленькие группы христиан, верования которых были весьма зыбки и противоречивы, что не должно удивлять, принимая во внимание отсутствие всякой организации.

Кто же рассказал Павлу о римских христианах? Один из фрагментов послания сообщает нам, что, желая добраться до Испании, Павел нуждался в помощи, вероятно, в помощи финансовой. Еще один эпизод — сравнение слабых и сильных — свидетельствует, что он имел некоторые сведения о религиозных верованиях в Риме. Может, его просветили Акила и Приска? Но в остальном ничто пока не указывает на определенного адресата. Так к кому же Павел обращался?

Дитер Хильдебрандт, исследования которого отличаются глубиной и оригинальностью анализа, сформулировал на этот счет гипотезу, которую можно изложить одной фразой: это послание, «эта недостижимая вершина», никогда не предназначалось только римлянам. И исследователь добавляет фразу,

способную привести читателя в восторг: «Название этого послания — одна из величайших литературных мистификаций своего времени».

Павел, осознавая свою вселенскую миссию, ощущая себя проводником воли Господа, просто не мог не обратиться к Вечному городу, центру мира, средоточию могущества, очагу цивилизации. Пусть послание и не предназначается какой-то конкретно группе римлян, оно должно содержать в названии слово, символизирующее ослепительное величие, — Roma. То, что Отцы Церкви при формировании Нового Завета поставили Послание к римлянам первым из всех текстов Павла, по времени написания самое последнее, подтверждает верность нашего хода мыслей.

Не будем, однако, заходить слишком далеко, оценивая этот парадокс. Римляне имеют отношение к этому посланию такое же, какое имели к посланиям Павла филиппийцы, коринфяне или галаты. Разница в том, что Павел всех тех своих корреспондентов знал — и не знал римлян. Таким образом, ему не нужно было на этот раз вступать с ними в полемику или утверждать свой авторитет. Поэтому стиль избран Павлом иной.

По мнению толкователей, он видел перед собой и евреев-христиан, и новообращенных из язычников, и правоверных иудеев, а их в Риме было немало. Более того, Павел внутренним взором видел и иудействующих — своих постоянных оппонентов, которых он в Риме, как и в других местах, попытался опередить. Так кому же все-таки адресовано Послание к римлянам? Всем.

В первую очередь Павел думает о христианах: «Прежде всего благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире» (Рим 1:8). И дальше он продолжает, усиливая сказанное: «Свидетель мне Бог, Которому служу духом моим в благовествовании Сына Его, что непрестанно воспоминаю о вас, всегда прося в молитвах моих, чтобы

воля Божия когда-нибудь благопоспешила мне придти к вам» (Рим 1:9—10). Он развивает эту тему: «Не хочу, братия, оставить вас в неведении, что я многократно намеревался придти к вам (но встречал препятствия даже доныне), чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов. Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам. Итак, что до меня, я готов благовествовать и вам, находящимся в Риме» (Рим 1:13–15).

На первый взгляд трудно объяснить, почему, обращаясь к язычникам, он уделяет столько внимания проблемам иудейского вероучения. Но Павел логичен: он не может нести весть, которая возродит человечество, не представив Иисуса как еврея, Сына Бога иудеев. Иначе говоря, язычники, приняв Иисуса, должны одновременно принять иудаизм. За исключением, конечно, тех принудительных правил, о которых уже велось столько дискуссий.

В отличие от критики XIX века, видевшей в Послании к римлянам сочинение о проблемах вероучения, критики века XX утверждают, что это проект примирения. Ведь конфликты, раздиравшие молодую религию, угрожали и новообращенным в Риме. Павел, похоже, опасался этого и записал тревожное заклинание: «Посему принимайте друг друга, как и Христос принял вас в славу Божию» (Рим 15:7).

Влияние Послания к римлянам в истории огромно. И не только в эпоху, когда оно было написано, но и в последующие. В V веке, когда возникли серьезные споры об обоснованности спасения, к нему обращались, чтобы положить этим спорам конец. Невозможно сейчас детально изложить аргументацию Павла: пришлось бы привести Послание к римлянам полностью. В XVI веке послание оказалось в центре реформ Лютера. Кальвин нашел в нем основы своей доктрины.

Любой читатель, обращаясь к Посланию к римлянам, поражается его стройной и выверенной композиции.

Это не означает, что в послании содержится, как иногда заявляли, вся сумма теологических знаний, что это «энциклопедия христианства»; сейчас исследователи указывают на множество лакун. Текст можно разделить на две части: первая (главы 1—10) предлагает христианам путь обретения спасения; вторая (главы 11–14) посвящена объяснению того, почему столько иудеев, современников Христа, отвергли предложенное им спасение.

Первые четыре главы объясняют волю Бога, состоящую в том, чтобы не быть навязанным людям, но быть открытым ими. Если некоторые признали Божью доброту, то другие ее презрели, чем оскорбили Господа и вызвали его гнев: «Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою. Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны. Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце» (Рим 1:18–21).

Павел признает, что язычники могли почувствовать присутствие Бога, но считает: если они ничего не сделали для своего спасения, то также заслуживают гнева Божьего. А что же иудеи? Они получили столько милостей от Создателя, что теперь, если они нарушают закон, нет им никакого снисхождения: «Вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом, и знаешь волю Его, и разумеешь лучшее, научаясь из закона, и уверен о себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме... как же ты, уча другого, не учишь себя самого?

Проповедуя не красть, крадешь? говоря: “не прелюбодействуй”, прелюбодействуешь? гнушаясь идолов, святотатствуешь? Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога? Ибо ради вас, как написано, имя Божие хулится у язычников. Обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием» (Рим 2:17-19, 21-25).

Павел настойчиво обращается к своим братьям-иудеям: «Итак, что же? имеем ли мы преимущество? Нисколько. Ибо мы уже доказали, что как Иудеи, так и Еллины, все под грехом» (Рим 3:9). Это рассуждение заканчивается доказательством, исполненным глубокого смысла: «Но мы знаем, что закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом, так что заграждаются всякие уста, и весь мир становится виновен пред Богом, потому что делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть; ибо законом познаётся грех. Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки, правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе» (Рим 3:19-24).

Павел говорит об Аврааме, которому «вера вменилась в праведность»: «Когда вменилась? по обрезании или до обрезания? Не по обрезании, а до обрезания» (Рим 4:10). Он снова обращает внимание на парадокс: новая вера предлагается язычникам через приобщение к старой вере, которой они не знают. Это дает повод некоторым комментаторам утверждать, что Послание к римлянам было написано для примирения в Риме иудействующих и обращенных в христианство язычников.

В той же третьей главе несколько невыразительных на первый взгляд слов вдруг открывают нам вершину мысли Павла: «Ибо мы признаём, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (Рим 3:28).

Вот мы и прочли то, что теологи именуют «оправдание верой». Заменяя *верой* закон в качестве источника спасения, Павел предлагает человечеству революционный путь. Он дает мощный импульс развитию Церкви, фактически не ограниченный временем. Но в течение первых пятнадцати веков существования христианства этого понимания не было. Почему? Потому что оправдание верой — путь радикальный, он требует другой организации самосознания. И, вероятно, другого уровня общественного устройства. Человек, не полагаясь полностью на милость Божью, из внутреннего, подсознательного страха идет на компромисс, убеждая себя: он получит спасение, если не будет преступать заповеди. Римская церковь приложила все старания, чтобы создать каталог строгих правил, которым должен следовать христианин. Подчеркнем: внешний христианин, социумный. Эти правила соотносились с заповедями Моисея.

Достаточно было немецкому монаху Лютеру, возмущенному торговлей индульгенциями, внимательно прочесть Послание к римлянам, и он убедился, что нашел ответ: главное — вера, деяния — второстепенны. Но, может, все не так прозрачно, как представлялось Лютеру? Павел добавляет: «Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем» (Рим 3:31). На это кажущееся противоречие Лютер нашел ответ: «Вера исполняет все законы. Деяния никоим образом закон не исполняют».

Главы с пятой по восьмую излагают то, что должен знать новообращенный или язычник, готовый принять христианство. Крещение позволяет верующему избежать греха, потому что Иисус, приняв распятие, смыл грех Адама и подарил вечную жизнь как евреям, так и язычникам. Глава девятая говорит о язычниках, которые не искали веры, но получили ее. «А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности. Почему? потому что искали не в вере, а в делах закона» (Рим 9:31-32).

Главы десятая и одиннадцатая наполнены размышлениями Павла: что сближает и разделяет язычников и иудеев? Двенадцатая указывает, что должен делать христианин, чтобы угодить Богу: «Любовь да будет непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру; будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте; в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны; в нуждах святых принимайте участие; ревнуйте о странноприимстве. Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте. Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. Будьте единомысленны между собою; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе; никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми человеками. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим 12:9-18).

Тринадцатая глава предлагает христианину склониться перед властями, «ибо нет власти не от Бога». Каждому следует воздавать должное: «кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь» (Рим 13:7). Христианин должен проникнуться уверенностью в близкое возвращение Христа, тут Павел себе не изменил. Четырнадцатая

глава призывает принять «немощного в вере... без споров о мнениях» (Рим 14:1) и предписывает не судить брата своего: «Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает» (Рим 14:22).

Пятнадцатая глава — о любви между христианами как источнике духовного счастья: «Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира в вере, дабы вы, силою Духа Святаго, обогатились надеждою» (Рим 15:13).

Павел возвращается к своим планам посещения Иерусалима и не скрывает, что его пугают возможные опасности: «Между тем умоляю вас, братия, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа, подвизаться со мною в молитвах за меня к Богу, чтобы избавиться мне от неверующих в Иудее и чтобы служение мое для Иерусалима было благоприятно святым, дабы мне в радости, если Богу угодно, придти к вам и успокоиться с вами. Бог же мира да будет со всеми вами, аминь» (Рим 15:30–33).

Послание к римлянам — завещание Павла, ибо он уже никогда не напишет сочинения такого масштаба.

Мы так углубились в духовное наследие, оставленное нам Павлом, что вернуться к сбору пожертвований, звону золотых и серебряных монет нелегко. Но для Павла именно это стало главным. По мере приближения отъезда в его сердце росла тревога, и признаки этой тревоги неоднократно отмечал Лука. Павел прекрасно отдавал себе отчет: иудействующие ненавидят его, в Иерусалиме они по-прежнему сильны, а он идет именно туда — в Иерусалим. Почему же никто не отговорил его от этого опасного путешествия? Его пытались отговорить, но Павел оставался непреклонен и ничего слушать не хотел.

Кажется странным, что он не сел в Кенхреях на корабль. Однако северные ветры, дующие во время жары в Восточном Средиземноморье, сделали бы это путешествие невыносимым. Сегодня представляется маловероятным тот «заговор», о котором сообщает Лука: «Когда же, по случаю возмущения, сделанного против него Иудеями, он хотел отправиться в Сирию, то пришло ему на мысль возвратиться через Македонию» (Деян 20:3). Точно известно, что Павлу пришлось пройти семьсот десять километров на север. Наверное, он уже начал уставать от нескончаемых пеших переходов. Несколько человек из тех, что перевозили деньги, выехали раньше и ожидали Павла в Азии.

В следующем эпизоде рассказ Луки переключается с местоимения *он* на *мы*. Лука снова стал очевидцем происходящего. Эту часть его повествования столько обсуждали, столько критиковали и столько оспаривали! Многие уверены, что здесь Лука выстроил что-то вроде мизансцены в классическом античном духе, дабы описываемые события соответствовали создаваемому им образу Павла. Критики указывают на то, что Лука, кажется, совсем забыл о сборе пожертвований и лишь один раз — причем мимоходом — упоминает о нем.

Как же получилось, что Лука отправился вместе с Павлом в это путешествие, но не отметил, что передача средств иерусалимской церкви была единственной целью апостола? Лука рассказывает о том, как Павел отмечал Пасху и как стремился попасть в Иерусалим к Пятидесятнице. Однако в Послании к галатам Павел гневно осуждает основанный на еврейских праздниках календарь, который иудействующие хотели ввести в Галатии. Видимо, Лука немного ошибается, вот и все. Он писал текст, когда после смерти Павла прошло уже немало времени; он хотел, как пример будущим поколениям, показать апостола бесстрашно шагающим

навстречу опасности. Разве из-за этого стоит подвергать сомнению все, что он утверждает?

Я, признаюсь честно, нахожу у Луки истину, которая меня удовлетворяет: он описывает всю череду обстоятельств, старается быть точным, мелкие детали выглядят правдоподобно. Но, разумеется, я стараюсь максимально проверять его утверждения.

Раздел собранных пожертвований произошел в Ассе, на северном берегу залива Эдремит. Иосиф Флавий сообщает, по каким правилам это обычно происходило: разнообразные монеты меняли на золото, а его распределяли между путниками. Золотые монеты зашивали в одежду; чтобы при движении они не звенели, следовало избегать резких и неожиданных жестов.

Следующие этапы путешествия нам известны: из Асса кораблем добрались до Митилен, порта на большом острове Лесбос, оттуда — на остров Хиос, родину Гомера. Потом остановка на Самосе, против мыса Микале, еще одна остановка — в Трогилионе, и путники прибыли в Милет.

Процветание этого большого города, расположенного недалеко от Эфеса, некогда столицы Ионии, началось во времена Александра Македонского. Вывоз сельскохозяйственных продуктов с богатых земель, окружавших Милет, и паломничество к святилищу Аполлона Дидименя привели к расцвету четырех городских портов. Сегодня не стоит искать их следы: река Меандр, нанося в устье почву, отдала город от моря. Только трибуны театра, построенного во II–III веках, свидетельствуют о былом величии.

Лука сообщает, что «Павлу рассудилось миновать Ефес, чтобы не замедлить ему в Азии» (Деян 20:16). Не замедлить? Правда в том, что Павел вовсе не стремился в пасть волка. Но ничего удивительного, что ему

захотелось встретиться со своими учениками и он позвал их присоединиться к нему. Лука снова пытается воссоздать то, что Павел говорил своим последователям: «Вы знаете, как я с первого дня, в который пришел в Асию, все время был с вами, работая Господу со всяким смиренномудрием и многими слезами, среди искушений, приключавшихся мне по злоумышлениям Иудеев; как я не пропустил ничего полезного, о чем вам не проповедывал бы и чему не учил бы вас всенародно и по домам, возвещая Иудеям и Еллинам покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа. И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией. И ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царствие Божие. Посему свидетельствую вам в нынешний день, что чист я от крови всех, ибо я не упускал возвещать вам всю волю Божию. Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею. Ибо я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою. Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас. И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными. Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал: сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии. Во всем

показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: “блаженнее давать, нежели принимать”» (Деян 20:18–35).

После этих слов Павел замолк. Им овладело волнение. «Тогда немалый плач был у всех, и, падая на выю Павла, целовали его, скорбя особенно от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его. И провожали его до корабля» (Деян 20:37–38).

До Коса их сопровождал попутный ветер. На следующий день они достигли Родоса, а еще через день — Патары на Ликийском побережье. Дальше корабль плыл в другом направлении, но путники нашли корабль, доставивший их до Тира после шести-семи дней плавания. В Тире уже существовала христианская община, и христиане, радушно встретив Павла, встревожились, узнав, что он отправляется в Иерусалим. Все пытались отговорить апостола ехать туда. Но он словно не слышал их. Через семь дней Павел распрощался с жителями Тира, сел на корабль и оказался в Птолемаиде, где столетия спустя возникнет город крестоносцев Сен-Жан-д’Акр. На следующий день Павел и его товарищи отправились в Кесарию — пятьдесят пять километров пешком. Там в течение нескольких дней они жили у диакона Филиппа, он был одним из семи руководителей христианской общины вместе со Стефаном. Похоже, что непримиримые противники примирились.

Однажды в их доме неожиданно появился некий Агаб, называемый «пророком иудейским». Крайне взволнованный, он схватил пояс Павла и, театрально потрясая им, связал себе руки и ноги, заявив: «...так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников» (Деян 21:11). Лука и остальные заклинали Павла вернуться, но он лишь ответил: «Что плачете и сокрушаете сердце

мое? я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса» (Деян 21:13).

Переубедить его было невозможно! «Да исполнится воля Господня!» Павел распрощался со всеми, и небольшая группа отправилась по дороге на Иерусалим.

«Подняться в Иерусалим» — это не просто образ. Пройдя семьсот километров, поднимаешься вверх на восемьсот метров над уровнем моря. Хотя Павел не из тех, кого легко взволновать — читателю это уже хорошо известно, — трудно поверить, что он сохранил хладнокровие, в очередной раз проходя через ворота священного города. Его соратники следовали за ним не спеша: каждый ступал тяжело из-за набитых золотом поясов. Разместились они у некоего Мнасона с Кипра, «давнего ученика».

Едва лишь стало известно о прибытии Павла, как Иаков, брат Господа, пригласил его прийти к нему. Павел повиновался и на следующий день появился у Иакова. Первые минуты встречи прошли в сердечной радости. Пресвитеры увлеченно выслушали рассказ Павла о его деяниях среди язычников во славу Господа.

Однако тех, кто прочел послания Павла — а было бы странно, если они хоть в отрывках не дошли до Иерусалима, — задело, что «тринадцатый апостол» не считал основополагающим следование закону Моисееву, а обрезание объявил правилом, терпимым допущением. А разве глава иерусалимской церкви не начал наступление во имя иудаизма? Павел же признавал в Посланиях к коринфянам и филиппийцам, что он больше не считает себя соблюдающим закон Моисеев. Защищая язычников, он ставил Христа выше закона! Любого из этих воззрений Павла хватало для того, чтобы объявить его отступником.

Иаков, похоже, не хотел столь серьезных последствий. Любезный прием, оказанный им Павлу, об этом пишет Лука, тому доказательство. В его глазах

Павел, наверное, был человеком непредсказуемым, на чьи проступки не грех и закрыть глаза. Но нельзя же отрицать, что сделано Павлом очень много. Писавший о Иакове П.-А. Бернхайд удивлен тем, что Лука ничего не сообщает о пожертвованиях: ни слова об организации их сбора, о возникших проблемах, а потом и о передаче средств. Может, Иаков не согласился принять деньги? Бернхайд пишет: «Лука должен был бы упомянуть о том, что Иаков принял пожертвования, и это стало бы еще одним свидетельством в пользу единства церкви. Однако не исключено, что Иаков, прежде чем принять собранное, попросил Павла подтвердить свою верность закону Моисееву». Напротив, Лука пишет, что после первого обмена приветствиями возникла напряженность из-за того, что Павел не отдавал себе отчета: у него дурная репутация и среди иерусалимских христиан, которые почти поголовно принадлежали к иудействующим, и среди всех евреев. Несчастье заключалось в том, что и те и другие прекрасно знали, что проповедовал Павел: «А о тебе слышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям. Итак что же? Верно соберется народ; ибо услышат, что ты пришел» (Деян 21:21-22).

Кто-то, наверное Иаков, предложил выход: Павел должен совершить обряд очищения. К счастью, нашлось еще четыре человека, которые также готовились к обряду очищения, им предстояло провести в молитве семь дней в храме и обрить голову. Павлу предложили присоединиться к ним и взять на себя связанные с этим издержки: «И узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать закон» (Деян 21:24).

Павел последовал совету. Когда он расстался с Иаковом, то и представить себе не мог, что видит его в

последний раз. Вместе с теми четырьмя он отправился в храм, чтобы наметить день, когда будет принесено жертвоприношение и проведен обряд очищения.

Семь дней прошли. Но случилось несчастье: его узнали иудеи из Асии. Их гневу не было предела. Подстрекая толпу, они схватили Павла: «Мужья Израильские, помогите! этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего; притом и Еллина ввел в храм и осквернил святое место сие» (Деян 21:28).

Не будем заблуждаться: до этого момента на Павла нападали только иудеи, то есть христиане из евреев, за то, что он обращал в веру язычников. Теперь же в Иерусалиме против него, как против отступника, ополчились иудеи, верные закону Моисееву.

В городе Павла сопровождал Трофим из Эфеса, один из восьми его спутников. Кое-кто из иудеев вообразил, что Павел приводил его в храм и даже ввел туда, куда разрешали входить только иудеям.

Надо представить, в какой обстановке произошло это столкновение, а это действительно столкновение. Читатель знает, что иерусалимский храм состоял из двух частей: двор язычников, куда мог заходить любой, и священный двор, предназначенный только для евреев. Этот двор был окружен низкой стеной из камней, отмечавших предел, который не мог нарушить ни один нееврей. Латинские и греческие надписи гласили, что посторонним запрещено заходить внутрь ограды, а нарушивший запрет будет сам повинен в своей смерти. Достаточно категорично. Павла обвинили не только в отступничестве от своей религии, но и в том, что он нарушил запрет, введя внутрь ограды язычника.

Совершенно исключено, чтобы Павел действительно совершил подобную провокацию. Для него храм оставался святыней, и несуразность обвинения бросается в глаза. Можно лишь предположить, что он вместе со своим спутником подошел к оградке слишком

близко. После этого. мог подняться ропот, а толпа этот слух подхватила.

Лука, который любит преувеличивать, утверждает, что «весь город пришел в движение, и сделалось стечение народа». Истолкуем эти слова так: в храме в тот день действительно было много народу, и эти люди действовали агрессивно.

Павла схватили, выволокли из храма, который тотчас заперли. На апостола обрушился град ударов, и казалось, его сейчас потащат за городские стены и побьют камнями. Павлу повезло: все это разыгралось в двух шагах от крепости Антония и немедленно стало известно трибуну римской когорты. До него дошла весть, что «весь Иерусалим возмутился».

Нам известно имя этого трибуна: Клавдий Лисий. Он командовал когортой, размещавшейся в крепости Антония — около шестисот человек, — и незамедлительно отдал приказ одному из центурионов: собрать роту и усмирить разбушевавшихся иудеев. В действие вступил римский закон, и приказа никто не смел ослушаться. Для Павла это оказалось благом: его перестали бить. Явившийся трибун приказал заковать в цепи человека, вызвавшего смуту, а затем приступил к расспросам, в которых угадывалась тревога: кто он, что сделал? В ответ раздались крики, и разобраться было невозможно. Трибуну эта неразбериха надоела, он велел увести Павла в крепость.

Когда римский отряд ступил на лестницу, ведущую в Антонию, толпа попыталась отбить узника и устроить самосуд. Солдаты телами закрыли арестанта, подняли его над головами и внесли в крепость, закрыв за собой ворота. А за воротами раздался тысячеголосый крик: «Смерть ему!»

Глава XII

ЧЕЛОВЕК В ЦЕПЯХ

Вплотную к северо-западному углу иерусалимского храма примыкает крепость Антония, ее башни — самая высокая достигает тридцати семи метров — и крепостные стены нависают над городским кварталом. Поднявшись на стены, паломники могли видеть казармы, конторы, резиденцию трибуна, внутренние дворы. Каждый день там тренировалась римская когорта, усиленная кавалерией, — всего около тысячи человек. По большей части, как и во всех римских провинциях, управляемых прокураторами, это были вспомогательные войска, которых набирали на месте. Но принимали на службу только неиудеев.

Большая лестница, по которой можно было пройти прямо с крепости на эспланаду храма, задумывалась, само собой, чтобы предотвратить возможные беспорядки. Лучшим тому доказательством послужил возникший в Иерусалиме мятеж.

Трибун Лисий недоумевал: почему из-за этого маленького лысого человека вспыхнули такие волнения? В какой-то момент он решил, что имеет дело с тем самым иудеем из Египта, который, объявив о наступлении Царства Божиего, поднял против римлян тысячи зелотов^[34], непримиримых противников завоевателей. Никто не знал, что стало с этим самозванцем после подавления мятежа зелотов, поэтому, едва возникали беспорядки, проходил слух, что этот человек появился вновь.

Когда Павел предстал перед Лисием, то обратился к римлянину по-гречески:

— Можно ли мне сказать тебе нечто?

— Ты знаешь греческий? — удивился трибун.

Павел подтвердил это и, назвав себя, еще больше встревожил Лисия необычной просьбой: «...я Иудеянин, Тарсянин, гражданин небезызвестного Киликийского города; прошу тебя, позволь мне говорить к народу» (Деян 21:39).

Трибун согласился — ворота крепости распахнули. Это была потрясающая картина: узник в цепях, гордо выпрямившись, обратился к разъяренной толпе, ненависть которой едва сдерживали римские legionеры. От изумления собравшиеся замолкли. «...Сделалось глубокое молчание», — пишет Лука.

И Павел заговорил: «Мужи братья и отцы! выслушайте теперь мое оправдание... я Иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сем городе...»

Павел говорил долго: рассказал о жизни, об истории своего духовного прозрения и своего призвания, о встрече с воскресшим Христом по дороге в Дамаск. А потом заговорил о своем возвращении в Иерусалим: «Когда же я возвратился в Иерусалим и молился в храме, пришел я в исступление, и увидел Его, и Он сказал мне: поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства о Мне. Я сказал: Господи! им известно, что я верующих в Тебя заключал в темницы и бил в синагогах, и когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убийство его и стерег одежды побивавших его. И Он сказал мне: иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам».

Но дальше Павлу говорить не дали. Его прервали, осыпая проклятиями: «...а за сим подняли крик, говоря: истреби от земли такого! ибо ему не должно жить» (Деян 21:40, 22:1, 3, 17-22).

Раздосадованный трибун приказал прекратить все это. По его приказу Павла снова водворили в крепость. И вот они остались вдвоем, окруженные со всех сторон

влажными каменными стенами. Трибун, то ли из снисхождения, то ли по недоверию, решил разобраться до конца. Он во что бы то ни стало хотел вырвать у этого человека его тайну. Прежде чем удалиться, Лисий приказал наказать смутьяна: подвергнуть его бичеванию, которое почти всегда предшествовало допросу подозрительного лица. Приказ исполнили мгновенно: с узника сорвали одежду, привязали ремнями, и легионер уже схватился за рукоять бича, когда Павел с обычным спокойствием обратился к дежурившему центуриону: «Разве вам позволено бичевать римского гражданина, да и без суда?»

Центурион тут же остановил руку солдата, уже поднявшего бич, и бросился к трибуну: «Смотри, что ты хочешь делать? этот человек — Римский гражданин» (Деян 22:26).

Римский гражданин! Трибун тотчас же осознал, как он рискует. Такая ошибка могла стоить ему продвижения по службе! Лисий отправился к узнику.

— Скажи мне, ты римский гражданин?

— Да.

— Я за большие деньги приобрел это гражданство.

— А я и родился в нем.

Ни о каком бичевании речи уже идти не могло. Но ночь Павел провел в темнице, в крепости.

Судя по всему, трибуну в эту ночь не спалось. Он не мог по собственной инициативе отпустить на свободу человека, вызвавшего ненависть народа, но не мог он и оставить его в заточении без суда. Раз этот человек был иудеем, почему бы не отдать его во власть тех, кто сможет с ним разобраться? Почему бы не передать его синедриону?

Синедрион, высшая судебная и религиозная инстанция Иудеи, заседал в те времена за пределами храмовой стены, рядом с башней Ирода. В этом был

очевидный расчет римлян. В случае необходимости они легко могли проникнуть на место заседания.

С Павла сняли цепи. Его привели и поставили перед синедрионом: семьдесят один человек, гордый своим правом толковать Тору. Первосвященник Анания к тому времени занимал свою должность уже десять лет и пользовался искренним уважением.

Задержанному сказали, что он сам должен выступить в свою защиту. Лука пишет, что Павел стоял, «устремив взор на синедрион». Картина впечатляет. Мы видим безоружного человека перед собранием, где каждый хотел его смерти, и этот человек силой своего взгляда удерживал противников. Павел заговорил, возвысив голос: «Мужи братия! Я всею доброю совестью жил пред Богом до сего дня».

Но тут Анания прервал его: этот человек солгал! По обычаю его следует ударить по губам. Анания приказал, и приказ его собирались выполнить. Но Павел силой голоса заставил отступить подошедшего к нему человека. Слова апостола прозвучали громом: «Бог будет бить тебя, стена подбеленная! ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня».

Из рядов потрясенного синедриона раздались возгласы возмущения: «Первосвященника Божия поносишь?»

Голос Павла смягчился: «Я не знал, братия, что он первосвященник; ибо написано: “начальствующего в народе твоём не злословь”».

Синедрион несколько успокоился: по крайней мере, этот человек знает Священное Писание. Однако на разных скамьях реакция была разной. Собрание было разделено на саддукеев и фарисеев. Павел это заметил сразу же, как только вошел. «Ибо саддукеи, — констатирует Лука, — говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа; а фарисеи признают и то и другое» (Деян 23:1, 3–5, 8).

Павлу представилась возможность воспользоваться этими разногласиями: «Мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят».

«Сделался большой крик», — резюмирует Лука. Саддукеи были возмущены, но фарисеи дали им отпор: «Ничего худого мы не находим в этом человеке; если же дух или Ангел говорил ему, не будем противиться Богу» (Деян 23:6, 9).

Обе стороны готовы были стоять насмерть в своем убеждении, что должно было еще больше растревожить трибуна Лисия. Что станет с его пленником среди этих раздоров? Трибун отдал приказ, и Павла немедленно выволокли из зала заседаний. Я так и слышу раздосадованный голос Лисия:

— Ведите его обратно в крепость!

Заседание синедриона описано со всеми подробностями. Смог бы Лука так описать его, не будучи очевидцем? Возникает и еще один вопрос: мог ли командир римского гарнизона своей властью собрать синедрион? И как возможно, что Павел не узнал первосвященника, который председательствовал в синедрионе? И как согласился первосвященник на присутствие трибуна во время допроса задержанного? Есть немало сомнений, что не мешает всей этой сцене, начиная с диалогов, выглядеть вполне правдоподобно.

Слухи о произошедшем на заседании синедриона распространились мгновенно, подогревая гнев иудействующих. Сорок человек собрались на рассвете и поклялись предать смерти Павла, иудея-предателя. Они принесли клятву: «не есть и не пить, доколе не убьют Павла». Выработанная ими тактика была стара как мир: поймать Павла, увести в надежное место, а там убить. Однако заговорщики проявили достаточную изобретательность. Несколько человек из этих «защитников закона» обратились к синедриону, члены

которого еще пребывали в растерянности после случившегося, с настойчивой просьбой потребовать у Клавдия Лисия снова привести заключенного на суд: ведь трибун доверил синедриону суд над отступником, а вызывающее поведение узника помешало собранию довести свою задачу до конца. Первосвященникам идея понравилась. Трибун не мог отказать привести узника снова на суд. Для иудействующих судьба Павла была предрешена.

Но они ошиблись. В этой истории, изобилующей неожиданными поворотами, появляется некий юноша, о котором мы вскользь упоминали лишь на первых страницах нашей книги: племянник Павла, проживающий в Иерусалиме. Каким же образом он узнал о заговоре? Точно известно лишь то, что ему удалось проникнуть в крепость и предупредить дядю. Павел отреагировал моментально. Он попросил одного из центурионов отвести юношу к трибуну, поскольку у племянника есть для военачальника важные сведения.

По тону заключенного центурион понял, что спорить не стоит, и проводил молодого человека к Лисию. Племянник разъяснил: «Иудеи согласились просить тебя, чтобы ты завтра вывел Павла пред синедрион, как будто они хотят точнее исследовать дело о нем. Но ты не слушай их; ибо его подстерегают более сорока человек из них, которые заклились не есть и не пить, доколе не убьют его; и они теперь готовы, ожидая твоего распоряжения» (Деян 23:20–21).

Лисий оказался человеком действия. Сославшись на угрозу безопасности Римской империи, он решил перевезти Павла в Кесарию и отдать его в руки прокуратора Иудеи, которому принадлежала высшая судебная власть в провинции. Призвав двух центурионов, Лисий отдал им приказ: «Приготовьте мне воинов пеших двести, конных семьдесят и стрелков двести, чтобы с третьего часа ночи шли в Кесарию.

Приготовьте также ослов, чтобы, посадив Павла, препроводить его к правителю Феликсу» (Деян 23:23-24).

Такой внушительный эскорт, в который трудно поверить, вероятно, объясняется тем, что при необходимости следовало рассеять сорок заговорщиков. Лисий написал письмо прокуратору Феликсу, в котором изложил обстоятельства дела. Он также выписал Павлу *elogium* — подорожный документ, который на пути в Кесарию следовало предъявлять представителю римских властей.

Ехал Павел всю ночь. На рассвете, когда была пройдена половина пути от Иерусалима до Кесарии, они сделали остановку в Антипатриде, еще одном городе, заложенном Иродом Великим. Тут Павел смог передохнуть несколько часов.

Поскольку опасность миновала, большую часть эскорта отправили обратно в Иерусалим, и до Кесарии апостола сопровождал лишь отряд всадников.

В IV веке до н. э. царь Сидона основал небольшой порт, вокруг которого образовалось поселение, названное Башней Страбона. В 63 году до н. э. Помпей даровал ему самостоятельность, а через семь лет император Август подарил его Ироду Великому, который начал там строительство, также великое. Был сооружен мол, прикрывавший портовую гавань глубиной в двадцать сажений, «просторнее Пирейского порта», где суда даже в самый сильный шторм находились в безопасности. Строительство города закончилось через двенадцать лет. Царский дворец был построен из белого мрамора. Ирод сделал город столицей своего царства и в честь кесаря Августа назвал его Кесария. Современников восхищал блеск столицы Ирода.

Когда Павел, по-прежнему в оковах, вступил в Кесарию, царский дворец был уже превращен в

официальную резиденцию римских прокураторов Иудеи. Нынешнего прокуратора звали Антоний Феликс.

Вольноотпущенник императора Клавдия, брат того самого Палланта, который способствовал возвышению Агриппины и Нерона, Феликс описан Тацитом одной краской: «отличавшийся жестокостью и сластолюбием, раб на троне»^[35]. Прокуратором Иудеи он стал в 53 году по протекции бывшего первосвященника Ионафана. Жестокость Феликса в отношении местного населения неоднократно становилась причиной серьезных волнений. Его единственным подвигом стал разгром невероятной «армии» zelотов, собранной в пустыне тем самым «иудеем из Египта», с которым Анания, по странному стечению обстоятельств, перепутал Павла. Этот «иудей из Египта» объявил себя чем-то вроде нового Иосии, который разрушит укрепления Иерусалима. Прокуратор убил четыреста его сторонников, еще двести взял в плен и тотчас продал в рабство. Другие бежали в пустыню со скоростью, достойной олимпийцев.

Тацит обвинял прокуратора и в разбоях ради обогащения. Он нанимал сикариев, наемных убийц, вооруженных маленькими кинжалами *sica*. Такие кинжалы ввели в моду иллирийские пираты, дешево их продававшие. Светоний описывает Феликса как «супруга трех цариц»: первая ничем не прославилась, вторая была внучкой Антония и Клеопатры, третья — юная и прекрасная Друзилла — была дочерью Ирода Агриппы I и сестрой Агриппы II. Прокуратор похитил ее у первого мужа, царя Эмесы, с помощью мага Симона. Нисколько не обеспокоившись наличием законного мужа, Феликс тут же женился на похищенной Друзилле.

Когда апостол, прибыв в Кесарию, встретился с прокуратором и протянул ему свои документы, наверное, Феликс проглядывал их без особой радости: и зачем Лисий навесил на него это дело? Но прокуратор

был вынужден признать, что трибун иначе поступить не мог. Павлу же Феликс сказал:

— Я выслушаю тебя, когда появятся твои обвинители.

Слова Феликса доказывают, что он понял: Павел необыкновенный человек. Феликс приказал содержать узника в собственном дворце, в кандалах, но оставил ему свободу передвижения внутри дворца. Многие из соратников апостола последовали за ним в Кесарию и устроились в городе.

Через пять дней прибыла и делегация иудеев из Иерусалима во главе с первосвященником Ананией. С ними был некий адвокат, ритор Тертулл. Можно предположить, что во время слушания дела было разрешено присутствовать и ученикам апостола, потому что Лука и на этот раз описывает происходящее как профессиональный репортер. Тертулл первым «открыл огонь», нарочито игнорируя Павла и обращаясь только к Феликсу: «...всегда и везде со всякою благодарностью признаём мы, что тебе, достопочтенный Феликс, обязаны мы многим миром, и твоему попечению благоустроением сего народа. Но, чтобы много не утруждать тебя, прошу тебя выслушать нас кратко, со свойственным тебе снисхождением. Найдя сего человека язвою общества, возбудителем мятежа между Иудеями, живущими по вселенной, и представителем Назорейской ереси, который отважился даже осквернить храм, мы взяли его и хотели судить его по нашему закону... Ты можешь сам, разобрав, узнать от него о всем том, в чем мы обвиняем его» (Деян 24:3–6, 8).

Заметим, что здесь единственный раз в Новом Завете христиан именуют назореями, как и Иисуса.

Все явившиеся на суд иудеи единодушно подтвердили, что именно в этом и обвиняется Павел. По знаку прокуратора взял слово и сам Павел. Задача перед

ним стояла нелегкая. Как и Тертулл, Павел обращался только к Феликсу: «Зная, что ты многие годы справедливо судишь народ сей, я тем свободнее буду защищать мое дело. Ты можешь узнать, что не более двенадцати дней тому, как я пришел в Иерусалим для поклонения. И ни в святилище, ни в синагогах, ни по городу они не находили меня с кем-либо спорящим или производящим народное возмущение, и не могут доказать того, в чем теперь обвиняют меня. Но в том признаюсь тебе, что по учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу отцов моих, веруя всему, написанному в законе и пророках, имея надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают. Посему и сам подвигаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми. После многих лет я пришел, чтобы доставить милостыню народу моему и приношения. При сем нашли меня, очистившегося в храме не с народом и не с шумом. Это были некоторые Асийские Иудеи, которым надлежало бы предстать пред тебя и обвинять меня, если что имеют против меня. Или пусть сии самые скажут, какую нашли они во мне неправду, когда я стоял перед синедрионом, разве только то одно слово, которое громко произнес я, стоя между ними, что за учение о воскресении мертвых я ныне судим вами» (Деян 24:10-21).

Павел закончил говорить. Но удалось ли ему убедить Феликса? И снова начались речи: то в защиту, то против Павла. Из всего этого прокуратор понял: перед ним христианин, и имеющий вес. Феликс решил, что дело затягивается, и положил конец спорам, заявив представителям иудеев: «Рассмотрю ваше дело, когда приедет тысяченачальник Лисий». Он отдал центурионам приказ отвести Павла в дворцовую тюрьму, но хотя апостола и оставили в оковах, заточение не было

жестоким. И ученики Павла могли заботиться об учителе.

Века и пески поглотили Кесарию. Остатки построенного Иродом мола постепенно растаяли под напором морских волн. В 1946 году были начаты археологические раскопки, которые продолжились после создания государства Израиль. То, что представляется сегодня нашему взору, это наложение слоев прошлого один на другой: укрепления, возведенные Людовиком Святым во время Крестового похода, чередуются со стенами времен Ирода; остатки христианского собора опираются на фундамент, заложенный при Ироде; вдоль руин римского ипподрома тянется византийская улица. В 1961 году во время раскопок римского театра была обнаружена надпись, гласившая, что здание посвящено императору Тиберию префектом Понтием Пилатом: это самый старый эпиграфический документ, где упоминается Пилат.

Эта земля в окаймлении моря и неба, в блеске ослепительного солнечного света дышит какой-то особой жаждой жизни, идущей из глубины веков. Но красота окружающего мира никогда не может компенсировать отсутствие свободы. Монотонность этого заключения прерывалась лишь изредка. Вскоре после отбытия иерусалимской делегации Феликс потребовал Павла в свои покои, где апостол впервые увидел красавицу Друзиллу. Она была еврейкой и, похоже, о христианах не знала ничего. Вполне понятно, что ей захотелось расспросить одного из них о новой, такой скандальной, вере. Ничего удивительного нет и в том, что влюбленный в нее Феликс противоречить не стал. И уж совсем не удивляет то, что Павел охотно ответил на расспросы Друзиллы, шла ли речь о справедливости, о смирении инстинктов или о суде Божиим, ожидающем каждого человека. Феликс и

Друзилла сначала заинтересовались, но потом помрачнели. Совсем не понравились им разговоры о воздержании, и Феликс решительно прекратил беседу: «Теперь пойдя, а когда найду время, позову тебя» (Деян 24:25).

Может, Феликса терзала мысль о собственной вине? Во время противостояния Павла и его обвинителей заходила речь и о пожертвованиях. Мог прокуратор поверить и в то, что Павел утаил часть собранного, или он решил, возможно, что средства приберегли для себя соратники апостола. В таком случае они могли бы «выкупить» узника. Лука пишет: «Притом же надеялся он, что Павел даст ему денег, чтобы отпустил его: посему часто призывал его и беседовал с ним» (Деян 24:26).

Так прошел год. Я представляю, как Павел сначала смирял свое нетерпение. Когда речь шла о проповедовании веры, он всегда действовал по правилу, которому не изменял: дать почувствовать свою силу, но постараться избегать прямого столкновения. Павел, вероятно, надеялся, что настойчивость иерусалимских первосвященников иссякнет. Он так далеко, его держат в цепях, чем он им страшен? Его забудут, а прокуратор вернет ему свободу.

Но все приходящие к Феликсу сведения подтверждали, что ситуация с Павлом по-прежнему беспокоила твердокаменных иудеев из синедриона. Беспокоила она и иудействующих христиан. Наметился невероятный союз между теми иудеями, которые считали Иисуса никем, и теми, кто видел в Нем обещанного Богом Мессию. Те прочные связи, которые раньше сложились между первосвященником и апостолом Иаковом, позволяют нам поверить в такой союз. Это было что-то вроде священной лиги, боровшейся с Павлом, и прокуратор не мог этот факт

игнорировать. Единственное, что он мог сделать — и сделал, — широко открыть двери своего дворца сторонникам апостола, которые приходили в дом Феликса, как в свой собственный.

Говорят, что надежда дает жизнь, но иногда надежда и убивает. В течение второго года заточения мы можем представить, как Павел, уже не имея сил ждать, взывал к Господу и приходил в ярость, не получая ответа. На протяжении жизни Павла часто посещали видения, но ни в Деяниях, ни в посланиях нет упоминания о видениях в этот период его жизни.

На берегу моря, красота которого теперь оскорбляла его, мучаясь среди беломраморных колонн дворца Ирода, мечтая, наверное, о силе Самсона, чтобы сокрушить эти колонны, Павел, буквально взбешенный, бродил по залам, обвиняя всех и каждого, собственных учеников, правоверных иудеев, и еще более — иудействующих христиан. Он находил утешение лишь в синагоге, куда его, вероятно, отпускали и где он в рыданиях молил о Слове Божиим.

Не облегчали его страданий ни работа над следующими посланиями, адресованными созданным им церквям, — без этого он обойтись не мог, ни визиты последователей, приезжавших порой издалека — из Македонии или Асии. Гнет Феликса все тяжелее давил на Палестину. В своих «Древностях» Иосиф Флавий разоблачил как дурное управление прокуратора, так и его антисемитизм. Иерусалимские власти засыпали Рим, где у них были сильные рычаги влияния, жалобами. Феликс перешел все границы дозволенного и сильно рисковал. Хотя Паллант в Риме практически потерял доверие власть имущих, ему все-таки удалось спасти жизнь брату, однако в 59 или 60 году — точная дата неизвестна — Феликса заменили Порцием Фестом.

Всего лишь через три дня после своего приезда в провинцию новый прокуратор явился в Иерусалим. Первосвященники и знатные люди тут же кинулись к прокуратору, чтобы раскрыть ему глаза на невероятное снисхождение, которое Феликс проявлял к узнику. Это доказывает: их ненависть к Павлу не притупилась. Они просили Феста, «чтобы он сделал милость, вызвал его в Иерусалим; и злоумышляли убить его на дороге» (Деян 25:3). Фест почуял ловушку и объявил, что место заключения Павла — Кесария и он сам сейчас направляется туда. Он предложил, чтобы иудеи поехали вместе с ним, и «если есть что-нибудь за этим человеком, пусть обвиняют его» (Деян 25:5).

Иудеи поймали прокуратора на слове, и несколько человек отправились в Кесарию. На следующий день после своего прибытия новый прокуратор приказал привести к нему Павла. Лука живо описывает, как «стали кругом пришедшие из Иерусалима Иудеи», осыпая Павла обвинениями, но не в силах эти обвинения обосновать. Павел, оставаясь внешне совершенно спокойным, защищал себя теми же словами, что и раньше: «Я не сделал никакого преступления ни против закона Иудейского, ни против храма, ни против кесаря».

Последовал вопрос Феста: «Хочешь ли идти в Иерусалим, чтобы я там судил тебя в этом?» Павел моментально почувствовал подвох: «Я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму. Иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь. Ибо, если я неправ и сделал что-нибудь, достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нет, в чем сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им. Требую суда кесарева».

Неожиданная развязка! Мы ничего не знаем о том, какие споры развернулись после этого заявления, но, думаю, споры были жаркие. Когда совет успокоился,

прокуратор вынес решение: «Ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься» (Деян 25:8—12).

Экзегеты подвергали сомнению рассказ о суде в том виде, в каком нам его представил Лука. Они утверждают, что обращение к кесарю, то есть к императору, очень редко приводило к какому-нибудь результату. Если бы к нему прибегали постоянно, римские суды захлебнулись бы от потока разбирательств. Но такое обращение было признанным правом, а такие законы, как *Lex Valeria*, *Lex Porcia* или *Lex Julia*, гарантировали право римских граждан. Разве сам Феликс не отправил в Рим разбойника Елеазара, чтобы его судили там? То, что Лука делает все, чтобы возвеличить Павла, вовсе не свидетельствует, что описанное им не было реально: узник мог потребовать обращения к императору и получал право на это обращение.

Через какое-то время иудейский король Агриппа II появился в Кесарии, где намеревался остаться вместе со своей сестрой Береникой. Вскоре Береника встретила там Тита, сына императора Веспасиана, и страсть, которая бросила их в объятия друг друга, сделала их имена бессмертными. Фест изложил царю дело Павла и сообщил о принятом им решении. Агриппа пожелал выслушать столь необычного узника. На следующий день Агриппа и Береника «пришли с великою пышностью и вошли в судебную палату с тысяченачальниками и знатнейшими гражданами», куда привели и Павла. Царь потребовал, чтобы узник рассказал ему о себе. Эта речь Тарсянина, довольно длинная, также известна нам в изложении Луки. Не удивительно, что начал Павел с рассказа о своем апостольском служении среди язычников и своем призыве, «чтобы они покались и обратились к Богу, делая дела, достойные покаяния» (Деян 26:20). И

дальше Павел продолжил: «За это схватили меня Иудеи в храме и покушались растерзать. Но, получив помощь от Бога, я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет, то есть что Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам».

Этих слов Фест уже вынести не смог. Он возвысил голос: «Безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия».

Но Павел говорил не для Феста. Он обратился к Агриппе: «Ибо знает об этом царь, перед которым и говорю смело. Я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь из сего скрыто; ибо это не в углу происходило. Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь».

Агриппа предпочел отшутиться: «Ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином».

Павел разгорячился: «Молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз».

Этим слушание закончилось, и Агриппа не скрыл от Феста, что Павел убедил его в своей невиновности: «Этот человек ничего, достойного смерти или уз, не делает... можно было бы освободить этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря» (Деян 26:21-24, 26-29, 31-32).

Павла было решено отправить к императору.

Лето 60 года подходило к концу, и вот-вот должен был вступить в силу запрет на навигацию. Фест решил действовать быстро. Он воспользовался судном, отправлявшимся из Адрамития, одного из портов Малой Азии, в Ликию. Очень важно: в рассказе Луки снова появляется то самое слово *мы*. Вплоть до прибытия в Рим Лука остается очевидцем событий. Рассказ

евангелиста о путешествии содержит столько точных подробностей о навигации древних, что сам адмирал Нельсон, прекрасно знавший Средиземноморье, станет потом утверждать, что по изложению Луки учился морскому делу.

Павел, по-прежнему в оковах, взошел на борт корабля, где оказался в толпе других заключенных, которых по неизвестным нам причинам также перевозили в Рим. Охрана узников состояла из римских солдат. Командовал ими центурион по имени Юлии из когорты Августа. Аристарх, македонянин из Фессалоники, и, конечно, Лука получили дозволение сопровождать учителя.

Первую остановку судно сделало в Сидонс, сегодня это город Сайда на побережье Ливана. Юлий разрешил Павлу сойти на землю и встретиться с сидонскими христианами. Эта встреча принесла апостолу радость. Когда корабль взял курс на Кипр, ветры заставили судно обходить остров с запада. С враждебными ветрами пришлось бороться на всем пути вдоль побережья Киликии и Памфилии. Чтобы добраться до порта Миры, конечной цели корабля, понадобилось две недели.

Что же было делать центуриону с порученными ему узниками? К счастью, в порт вошел корабль, шедший в Италию из Александрии; возможно, это было судно, перевозившее пшеницу, которой Египет кормил Рим и Италию. Судно, на которое сели Юлий и узники, вероятно, было водоизмещением в пятьсот тонн и при попутном ветре могло достигать скорости в шесть морских миль в час (около одиннадцати километров). Всего на судне оказалось двести семьдесят шесть человек: команда, пассажиры, заключенные, солдаты.

По-прежнему дули неблагоприятные ветры: «Медленно плавая многие дни и едва поровнявшись с Книдом... мы подплыли к Криту при Салмоне» (Деян 27:7). Было принято решение идти к юту Пелопоннеса в

направлении северного берега Крита. Обойдя мыс Салмон на восточной оконечности острова, корабль пошел вдоль южного берега Крита и около города Ласеи нашел приют в месте, именуемом сегодня Кали Лимене. Тех, в чьем воображении живут образы из Деяний апостолов и кто пытается найти эту гавань, ждет жестокое разочарование: ныне эти берега заняты огромными цистернами с нефтью.

Путешественники значительно отставали от намеченного в Кесарии графика путешествия. Учитывая плохую погоду, было опасно не подчиниться общему правилу — *mare clausum*^[36], которое запрещало навигацию. Пошли споры между теми, кто хотел продолжить плавание, и теми, кто считал благоразумным задержаться до середины марта. К изумлению команды и пассажиров, Павел вмешался в спор: «Мужи! я вижу, что плавание будет с затруднениями и с большим вредом не только для груза и корабля, но и для нашей жизни» (Деян 27:10).

Предупреждение Павла имело под собой очень веские основания! Во Втором послании к коринфянам Павел вспоминает о трех кораблекрушениях, в которых едва выжил, но ни время, ни место этих событий мы установить не в состоянии. Во время одного из этих крушений он был вынужден «плыть ночь и день над бездной». Капитан, похоже, склонялся к высказанному благоразумному мнению, а также и судовой приказчик, представлявший судовладельца: вспомним, что на корабле был богатый груз пшеницы. Сочтя, что гавань не Подходит для зимовки, а это соответствовало действительности, большинству показалось разумным поискать новое место для стоянки. Было решено пойти в Феникс, на юге Крита. Там рассчитывали провести зиму, укрывшись от самых опасных, северных, ветров.

Корабль поднял якорь и пустился в плавание.

Легкий южный бриз надувал паруса, наполняя радостью сердца оптимистов. Но все изменилось, когда судно вышло в открытое море. Поднялся ураганный ветер, который моряки называли эвроклидон. Корабль со страшной силой потащило на юг. Противостоять ветру было невозможно, удалось лишь спустить парус. «Мы носились, отдавшись волнам», — пишет Лука. Так продолжалось до тех пор, пока судно не занесло к крохотному скалистому острову Клавда в сорока километрах к югу от Крита. По другую сторону острова ветер несколько ослаб. Этим воспользовались, чтобы затащить на борт привязанную к корме лодку, которую едва не оторвало под напором волн. Другая часть команды стала обвязывать корпус судна канатами, чтобы уберечь его от ударов волн, которые, не переставая, били по деревянной обшивке.

Едва они отошли от острова, как неистовый ветер снова поволок корабль на юг. Неужели их уносило к Африке? «На другой день, — пишет Лука, — по причине сильного обуревания, начали выбрасывать груз, а на третий мы своими руками побросали с корабля вещи» (Деян 27:18-19). Можно догадаться, что судно превратилось в обломок, носившийся по морю. Это длилось четырнадцать дней и четырнадцать ночей: «не видно было ни солнца, ни звезд». Борясь с невзгодами, люди могли есть только то, что попадало под руку.

Но вдруг на палубе, куда обрушивались гигантские волны, выпрямился во весь рост Павел. Представим, как он, перекрикивая грохот бури, воззвал: «Теперь же убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль. Ибо Ангел Бога, Которому принадлежу я и Которому служу, явился мне в эту ночь и сказал: “не бойся, Павел! тебе должно предстать пред кесаря, и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою”. Посему ободритесь, мужи, ибо я

верю Богу, что будет так, как мне сказано» (Деян 27:22-25).

Шла уже четырнадцатая ночь, а судно все носило по морю. Ориентироваться по звездам было невозможно из-за затянутого тучами неба. Сбудется ли пророчество? «...Около полуночи корабельщики стали догадываться, что приближаются к какой-то земле, и, вымерив глубину, нашли двадцать сажен; потом на небольшом расстоянии, вымерив опять, нашли пятнадцать сажен. Опасаясь, чтобы не попасть на каменистые места, бросили с кормы четыре якоря и ожидали дня».

С первыми лучами рассвета солдаты Юлия обнаружили, что корабельщики спустили лодку в море с явным намерением бежать с корабля. Павел, к мнению которого теперь все прислушивались, потребовал, чтобы центурион и его солдаты воспрепятствовали бегству: «Если они не останутся на корабле, то вы не можете спастись» (Деян 27:27-29, 31).

Солдаты бросились к морякам, оттеснили их и приняли радикальное решение: перерезали канат, и лодка быстро исчезла из виду.

Разбитое судно, метавшееся по прихоти волн и течения, дрейфовало между надеждой и отчаянием. И снова взял слово Павел: «Сегодня четырнадцатый день, как вы, в ожидании, остаетесь без пищи, не вкушая ничего. Потому прошу вас принять пищу: это послужит к сохранению вашей жизни; ибо ни у кого из вас не пропадет волос с головы. Сказав это и взяв хлеб, он возблагодарил Бога перед всеми и, разломив, начал есть. Тогда все ободрились и также приняли пищу... Насытившись же пищею, стали облегчать корабль, выкидывая пшеницу в море» (Деян 27:33-36, 38). Несчастный судовой приказчик!

Уже совсем рассвело. Они увидели землю, которую даже самые опытные моряки узнать не смогли. Увидели

и залив, за которым угадывался песчаный берег. Капитан решил выбросить судно на берег. Якоря оставили в море, отвязали кормовые весла, служившие рулем, подняли маленький парус на носу и взяли курс на песчаный берег. Но до него не добрались: от сильнейшего удара корпус судна затрещал, и корабль сел на песчаную отмель. Нос глубоко увяз в песке. Под ударами волн корма разбилась. Оставалось или прыгать в воду, или гибнуть под обломками корабля. Встал вопрос о том, что делать с узниками, и солдаты разъярились: убить их всех! или они выплывут и сбегут!

Но Юлий, прислушиваясь к зловещему треску судна, решил иначе. Он приказал тем, кто умеет плавать, нырять в море и плыть к берегу. Другим оставалось лишь цепляться за обломки корабля. «И таким образом все спаслись на землю» (Деян 27:44). Из двухсот семидесяти шести человек не погиб ни один.

Остров, который никто не узнал, был Мальтой. Судно, таким образом, отправившись с Крита, проплыло около четырехсот семидесяти миль (восемьсот семьдесят километров). Мальтийцы приняли переживших кораблекрушение очень тепло. Жители прибрежной деревни бросились в воду и помогли людям выплыть. Но тут начался холодный дождь. Мальтийцы принесли дров и устроили большой костер, чтобы потерпевшие крушение могли обогреться. Подбирая хворост, Павел не заметил, что вокруг его руки обвилась гадюка. Увидев ее, он спокойно стряхнул змею в огонь, и она не успела его укусить. Это потрясло язычников-мальтийцев, раздались возгласы: это бог!

Вскоре на берегу появился некто Публий, которого в Деяниях именуют «начальником острова». Мальта принадлежала римлянам и входила в состав Сицилийской провинции. Публий, очевидно, был управляющим, назначенным претором; во всяком случае,

надписи свидетельствуют о том, что существовала «Первая из мальтийских муниципий». Публий был тронут судьбой несчастных и отвел их в свое поместье, где они смогли высушить одежду и восстановить силы. В течение трех дней все оставались у Публия.

Трудно сказать, где же потом устроились все эти люди. Может, в Гроте Святого Павла, который до сих пор показывают туристам? Ведь команде, узникам и стражам пришлось ждать три месяца до наступления весны. До сих пор, в XXI веке, Мальта не забывает о святом Павле. Место, где, по преданию, потерпел крушение корабль и где люди выбрались из волн на сушу, называется Залив Святого Павла, а по дороге к нему туристы встречают множество церквей, часовен и статуй святого.

Кто же нашел судно, куда можно было погрузить двести семьдесят шесть человек? Вероятно, центурион Юлий, хотя Лука, странное дело, больше не упоминает его имени. Юлий словно растаял на горизонте хроники, впрочем, вместе со всеми римскими солдатами и узниками. Но пусть читатель не беспокоится: есть несколько версий Нового Завета, неотъемлемой частью которого являются Деяния апостолов. Есть «антиохийская», «александрийская» и так называемая «западная» редакции. Так вот, в последней как раз появляется потерянный из виду центурион. Он даже сопровождает Павла до Рима, где передает его «префекту претории».

Когда в начале марта 61 года Павел ступил на корабль, плывший под знаком Диоскуров, то есть Кастора и Полидевка, ему исполнилось пятьдесят три года. Корабль этот был приписан к порту Александрии, это было судно-зерновоз, которое, видимо, из-за поломки или из-за неожиданной задержки осталось зимовать на Мальте и не доставило вовремя груз в

Италию. Представьте себе корабль, груженный свыше всякой разумной меры пшеницей и людьми, который рассекает волны, плывя в сторону Сицилии.

Чтобы добраться до Сиракуз — шестьдесят морских миль, — понадобилось не более суток. Там судно встало на рейд на три дня. В это время на Сицилии цвели травы и деревья, воздух был легкий, полон ароматов, а на агоре и у ворот театра клубилась толпа. Радовал ли взор Павла этот «прекраснейший из греческих городов», вызывавший восторг Цицерона? Скорее, его интерес вызвала христианская община Сиракуз, созданная одним из сподвижников Петра и отличавшаяся завидной жизненной силой.

Корабль снова вышел в море и отправился вдоль побережья, чтобы добраться до юго-западной оконечности Италии — города Регия, ныне Реджо ди Калабрия. Неподалеку от этих мест, севернее, по легендам моряков, находились знаменитые водовороты между Сциллой и Харибдой, которые утаскивали попадавшие в воронку суда. В Регии пробыли лишь один день. На завтра судно вошло в Неаполитанский залив. Вспомнились ли Павлу «Георгики», которые Вергилий слагал на этих берегах?

Подгоняемые попутным южным ветром путешественники проплыли менее чем за два дня триста пятьдесят километров, отделявших их от Путеол, ныне Поццуоли. Современники Павла расхваливали этот порт, где были «самые большие склады Рима и Италии, откуда шли корабли в Египет и на Восток». Каждый год там выгружали двести тысяч тонн зерна, в основном из Египта. Город отличался еще большим космополитизмом, чем другие в Средиземноморье, и издавна принимал все народы Востока, среди которых было немало евреев. Иноземцы учредили в городе свои конторы и принесли туда своих богов. К удивлению Павла, в Путеолах действовала небольшая христианская

община. Лука пишет, что они нашли там братьев «и были упрощены пробыть у них семь дней» (Деян 28:14). При раскопках в ПUTEОЛАХ среди граффити, нарисованных на стенах, было обнаружено изображение Распятого.

Итак, воспользовавшись тем, что центурион позволил узникам отдохнуть, Павел остался на несколько дней в окружении братьев во Христе. После этого заключенные и охранники отправились пешком в Рим, в Вечный город, который Павел так хотел увидеть, когда за три года до нынешних событий писал Послание к римлянам, в которое вложил всего себя.

Следовать за Павлом по дорогам, вместе с толпой в кандалах, нам поможет Гораций. Отправляясь в Бриндизи, Гораций клеймил позором «изворотливых трактирщиков» с Аппиевой дороги. На пути ему пришлось столкнуться с их грубостью и с постелями, кишющими насекомыми. Притом, заметьте, речь шла о знатном и обеспеченном путнике. Подумать страшно, каково приходилось в дороге заключенным.

Итак, Павел двигался в Рим под охраной и в цепях. Как не вспомнить о его Послании к Филимону, где уже угадывается его тяжкий стон: «...я, Павел старец...» (Флм 1:9). Где времена, когда он уверенно шагал навстречу тем, кому собирался проповедовать? Тогда он чувствовал себя способным преодолеть любое препятствие, воздвигнутое хоть сатаной, хоть человеком. Три года раньше он был уверен, что сможет принести римлянам истинный свет и победить в схватке с иудействующими, которые повсюду чинили ему препятствия. Как же он оказался на этой дороге, едва переставляя ноги?

Чтобы дойти до Рима через Капую, надо преодолеть двести пятьдесят километров. Как всегда, пешком. Мы точно знаем, каким маршрутом шел Павел. Сначала по *Via Сатрапа*, затем, после Капуи, по Аппиевой дороге,

построенной в 312 году по инициативе цензора Аппия Клавдия и вызвавшей энтузиазм — или иронию? — Тита Ливия: «Имя Аппия будет прославлено грядущими поколениями, потому что он построил дорогу».

Не все выглядело зловещим во время этого вынужденного путешествия: весна покрыла цветами деревья, пели птицы, воздух благоухал. У Павла было достаточно времени, чтобы считать знаменитые миллиарии — столбы, которыми отмечалась каждая римская миля: огромные каменные цилиндры, каждый около двух метров высотой и весом более двух тонн. Какой путник не считал эти миллиарии? Сначала для того, чтобы знать, сколько уже позади, а потом, чтобы прикинуть, сколько еще предстоит пройти.

По мосту, именуемому Тирренским — Цицерон упоминает его в одном из своих писем, — Аппиева дорога проходит через реку Гарильяно. Вдоль ее берегов тянулся город Минтурны, от которого остались форум, акведук, термы, театр. Под бдительным оком центуриона колонна прошла через Формии, где был убит Цицерон, затем через Итри.

Павел шагал дальше.

После Фунди Аппиева дорога шла вдоль большого озера. Огромные каменные блоки защищали ее от неожиданных капризов водной глади. Когда дорога поднялась на холм Анксур, где над городом Таррацина возвышался знаменитый храм, посвященный Юпитеру, Павел, наверное, думал о том, как бы перевести дыхание, а не вспоминал о богах Олимпа.

Далее узники двинулись по берегу залива Гаэта. Сколько же еще миллиариев им осталось до Рима? Добравшись до Нация, каждый с ужасом вспомнил, что придется пересечь Понтинские болота, где вьются мириады комаров. До того как Август приказал прорыть там канал, болота были почти непроходимыми. С этого момента путники могли передвигаться на баржах,

влекомых мулами. Так, должно быть, переправлялись через болота и Павел с товарищами, которым представилась возможность немного отдохнуть.

В городе Форум Аппии навстречу колонне вышли какие-то неизвестные люди. Они представились как посланцы римской церкви. Этот эпизод, рассказанный Лукой, стал объектом критики экзегетов: откуда эти римские христиане узнали о прибытии узника? Почему в его честь они прошли шестьдесят пять километров от Рима до Форума и столько же обратно? Ответу этим неверующим очень просто: а почему нет? В сорока девяти километрах от Рима появилась еще одна группа встречавших: «Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился» (Деян 28:15).

После Альбано вымощенная огромными плитами дорога стала шире, до четырех метров. Павел, страдавший от жажды, смог ее утолить благодаря фонтанчикам, воздвигнутым по обе стороны дороги. Что же касается прекрасных мраморных статуй, которые обрамляли дорогу, то, полагаю, от их наготы Павел отводил взгляд.

Через Порта Капена, недалеко от большого цирка и императорских дворцов, Павел из Тарса, в оковах, вместе с другими узниками, вошел в Рим.

Глава XIII

ПАВЕЛ И НЕРОН

И тут на исторической сцене появляется Луций Домиций Агенобарб, ставший после усыновления императором Тиберием Клавдием Нероном, которого мы и будем далее именовать Нероном. Ему только что исполнилось двадцать лет. Позднее Светоний оставит для потомков его портрет: среднего роста, «голубые глаза, толстая шея, заметный живот и тонкие ноги». «Цвет лица от природы красный», — писал Лукиан Самосатский. Волосы, с точки зрения льстецов, золотые, с точки зрения прочих, рыжеватые.

Неспособный разобраться в собственных амбициях, этот молодой человек и сам не знал, следует ли ему стремиться к мировому могуществу или добиваться лавров величайшего артиста своего времени. Он еще не стал одним из самых ненавистных персонажей истории. Но это не за горами.

Павел брел, прихрамывая, в толпе узников и не задавался этим вопросом. Его крестный путь близился к завершению. Он чувствовал себя таким старым!

Другие узники во все глаза разглядывали семь холмов Рима. Отсюда с того времени, как волчица вскормила Ромула и Рема, пошла римская слава. Но Павел озира́л окружающие его чудеса печальным и невнимательным взором. С тех пор как пала Республика, *Urbs*^[37] пережил глубокие изменения. Агриппа, получивший от Августа приказ заниматься строительством, создал множество фонтанов, построил первые термы, воздвиг Пантеон. Над Палатинским холмом вознесся храм Аполлона. На Марсовом поле высились Алтарь мира (*Ara pads augustae*) и мавзолей

Августа, прославлявшие величие первого императора. Чтобы завоевать расположение знатных граждан и плебса, выстроили театр и библиотеку. Когда Август взошел на престол, город был каменным и кирпичным. Своим наследникам он оставил мраморный Рим.

Что поражало более всего? Эти великолепные памятники терялись, окруженные каким-то безумным лабиринтом — беспорядочной путаницей узких извилистых улочек, проложенных словно без всякого плана. Скорость, с какой распространялся пожар 64 года, обусловлена прежде всего — это подтверждает и Тацит — скученностью домов.

В городе стражники удвоили бдительность. Нет ничего проще для узника, как сбежать в толчее этих улиц: повозки, носилки, паланкины, всадники и пешие, и этот поток не иссякает весь день, а шум не стихает никогда, даже с наступлением ночи.

А старый человек в оковах все шел и твердил сам себе: спать, спать, спать.

Как же обстояло дело с иудеями в Риме? Филон Александрийский пишет, что в I веке они обосновались за Тибром, в квартале, известном своей грязью, — в Трастевере. Среди кожевенных мастерских и боев одетые в лохмотья бедняки занимались всякой мелкой торговлей: «торговцы вразнос или продавцы спичек, — так утверждает знаток эпохи Шарль Перро, — нищие или уличные гадалки, вроде тех женщин, что толкуют сны и учат своих детей клянчить милостыню в подходящих местах, шарлатаны или мелкие мошенники». Очень немногим удавалось выбраться из нищеты и покинуть трущобы: они становились ткачами или школьными учителями, был даже один поэт по имени Менофил, которого, впрочем, Марциал обвинил в краже своих стихов.

Большинство иудеев были людьми свободными. «Их привезли в Италию как военнопленных, — объясняет Филон Александрийский, — затем хозяева их освободили, не заставляя изменять своим обычаям». Иосиф Флавий объясняет, почему было так много свободных иудеев: тех, кого привозили в Рим как рабов, выкупали их свободные соплеменники. Среди состоятельных людей иудеев нет, хотя и говорили, что Поппея, супруга Нерона, им симпатизировала, а Фульвия, жена одного сенатора, разделяла их взгляды. Овидий насмехался над такими женщинами, которые любят собираться, чтобы отметить субботу. Исследования подтверждают, что римские евреи были в большинстве своем обделены и в финансовом, и в культурном отношении.

Центурион знал, куда вести пленных: все двигались к императорскому форуму, точнее, к штабу преторианской гвардии. Все указывает на то, что дело Павла было внимательно рассмотрено префектом преторианцев, которому было поручено заниматься иностранцами. Римское гражданство Павла позволяло ему избежать заключения в городскую тюрьму, чего любой с полным основанием страшился. «Когда же пришли мы в Рим, то сотник передал узников военачальнику, а Павлу позволено было жить особо с воином, стерегущим его», — пишет Лука (Деян 28:16). Может быть, особое положение объясняется тем, что он был узником, потребовавшим суда императора. Но даже избежав заключения в тюрьму, Павел не освободился от цепей. Больше их с него не снимут до конца жизни.

В Риме Павел пробыл в заключении два года. Возникает вопрос: не предпринял ли он путешествие в Испанию? Допускающие такую возможность ссылаются на Послание к римлянам, где Павел пишет, что после посещения Рима он намеревается отправиться в Испанию, чтобы там благовествовать. Но вряд ли он мог

туда попасть, оставаясь в оковах, а так дело и обстояло. Другие указывают на Климента Римского, который писал, что Павел проповедовал «вплоть до границ запада». Не идет ли речь об Испании? Такого рода предположения не выдерживают критики. Можно ли допустить, что римские власти, которые с момента ареста Павла в Кесарии предприняли так много, чтобы он оставался их узником, позволили ему отправиться проповедовать в Испанию? Представьте себе Павла, постоянно сопровождаемого стражником, но снабженного разрешением префекта сесть на корабль, отплывающий в Испанию. Затем, выполнив свою задачу, Павел по своей воле возвращается в Рим, чтобы быть казненным. Совершенно неправдоподобно.

Единственным источником, проливающим немного света на загадку, остаются уже упоминавшиеся апокрифические «Деяния Павла». В них упоминается, что у Павла в Риме было особое место пребывания: «амбар, где вместе с братьями учил он слову Истины».

Часто удивлялись, что Павел счел необходимым сначала обратиться к римским иудеям, а не к христианам. Но так он поступал с самого начала своей проповеднической деятельности. Почему сейчас он должен был изменить своему правилу? Через три дня, обретя пристанище, он позвал туда «знатнейших из иудеев». Следует внимательно прочесть довольно необычную речь, с которой он к ним обратился: «Мужи братия! не сделав ничего против народа или отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан в руки Римлян. Они, судив меня, хотели освободить, потому что нет во мне никакой вины, достойной смерти; но так как Иудеи противоречили, то я принужден был потребовать суда у кесаря, впрочем не с тем, чтобы обвинить в чем-либо мой народ. По этой причине я и призвал вас, чтобы увидаться и поговорить с вами, ибо за надежду Израилеву обложен я этими узами».

Ответ иудеев совершенно однозначен: «Мы ни писем не получали о тебе из Иудеи, ни из приходящих братьев никто не известил о тебе и не сказал чего-либо худого. Впрочем, желательно нам слышать от тебя, как ты мыслишь; ибо известно нам, что об этом учении везде спорят» (Деян 28:17-22).

Павел еще не раз будет встречаться с теми, кто ему близок. Ему так хотелось убедить этих иудеев в своей правоте! Он чувствовал себя таким же, как они! Их молитвы были и его молитвами, их любовь к Богу была и его любовью! Поймут ли они когда-нибудь, что Бог иудеев достиг вершин сострадания к своему народу, послав ему собственного Сына? Если они сделают это, иудаизм завоюет весь мир. «И он от утра до вечера излагал им учение о Царствии Божием, приводя свидетельства и удостоверяя их о Иисусе из закона Моисеева и пророков. Одни убеждались словами его, а другие не верили. Будучи же не согласны между собою, они уходили...» (Деян 28:23-25).

Последний ответ Павла пронзает душу. Когда посетители его покидали, он произнес вслед слова пророка Исаии: «Пойди к народу сему и скажи: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите. Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули...» (Деян 28:26-27).

Мы столько раз обращались к Луке, чтобы узнать о судьбе Павла, что и эти, последние строки о нем примем с благодарностью: «И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех, приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно» (Деян 28:30-31).

И ни слова более.

Огромный знак вопроса — вот что оставляет нам Лука. Объяснения, приводимые для того, чтобы оправдать молчание хрониста о дальнейшей судьбе

апостола, отличаются редкой наивностью: Лука не стал продолжать, потому что книга оказалась слишком длинной, у него кончился пергамент. Некоторые утверждают, что конец Деяний апостолов потерян, но и это лишено смысла, поскольку мы знаем, как бережно сохраняли христиане того времени писания первых лет апостольской эры. Полагают, что Лука вернулся на Восток, а потому ничего не знал об обстоятельствах смерти Павла. Можно ли в это поверить? Известие о кончине Павла, то есть о событии, которое в глазах Луки было значительнее всего остального в мире, должно было долететь до него через бесчисленных путников, сновавших по Средиземноморью, а также благодаря обмену письмами, связывавшему Восток и Запад.

Остается лишь одно объяснение, которое мы не вправе исключить. Выдвигающие его напоминают, что план Деяний апостолов, заранее намеченный, как было принято в то время, читается в первой главе. Лука пишет о том, как апостолы обратились к воскресшему Христу: «...не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю?» И он отвечает: «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян 1:6–8).

Составители экуменического перевода Библии сочли нужным растолковать эти строки: «От Иерусалима и от иудеев всего мира и до язычников — таким должно было быть *пространство* апостольского свидетельства и таков замысел Деяний». Действительно, Лука проводит своего героя от Иерусалима до Антиохии, из Малой Азии в Грецию и, наконец, до самого Рима. Как только Павел достигает Рима, конец пути, начертанного Лукой, достигнут.

С точки зрения Луки, его труд завершен.

В течение 62 года до Рима доходит весть, способная вселить уныние и ужас в души христианского населения: Иаков, брат Христа, умер в Иерусалиме, его побили камнями по приказу первосвященника Анана.

Я представляю, как скорбь Павла подпитывалась сильными, но противоречивыми чувствами: почтением к исключительному человеку, в жилах которого текла та же кровь, что и у Иисуса, и горькой досадой, которую мы не имеем права ставить ему в упрек. Если принять во внимание те тесные связи, которые поддерживал Иаков с первосвященниками и синедрионом, как такое могло случиться? Иосиф Флавий дает ясное и убедительное разъяснение: в основе всего лежала смерть в Иерусалиме прокуратора Феста. Как только об этом сообщили Нерону, он назначил на эту должность Альбина. Поскольку путешествовали тогда медленно, прошло несколько месяцев с кончины Феста и до прибытия в Иудею Альбина. Ав это время Агриппа II, царь Иудеи и Переи, оказался перед необходимостью назначить нового первосвященника. Он выбрал Анана, которого Иосиф Флавий характеризует как человека «крутого и весьма беспокойного характера», а также и как сторонника учения саддукеев, которые «отличались в судах особой жестокостью». Анан счел необходимым положить конец заблуждениям первосвященников-фарисеев, поддерживавших теплые отношения с Иаковом. Для Анана брат Иисуса был предателем иудейской веры. А предатели должны получить то, что заслуживают: смерть.

Известно, что римские прокураторы никогда не позволяли отступать от давно объявленного запрета: иудеи не имеют права приводить в исполнение смертные приговоры. Но на этот раз сложилось роковое стечение обстоятельств: в Иудее не было прокуратора, чтобы напомнить об этом. Снова обратимся к Иосифу

Флавию: «Анан полагал, что вследствие смерти Феста и неприбытия пока еще Альбина наступил удобный момент (для удовлетворения его суровости). Поэтому он собрал синедрион и представил ему Иакова, брата Иисуса, именуемого Христом, равно как и нескольких других лиц, обвинил их в нарушении законов и приговорил к побитию камнями».

Чего не мог предвидеть первосвященник, так это всеобщих волнений, которые вызвала смерть Иакова, не только среди иудеев, обратившихся в христианство, но также и среди тех, кто придерживался закона Моисеева. «...Все усерднейшие и лучшие законоведы, бывшие [тогда] в городе, отнеслись к этому постановлению неприязненно. Они тайно послали к царю с просьбой запретить Анану подобное в будущем и указали на то, что и теперь он поступил неправильно. Некоторые из них даже выехали навстречу Альбину, ехавшему из Александрии, и объяснили ему, что Анан не имел права без его разрешения созывать синедрион. Альбин разделил их мнение на этот счет и написал Анану гневное письмо с угрозой наказать его. Ввиду этого царь Агриппа лишил Анана первосвященства уже три месяца спустя после его назначения и поставил на его место Иисуса, сына Дамнея».

Получается, что апостольское служение Павла разворачивалось между двумя казнями: от побивания камнями Стефана до побивания камнями Иакова.

Чтобы восстановить отрезок жизненного пути Павла, не описанный Лукой, обратимся к тексту, возникновение которого относят к 80-м годам. Он принадлежит Клименту Римскому, преемнику Петра, которого считают римским папой, и носит название «Письмо римской церкви коринфской церкви»: «Преследуемый завистью и враждой, Павел показал, какова цена терпения: семь раз его заковывали в кандалы, его изгоняли и побивали камнями, он же возвещал Господа на востоке и западе и

за веру свою удостоился блистательной славы. Он проповедовал по всему миру вплоть до границ запада и свидетельствовал перед властями (другой перевод: «и был подвергнут пыткам перед правителями»), и так он покинул мир, чтобы достичь святого места, и стал для нас прославленным примером терпения».

Когда читаешь Климента, не сомневаешься в том, что Павел умер в Риме. Во всяком случае, во всех раннехристианских памятниках нет свидетельства, которое бы этому противоречило. Но подтверждения пришлось ждать еще более ста лет. Между 200 и 213 годами Тертуллиан Карфагенский, основатель теологии на латинском языке, описал мученичество Петра и Павла в Риме в эпоху Нерона, когда Петр был, вслед за Иисусом, распят, а Павел, как и Иоанн Креститель, обезглавлен. В 313 году Евсевий Кесарийский подтвердит: «Рассказывают, что в царствование Нерона Павлу отрубили голову прямо в Риме и что там же был распят Петр, и рассказ этот подтверждается тем, что до наших времен кладбище этого города называют именем Петра и Павла» (Церковная история II, XXV, 5).

И ничего больше о его кончине неизвестно? Вернемся к «Деяниям Павла». Комментаторы считают, что автор соединил бытовавшие местные предания о Павле и его соратниках. В «Деяниях Павла» подробно рассказывается о кончине апостола.

Автор уточняет, что Павел встречался с верующими и с любопытствующими в амбаре. Место автор указал не случайно: в императорском Риме амбаров не было, но в предместьях их было предостаточно. Там слонялись всякого рода бродяги, достояние которых заключалось «в охапке сена». Ювенал видел в этих бродягах лишь «шарлатанов и уличных гадалщиков». Это позволяет нам задаться вопросом: может, римские власти видели в Павле некоего маргинала? А последователей, приходивших к нему, сочли подозрительными. Светоний

подчеркивает, что при Нероне вызывали неприязнь люди, которые собирались вместе для обсуждения философских или религиозных проблем. Некоторые политики, замечает Тацит, были обвинены властями на том основании, что они увлекались философией. Даже стоиков подозревали в общении с демонами.

Когда Павла привели к Нерону, может, император поверил, что перед ним человек, который служит царю, «низвергающему все троны», а потому угрожает и императорской власти? Но Павел якобы сказал заблуждающемуся императору:

— О мужи, пребывающие ныне в неведении и заблуждении, одумайтесь и спасены будете от огня, что на весь мир грядет. Ведь сражаемся мы не за земного, как вам мнится, царя, а за небесного. Он Бог живой, грядущий как судия в сей мир из-за беззаконий, что в нем творятся. Блажен, кто уверует в Него, и вовеки жив будет, когда придет Он с огнем, дабы сей мир очистить.

Именно эти слова, которые Нерона взбесили, привели Павла к смерти. Здесь уже прослеживается традиция, укрепившаяся затем в христианской церкви: Павел был казнен по закону, признававшему его римское гражданство, — «через меч». Евсевий Кесарийский относит казнь Павла к промежутку между июлем 67-го и июнем 68 года. Современные исследователи полагают, что наиболее вероятное время казни — дни накануне пожара в Риме.

Самый знаменитый в истории человечества пожар вспыхнул в ночь с 18 на 19 июля 64 года. Огонь распространялся с Палатинского холма, начиная с квартала, где лавочники складывали товары и где было много горючих материалов. Ветер тотчас же раздул огонь. Деревянные конструкции находившегося рядом большого цирка и многочисленные жилые дома, тоже деревянные, легко превратили занявшийся очаг пожара

в океан пламени. Пылало и рушилось все — частные владения, дома в несколько этажей, общественные здания. Тацит рассказывает, что мощь, с которой распространялся пожар, мешала семи тысячам пожарных и спасателей действовать. Он описывает, как «раздавались крики перепуганных женщин, дряхлых стариков, беспомощных детей; и те, кто думал лишь о себе, и те, кто заботился о других, таща на себе немощных или поджидая их, когда они отставали, — одни медлительностью, другие торопливостью увеличивали всеобщее смятение. И нередко случалось, что на оглядывавшихся назад пламя обрушивалось с боков и спереди».

Подозрение о причине пожара было мрачным: якобы Нерон, уже не в силах сдерживать подступавшее безумие и убежденный, что Рим следует отстроить заново, захотел начать все с чистого листа и велел поджечь город. Светоний рассказывает, что император, едва прибыв со своей виллы в Акции, а это три-четыре часа пути верхом, бросился на башню Мецената и даже не пытался скрыть своей радости. «В восторге от прекрасного зрелища пожара, в лучшем своем театральном костюме», Нерон принялся декламировать стихи о падении Трои. Сегодня исследователи не верят в то, что Рим был подожжен намеренно: ущерб, нанесенный пожаром, превратил императора в одну из главных жертв катастрофы, уничтожив коллекцию произведений искусства, страсть всей жизни Нерона, сгоревшую вместе с его дворцом.

Рим горел шесть дней и семь ночей. Едва потухли последние угли, как народ стал открыто обвинять Нерона, ибо, как пишет Тацит, ни средствами человеческими, ни щедротами принцепса, ни обращением за содействием к божествам невозможно было пресечь бесчестящую его молву, что пожар был устроен по его приказанию. Люди требовали отмщения.

Император решил опередить их и приказал Тигеллину, префекту преторианцев, найти виновных. Ответ последовал незамедлительно: Рим подожгли христиане. Этот эпизод известен нам не столько по свидетельствам античных авторов, сколько по произведению Сенкевича «Камо грядеши», известнейшему роману, неоднократно экранизированному. Тацит пишет о массовых арестах христиан и о безжалостном решении выставить напоказ их страдания. Он рассказывает, как несчастных, зашитых в шкуры животных, бросали на растерзание голодным псам, а Нерон со своей беговой колесницы требовал, чтобы народ приветствовал его. Людей распинали на крестах в садах Ватикана и, доходя до немыслимой жестокости, покрывали искупительные жертвы горючими маслами и поджигали, превращая в живые светильники.

Если допустить, что Павлу удалось спастись от пожара, поскольку он вынужденно пребывал за пределами столицы, и что казнен он был позднее, вряд ли можно считать его смерть следствием этих гонений на христиан. Все указывает на то, что апостол был обвинен как «сеявший смуту» — тогда такое определение использовали часто. Если состоялся обычный суд, а этого мы не знаем, приговор мог быть вынесен на основании так называемого императорского закона об оскорблении чести величества, который Нерон возобновил в 62 году.

Заслуживающая уважения традиция связывает мученичество Павла с мученичеством Петра. Якобы они были казнены в одно и то же время или с промежутком в несколько дней: Павел обезглавлен, а Петр распят и по его просьбе — из смирения — распят вниз головой.

Невозможно без волнения читать строки, которые каждый раз повторяли древние христиане в годовщину смерти Павла: «И повернувшись к востоку, воздел Павел руки свои к небу и помолился усердно. И на еврейском с

Отцом в молитве поговорив, склонил он шею свою, ничего не промолвив больше».

В те времена существовала традиция хоронить казненного недалеко от места казни, но если родственники или друзья просили тело, им в этом не отказывали. Со II века бытовало предание, согласно которому Павел был казнен в предместье Рима, в Аквас Сальвиас, по дороге на Остию. В XIX веке в ходе археологических раскопок там было обнаружено небольшое кладбище. Надписи на некоторых могилах относились к республиканскому периоду Рима, что подтверждало древность захоронений. На то, что именно туда отнесли останки Павла, указывает и письмо римского священника Гая, написанное около 200 года: «Я могу тебе указать, где покоятся останки апостола. Если ты пойдешь в Ватикан или по дороге на Остию, ты найдешь памятный знак основателю этой церкви». Под «памятным знаком» здесь понимается саркофаг с возведенной над ним маленькой часовней.

В IV веке, когда император Константин, приняв христианство, сделал его официальной религией Рима, занялись поисками могилы апостола. Убедились, что она находится там, где гласит предание, и воздвигли на этом месте базилику. Преемники Константина Валентиниан II, Феодосий Великий и Гонорий сочтут своим долгом обустроить и украсить церковь. В окончательном варианте базилика, известная как «базилика трех императоров», достигала ста двадцати метров в длину и шестидесяти в ширину. В течение четырнадцати веков в ней славили апостола Павла.

16 июля 1823 года на крыше церкви работали два плотника и по неосторожности вспыхнул огонь. Пламя охватило базилику, она сгорела — остались лишь обуглившиеся развалины. Тотчас же решили построить новую. Во время строительных работ обнаружили в земле мраморную расколовшуюся плиту, на которой

были высечены три слова: *Paulo apos/olo mari*^[38]. Плита датируется IV веком и приводит нас к императору Константину.

Новая базилика, увы, не столь древняя, но великолепная, насчитывает восемьдесят гранитных и алебастровых колонн, триста разнообразных пород мрамора, витражи из оникса. Ее завершили в 1854 году, теперь это церковь Сан-Паоло-фуори Мура — Святого Павла за городской стеной, куда стекаются все, кто чтит память «апостола наций».

Что удивляет, так это скорое забвение, которое ожидало Павла Тарсянина. В последние годы он был вынужден прекратить проповедничество и не мог с прежней ураганной силой сеять свои мысли, которые многих увлекали, а многих и пугали. Уже при жизни апостола его идеи утратили свою былую действенность. После смерти Павла христианская община в Риме, которой был нанесен жестокий удар, оказалась во власти иных забот. Похоже, победила точка зрения иудействующих. Маленькая группа соратников Павла распалась.

Что же осталось от наследия Павла?

О его учениках, которых мы знаем лучше всего, Тимофее и Тите, никто более не упоминает. Созданные им церкви в Македонии и Галатии пришли в упадок. Общины Коринфа и Эфеса перешли под власть тех, с кем Павел яростно спорил. Вокруг имени Павла не создавалось легенд, в то время как Петр стал персонажем бесчисленных романтических преданий. «Нет легенд о том, кому легенды не пристали», — пишет Эрнст Ренан. Об объективности подобного мнения судите сами.

Приходится признать: рассуждая о событиях, последовавших за смертью Павла, мы продвигаемся на ощупь. Постоянно возникают препятствия: слишком поздние документы, сомнительные тексты. Все, что

сохранилось, представляет собой конечный этап длинного пути передачи материальных свидетельств.

Смешало все следы судьбоносное событие: взятие римлянами Иерусалима. Медленно зревшее восстание евреев против завоевателей охватило всю Иудею. В сентябре 66 года, через два года после смерти Павла, в Иерусалиме восставшие захватили власть. С этого начинается «Иудейская война» Иосифа Флавия, рассказанная с великолепной мощью. Император Веспасиан потратит три года на подавление мятежа сначала в Галилее, потом в Иудее. Вступив на престол, его сын Тит начнет осаду Иерусалима, которая продлится четыре месяца. К лету 70 года останется лишь уничтоженный город, сожженный храм, лес крестов с распятыми. И никаких архивов.

Что же стало с иерусалимскими христианами? Евсевий Кесарийский утверждает, что они покинули город до начала военных действий: «Таким образом, люди праведные полностью покинули еврейскую столицу и всю землю Иудеи». Если верить Иосифу Флавию, все восставшие евреи Сирии, в том числе жители городов, были убиты. Вряд ли римляне поступали неодинаково с евреями, исповедовавшими традиционный иудаизм, и с евреями, перешедшими в христианство. Во время второго восстания в Иудее (132–135), возглавляемого Бар-Кохбой и подавленного столь же жестоко, как и первое, «христиан, и только их, перед смертью подвергали последним мучениям, если они не отрекались и не проклинали имя Христово» (святой Иустин).

Исчезновение в этом регионе последних христианских церквей, которые поддерживали постоянные, хотя и не всегда дружеские отношения с иудеями, отдалило друг от друга две близкие религиозные общины одного происхождения. Более двадцати веков антагонизма, постоянно порождавшего

ненависть, с именем одного Бога на устах! Лишь после самого великого в истории избиения евреев диалог восстановился, причем сначала «шепотом», а потом, благодаря воле некоторых людей, все громче и громче.

Эти трагедии не помешали тому, что к концу I века во многих частях империи появляются рассказы о Христе: в Риме (где их очень мало), Сирии, Палестине, Азии. Ничего не сохранилось в Иерусалиме, на то были понятные причины, и Александрии, а это лишает нас всякой информации о первых шагах христианства в Египте. Поиски и соединение вместе всех Писаний, в том числе Евангелий, были долгими и трудными. Постепенно соратники Павла пришли в себя после нанесенных им ударов, собрали и переписали послания, которые дошли до нас.

Нет сомнения, что в общинах, которым были адресованы послания, их сохранили. Можно признать, что в соответствии с волей самого Павла послания многократно копировались. В 150 году Иустин, автор греческого «Диалога с Трифоном», позднее канонизированный Церковью, полемизируя с иудеями, определил Евангелия, к которым он присоединил и письма Павла, как «воспоминания апостолов». Нет ничего удивительного, что в текстах обнаруживаются вставки и даже слияние нескольких посланий в одно. Так же обстоит дело и с текстами Евангелий. В начале III века Ориген констатировал: «Сегодня очевидно, что в рукописях встречаются значительные расхождения то ли из-за небрежности переписчиков, то ли из-за возмутительной дерзости тех, кто правил текст, а может, и потому, что находятся люди, что по своему усмотрению сокращают или добавляют, сами себе присваивая эти права».

В передаче основополагающих текстов главную роль играла устная память. Вспомним, что первые проповедники были уверены: скоро они вновь увидят

Христа, и это, вполне естественно, препятствовало переложению проповедей на письмо. Ситуация усложняется, когда «коллективная устная память перемещается в пространстве». Обращаясь к существовавшему в древности, и особенно в иудейской древности, способу сохранения текстов — в памяти, самые оптимистично настроенные экзегеты убеждают себя в том, что «устная передача текстов не искажает ни основу, ни форму передаваемого слова».

К трудностям, связанным с точностью текстов, следует добавить и трудности их датировки. Пришлось даже дождаться XX века, чтобы установить хотя бы вероятную, не слишком точную, хронологию.

Современные историки считают, что христианская религия реально оформилась после 70 года, когда сгорел иерусалимский храм и реформаторы-фарисеи, на которых легло бремя религиозной судьбы Израиля, «вытолкнули» христианство за пределы иудаизма. Не подлежит сомнению, что евреи-христиане тяжело пережили этот разрыв и пытались ему противостоять. Если в своих Евангелиях Матфей и Иоанн неоднократно нападают на фарисеев, то у них на то имелись веские причины. Редактирование посланий Павла, забытых на целое поколение, также может считаться одним из свидетельств этого сопротивления. Создав через десять лет после падения Иерусалима Деяния апостолов, Лука активно способствовал возвращению из небытия духовного наследия Павла.

С наступлением эпохи больших церковных соборов, прежде всего Никейского, который сформулировал символы веры (в 381 году Константинопольский собор внесет дополнения), мысль Павла займет надлежащее место. Иногда говорят о «восславлении», но, скорее, речь идет об «отвоевывании». Еще будут эпохи, когда слава Павла окажется в затмении. В IV веке святой

Августин объявит Павла своим учителем, но в Средние века западное христианство будет восхвалять Петра в ущерб Павлу. Церквей ему тогда не посвящали. Рыбак с Тивериадского озера, шагавший по водам, больше привлекал воображение простых людей, чем апостол-философ, доказывавший на греческом, что оправдание возможно верой, но не деяниями. Послания Павла изучали только в некоторых монастырях.

Павел вернулся к христианам в эпоху Возрождения. В цивилизованном обществе, благодаря изобретению Гуттенберга, стали доступны основополагающие церковные тексты, и многим открылись значимость и сила посланий Павла. В 1515 году немецкий клирик, магистр философии в университете Эрфурта, монах августинского монастыря в Виттенберге и профессор Виттенбергского университета занялся углубленным изучением Послания к римлянам с целью его толкования. Его внимание привлекла глава 3: «Ибо мы признаём, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона. Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников, потому что один Бог» (Рим 3:28-30). И далее: «Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем» (Рим 3:31).

Мартин Лютер утвердил как главенствующий теологический принцип спасение через веру: Господь не требует от человека оправдания, но дарует его тому, кто верит в Христа. «Итак запомним, что человек оправдывается без дел закона. Только верою». По поводу наречия «только» были пролиты реки чернил, так как у Павла оно отсутствует. Лютеру понадобились годы сражений, чтобы доказать: добавление слова необходимо для правильного понимания мысли на немецком.

Спустя два года Мартин Лютер ознакомил Виттенберг со своими девятью тезисами. Так

родилась церковная Реформа. Она проводилась под знаком написанного Павлом.

Исходя из тактических соображений, Рим возвысил Павла до уровня Петра, но народным святым он так и не стал. В XVIII веке некоторые начали утверждать, будто истинным основателем христианства был не Христос, а Павел.

Есть ли в этом доля истины?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует не только задуматься об авторе посланий, но и о том, какую роль в становлении христианства сыграли его проповеди. Следует сопоставить иудаизм и христианство. *In fine*^[39] сопоставить Иисуса и Павла. Задача оказалась не из легких для Реймаруса в XVIII веке, Ницше в XIX веке. И в наши дни протестанты либерального толка повторяют тезис о Павле — основателе церкви, но не для того, чтобы восславить его, а для того, чтобы упрекнуть в создании религии, продолжающей Тору, утяжеленной отталкивающими запретами, за то, что Павел подменил Иисуса-человека воссозданным обликом, «в котором нет ничего человеческого». Иудаисты-реформаторы, вспоминая о проклятии Иисуса их предками, считают сегодня Распятого на Голгофе «истинным еврейским пророком, послание которого чудесно вписывается в рамки религии их отцов». Как пишет протестант Этьен Трокме, «если христианство позднее порвало с иудаизмом, так это потому, что Павел эллинизировал религию, лишив ее иудейских корней. Тарсянин — истинный отец этой новой религии, в которой Иисус не смог бы узнать своего учения». Мишель Кенель, директор департамента исследований Парижского католического института, согласен с тем, что «речь Павла построена на философских и теологических представлениях, заимствованных из греческого мира, чуждых историческому проповедничеству Христа и чаще всего отсутствующих в евангельских текстах». Конечно,

в Евангелиях не найдешь таких слов, как «искупление», «оправдание», «совесть», «свобода», но можно ли упрекать Павла за то, что он ввел их в церковный словарь?

Так был ли он основателем христианства?

Едва мы задаем себе этот вопрос, как приходится снова возвращаться к сыну плотника. В памяти нашей возникают названия, которые никогда не упоминал Павел: Назарет, Вифлеем, Капернаум, Иордан, Тивериадское озеро. И образы: рыбаки, их лодки и сети, умножение хлебов, исцеление слепого, воскрешение Лазаря, торговцы в храме, появление перед синедрионом, распятие на кресте. И фразы, которых нет в посланиях Павла: «Да любите друг друга, как я возлюбил вас», «Не судите, да не судимы будете», «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам», «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень», «Придите ко мне труждающиеся и обремененные», «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Знал ли Павел хотя бы то, что Иисус умолял Отца помиловать своих палачей, «ибо они не ведают, что творят»? Знал ли он, что сын Марии показал себя как человек среди людей: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил!» Мы всегда будем перечитывать эти притчи, наполненные овцами и семенами, урожаями и плодами виноградной лозы. Даже если мы вынуждены признать, что религия Иисуса Христа не вполне то же самое, что религия Павла, мы будем смешивать наши слезы со слезами жен на Голгофе.

И разве может у христианства быть иной основатель, чем Иисус Христос?

Мне кажется, я слышу голоса критиков и понимаю их высокомерное снисхождение: «Стоит ли

довольствоваться христианством, основанным только на чувствах? Эти слова, знаки, жесты, что вам так дороги... разве вы отрицаете за другими право развить их смысл? Должен ли был молчать святой Августин?»

Возможно, что Савл, последуй он за Христом в Галилею, так никогда бы и не стал Павлом. Может, и лучше, что он никогда не встречал Христа: он рассказал бы о нем так, как это сделали Марк, Матфей, Лука и Иоанн. Но он не стал бы тогда искать в глубинах собственной души смысл послания, полученного им на дороге в Дамаск, и христиане не считали бы его сегодня одним из столпов Церкви, его мысль не поражала бы философов своей глубиной и оригинальностью и не просвещала бы тех, кто находится в исканиях. И если послания Павла читают во время церковных служб во всех христианских конфессиях, так это потому, что он выполнил миссию, данную ему, по его убеждению, самим Иисусом.

Никто не может отрицать, что Павел распространял не столько слова Иисуса, сколько вводил в сознание идеи, которые у него об этих словах сложились.

Можно не сомневаться в том, что Павлу принадлежала инициатива проповедовать среди язычников и его отвага граничила с героизмом, он обладал упорством, добиваясь задуманного результата. Он без конца подвергал себя опасностям: тюрьма, пытки, насильственная смерть. Паскаль соглашался верить лишь в те истории, «свидетели которых готовы жизнь за свои слова отдать», и Павел как раз из таких свидетелей. Это не мешает ему постоянно противоречить образу традиционного святого: он хочет завоевать толпы, но предается столь серьезным теологическим рассуждениям, что лишь греческие философы и обращенные в христианство иудейские раввины способны постичь их глубину. Он настолько уверен в своей правоте, что один из лучших

комментаторов Павла должен признать, что апостол даже не старается выстроить свое рассуждение: «Он трепещет, он кипит, он думает о тысяче вещей сразу, он расширяет семантику слов» (Amiot, 1959). Желая сразу добраться до главного, он сбивается с пути, «оставляя противника в растерянности, а то и убеждая его». Тем не менее его рассуждения открывают бескрайние перспективы и заставляют говорить о гениальности, а личность подавляет. Его послания остаются единственными в своем роде документами, которые одновременно демонстрируют, по словам Э. Трокме, «внутреннюю волю, впечатляющий мистицизм, многообразный гений». В Послании к римлянам Павел обратился к вечности.

В Деяниях Павел, беседуя с пресвитерами в Милете перед своим последним путешествием в Иерусалим, выступает как пророк, предсказывая собственную смерть. Он обращается к своим последователям с такими за душу берущими словами: «Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас» (Деян 20:31).

Со слезами... может, образ плачущего Павла добавит красок образу беспощадного и нетерпимого апостола, который до сих пор доминирует в иконографии? Художники и иконописцы даже украшали Павла мечом. Чтобы объяснить этот абсурд, считали нужным сослаться на Послание к ефессянам: «И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф 6:17). Впрочем, эти же слова встречаются и у пророка Исаии. Ничто не указывает на то, что Павел старался утвердить в сознании своей паствы беспощадную картину разделения благословенных и проклятых, которую, как мы знаем, нарисовал в «Божественной комедии» Данте. В том же Послании к ефессянам Павел писал, что все люди спасутся во Христе

и, следовательно, одна церковь должна объединить иудеев и христиан.

Павел всегда шел путями духа. Мы видим его, вечного безумца Божьего, проповедующего по всей Азии и Европе о спасении от Того, кто примирит человека с человеком и каждого с самим собой; он разит мечом, когда пишет; он яростен, когда нападают на идеи, которые, Павел в этом уверен, ему преподал Господь. Павел нежен с Филимоном; он в отчаянии, когда пишет галатам; он встревожен, обращаясь к коринфянам. Что бы он ни делал, о чем бы ни думал, он остается человеком.

Пришел черед с ним расстаться на страницах этой книги, и я спрашиваю себя: обращался ли я с Павлом, как подобает? Он иногда раздражал меня, и этого я не скрывал. Он меня разочаровывал, и я это говорил в открытую, не прибегая к иносказаниям. Так ли я должен был писать о нем: не о великом святом, а о великом человеке? Может, мне следовало попытаться подняться на его высоту, а не низводить его до моей слабости?

Чтобы учение Христа стало религией, был необходим Павел. Павел был апостолом всеобщности христианства. Он сказал: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил» (2 Тим 4:7).

Источники МУЧЕНИЧЕСТВО СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Мне показалось разумным представить читателю рассказ о смерти Павла в том виде, в каком мы находим его в «Деяниях Павла». От этого апокрифического текста II века до нас дошли многочисленные фрагменты. Наиболее древние были опубликованы в Оксфорде в 1698 году. Сегодня известно сорок восемь рукописей с отрывками из «Деяний Павла».

Неоднократно подчеркивалась историческая значимость этого текста: в нем собраны сведения, бытовавшие в устной традиции, которые позволяют дополнить образ, сложившийся у христиан сто лет спустя после смерти апостола. Прочитав его, можно понять, почему «Деяния Павла» не были включены в канонические. Наряду со сведениями, которые можно рассматривать как реальные, автор увлекается изложением чудес, и это, вероятно, оттолкнуло тех, кто отбирал тексты. Наилучший пример, конечно, с молоком, что хлынуло из шеи Павла, когда ему отрубили голову, а также смелая параллель — уподобление смерти Павла смерти и воскресению Христа^[40].

МУЧЕНИЧЕСТВО СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

После того как Лука пришел в Рим из Галатии, а Тит из Далмации, ожидали они в городе Павла. Когда же Павел, придя, узрел их, весьма обрадован был и нанял себе он за городом амбар простой, где с этими и другими братьями беседовал о Слове Живом. И стал он

собирать, меж тем, большую паству, и были с помощью Божией обращены им в веру многие души, так что на весь город зазвучал голос проповеди и благовестил его, и пошла молва о нем по всей округе. И доподлинно уже стало известно римскому миру о чудесах и знамениях, и учении великом, равно как и об удивительном благочестии. И даже из дома цезаря случались к нему большие паломничества уверовавших в Господа Иисуса Христа, и возрастали день ото дня великая радость и ликование верных. Да и наставник цезаря до того дружески к нему привязался, узрев в нем божественное знание, что едва способен бывал оторваться от бесед с ним, а уж если сам побеседовать не мог, наслаждался радостью дружеского общения и пользовался его советами непрестанно, посылая ему и получая от него письма. И промыслом Духа Святого проповедь Павла так утвердилась и воссияла, что уже учил он открыто, и многие ему с большой охотой внимали. А поскольку спорил он с языческими философами и побеждал их, к учению его потянулись еще больше. И даже какие-то сочинения Павла читал цезарю его воспитатель и приходил от них в восхищение. Сенат же о нем отнюдь не ведал.

И вот однажды под вечер, когда Павел у себя наверху, споспешествуя вере, проповедовал собравшимся о возвышенном, некий Патрокл, любимец и виночерпий царя, дабы услышать заветы жизни вечной, пришел, скрываясь от взоров, в амбар, где обитал Павел. Приглашен же туда и духовно наставлен был он с товарищами своими, любимцами цезаря, которые [спасаясь] от присущего тому разврата, усердно посещали проповеди Павла. Когда же из-за многолюдства войти к нему он не смог, залез к окну, что повыше, и уселся там кое-как, дабы слово Божие мог лучше слышать. И придя в трепет от проповеди Павла, возжаждал исправиться. Но так как Павел речь

продолжал долго, юношу стало клонить ко сну, и зависть злобного дьявола, скорбя, что пытливый отрок познал любовь слова Божиего и апостольского, принудила юношу слегка вздремнуть, и, упав с окна столь высокого, он дух испустил. Когда об этом сообщили только что вернувшемуся из бань Нерону, который в многолюдном собрании юного любимца к себе потребовал, опечалился царь смертью Патрокла до глубины души и назначил другого вместо него виночерпием, чтобы тот ему чашу подавал.

Павел же, тотчас чрез Духа [Святого] прознав о случившемся, сказал народу:

— Мужи братия, улучил момент злой дух испытать вас. Но Господь Иисус Христос по всегдашнему обыкновению козни его ко славе Своей обратит. Ступайте же наружу и узнаете вы, что юный любимец цезаря упал сверху и лежит теперь уж бездыханный. Подняв его, ко мне сюда принести потрудитесь.

И те, двинувшись поспешным шагом, вскоре принесли мертвого юношу. Меж тем дивились люди, что Павел, никем не будучи извещен, сразу же узнал о случившемся. И сказал тогда Павел им:

— Ныне проявится вера ваша в Господа Иисуса Христа. Ибо настало время, чтоб семя жизни вечной, в добрую землю упав, сторичные всходы дало. Так обратитесь же со всею верою к Господу Богу нашему и давайте помолимся Ему, чтобы в это юное тело возвратилась душа его, и да будет оно живее прежнего.

И когда зарыдали все, склонившись в молитве, возгласил Павел:

— Отроче Патрокл, встань и говори, что повелит тебе Бог!

На сей зов Патрокл тотчас словно ото сна восстал и принялся славить Бога, который явил людям такое могущество. И отослал его Павел с прочими, кои из дома цезаря были, и расходились все, веселясь и обретая

радость в Господе, который исполняет желания боящихся Его и внимает мольбам их.

И вот, когда Нерон, погрузившись в безмерную печаль, оплакивал смерть Патрокла, сказали цезарю приближенные:

— Пусть, государь, великодушие ваше не тяготится скорбью из-за смерти отрока, ибо жив он и стоит у дверей.

Цезарь же, услышав, что Патрокл, которого он только что считал мертвым, жив, содрогнулся в душе и запретил тому входить и показываться на глаза. Однако, уступив настойчивым просьбам друзей, повелел ему войти. И увидев, что тот бодр и свеж и никаких отметин смерти не имеет, изумился и спросил его:

— Впрямь ли ты жив, Патрокл?

Отвечал тот:

— Жив я, цезарь.

Говорит Нерон:

— Кто ж вернул тебе жизнь?

Сердечно радуясь и горя пламенем веры, ему Патрокл отвечает:

— Господь Иисус Христос, царь всех времен.

Нерон, вздрогнув при имени истинного Бога, спросил юношу:

— Значит, дано ему царить в веках и разрушить все царства мира?

Отвечал Патрокл:

— Да, цезарь, разрушит Он все сущие под небом царства, и всё, под небом сущее, покорится Ему, ибо Он царь царей и повелитель повелевающих.

Дал тут ему пощечину Нерон и сказал:

— Так вот, значит, какому царю ты служишь!

И, вскипев, воскликнул Патрокл:

— Да! Ибо Он из мертвых меня поднял.

Тогда Варнава и Юст, и некий Павел, и Арион Каппадокиец, и Фест Галат, которые были в охране

цезаря и постоянно при нем находились, говорят Нерону:

— За что бьешь, цезарь, столь разумного юношу, отвечавшего тебе честно и вразумительно. Ведь и мы служим этому царю непобедимому, Иисусу Христу, Господу нашему.

И когда услышал Нерон, как они единодушно и в один голос называют Иисуса непобедимым царем, отправил он их в тюрьму, ибо тех терзал всего более, кого прежде неумеренно любил. И приказал он разыскивать повсеместно прислужников того великого царя и издал эдикт, чтоб всех воинов Христовых, где бы ни были они найдены, не допрашивая, предавать всякого рода мучительным казням. Оттого-то служители государства и доброхоты, злобой исполненные, великим розыском искали и находили рабов Божиих и приводили в присутствие цезаря.

Среди них и Павел закованным был приведен, влача во имя Христа привычные для себя вериги. Все, вместе с ним скованные, столь к нему были почтительны, что без чьей-либо подсказки легко сумел Нерон понять, кто возглавляет воинство великого царя. И догадавшись, что он вождь и учитель рабов Христовых, обратился так к Павлу:

— Ну, человеке, великого царя раб и мой узник, что это тебе надумалось тайно прийти в царство римлян и у меня сманивать, а тому [царю] вербовать воинов войска моего императорского?

Павел же, исполненный Духа Святого, без смущения и всеми, кто там присутствовать мог, слышимый, отвечал цезарю:

— Не только из твоей берлоги, Нерон, набираем мы воинов, но со всего круга земель. И предписано мне, дабы не отверг я ни единого из всех, кто пожелает служить царю вечности моему. Ибо и впрямь может Владыка Всего рукою щедрой всем и по заслугам

каждому дары обильные раздавать. Коли и тебе надумается в Него уверовать и честно Ему поклониться, помилует тебя Он. И притом не рассчитывай, что богатства земные, величие или слава смогут спасти тебя. Если же Ему покоришься, навеки спасен будешь. Когда же придет Он судить живых и мертвых, испепелит в огне зримый мир, а воинов своих щедро одарит еще до сотворения мира приготовленными и от века сокровенными дарами, кои никогда не истратятся и всякую нужду изгонят.

Услышав это, Нерон исполнился гнева, а поскольку сказал Павел, что зримому миру надлежит быть в огне развеваяну, велел он всех воинов Христовых в огне спалить, Павла же по совету сената якобы за оскорбление величества лишить, согласно римским законам, головы. И поручил он Лонгину и Мегисту, префектам, а также Акесту, центуриону, дабы, выведя Павла из города и устроив народу из его казни зрелище, поспешили б они его обезглавить. Павел же беспрестанно слово спасения им проповедовал.

И спешно разослал Нерон, дьяволом подстрекаемый, по всему городу и царству служителей и писцов, дабы те со всем усердием выявляли тайных христиан и заодно с явными истребляли. И было тогда такое множество христиан перебито, что народ римский бесстрашно во дворец ворвался, готовый поднять восстание против цезаря, крича:

— Положи, цезарь, предел правлению незаконному! уйми ярость безумную! Хватит лютости, всякую меру жестокосердия превзошедшей. Ведь наши люди те, кого губишь, государство римское на них держится. Изводишь ты, цезарь, римскую доблесть, которая на страх всему миру множество великих воинов воспитала.

Тогда Нерон, уstraшенный воплями народа, издал другой эдикт, дабы никто не смел христиан трогать и какой-либо вред им чинить, пока о тщательнейшей

проверке обвинений каждого цезарю доложено не будет.

Потому-то Павел вновь предстал пред глазами его. Нерон же, едва лишь Павла увидел, завопил оглушительно:

— Уберите, уберите злодея! Обезглавьте обманщика! Не оставляйте в живых чародея! Сокрушите умов исступителя! Сотрите с лица земли повредителя рассудков!

Молвил ему Павел:

— Не так уж долго, Нерон, предстоит мне мучиться, зато всегда жив буду у Бога моего и царя вечного Господа Иисуса Христа, который придет судить круг земли в испепеляющем огне. Говорит тогда Нерон Лонгину, Мегисту и Акесту:

— Снимите скорей с него голову, и коли он льстит себя надеждой на жизнь вечную, пусть считает меня царем непобедимым, ибо я заковал его и сразил насмерть.

И воскликнул Павел:

— Знай, Нерон, мне после усечения головы предстоит вечно жить у царя моего непобедимого, ты же, хоть ныне и мнишь себя победителем, побежден будешь. Когда голову мне снесут, живым явлюсь тебе, и поймешь тогда, что жизнь и смерть подвластны Господу моему Иисусу Христу, Которому принадлежит всякое царство, и даст Он его кому пожелает, и всякая победа — от Него, и кого хочет победить, с великим триумфом побеждает, и только Сам Он царь вовеки непобедимый.

И с теми словами уведен был Павел на казнь.

А когда вели его, говорят ему Лонгин, Мегист и Акест:

— Скажи нам, Павел, где ж тот царь и где являлся он вам, и как узнали вы его, и что хорошего он дал или обещал дать вам, дабы вы, христиане, так горячо его любили и ни при каких условиях не хотели б религии

нашей принять и жить, наслаждаясь радостями этой жизни, но, словно к прелестнейшей утехе, стремились бы мученически умереть за него? Великое нам в том видится заблуждение: веселье и самая жизнь ненавидя, жаждать всем сердцем казни и смерти.

Ответствовал Павел:

— О мужи рассудительные, здравого смысла исполненные, оставьте потемки невежества и заблуждений, туманом которых омрачена ясность рассудка вашего, отчего истину, в вас сокрытую, узреть не можете, и обратите очи разума к вечному и истинному свету, дабы могли вы сперва самих себя познать и уж затем с радостью приступить к познанию царя того, а также спастись от огня, коим охвачен будет мир, и невредимыми остаться. Мы же отнюдь не какому-нибудь земному, как считаете вы, царю служим, но Богу Живому, Царю небес и всех веков, который придет как судия и станет чрез огонь судить этот мир за происходящие в нем беззакония. Счастлив будет всяк, уверовавший в него, ибо обретет жизнь вечную и жив будет во веки веков. И несчастен тот, и несчастнее его нет, кто, презрев щедроты милосердия и великодушия Его, не обратится к Нему, ибо сгинет навеки. Потому-то и сошел с небес на землю Тот, кто небо и землю сотворил, и для того создан человек Тем, кто создал его, дабы, оставив беззакония свои, отвернувшись от бессловесных и бесполезных статуй, которым он так нечестиво вместо Бога поклоняется, служил бы Тому, кто создал его, перед кем трепещут ангелы и кому все силы небесные поклоняются. Когда же свершится сие, сделает Бог того истинного молителя и почитателя Своего ровней и товарищем ангелов Своих — духов, как известно, святых и блаженных. И не случайно, ибо дух есть Бог, и того, кто в духе и истине Ему поклоняется и Его почитает, сделает Он сотоварищем святых духов; того же, кто уверовать в Него откажется, оставит на

вечную погибель и муку огненную сообщником и соучастником гнусных демонов; в тот огонь неугасимый бросит Он отступника, в тот самый огонь грядущий, в коем Бог судить станет мир.

И потому, мужи разумные, рассудите-ка собственной головой; кто мир создал, ведь не без творца же он возник! Подумайте, кто человека создал, ведь, как свидетельствуют святые пророчества, не сам он себя создал! Остерегитесь, ибо пустые статуи не Бога, но людей творенье и демонов, в этих статуях спрятанных. И хотя показаться может, будто в сердечном согласии они пребывают, ибо и впрямь все как один жаждут погибели рода людского, однако ж враждуют они меж собой непрестанно. «Ибо нет мира для нечестивых», — речет Господь. Причина же, почему они людей погубить стремятся и тем товарищей себе в мучениях обрести, та, что знают они: будут допущены люди милостью Божией в обитель небесную, которой из-за собственной гордости они лишились. Уразумейте, мужи любезные, что имя Божества на многие отнюдь не делится, ибо один Бог, от которого всё, и один Господь Иисус Христос, чрез которого всё, и один Дух Святой, в коем совокупность всего существует, и повинуется Ему все воистину истинное, и нет разделения в Божестве, ибо не имеет Оно множественности.

Оглянитесь, граждане римские, откуда раздор пошел и вокруг чего так долго, скрытно и злобно разгорался, и почему такое множество не божественно-величавых, но жалких и уродливых кумиров явилось. А потому, разумеется, что многие возжелали стать принцепсами, тиранами и господами не над пороками своими, но над людьми, себе подобными; и тогда пучиной невежества поглощенный и в бездну гордыни своей низринутый, собственного могущества своего ради, всяк присмотрел себе, а не то и выдумал бога. Не

зря же говорится: «Страх первородный в мире создал богов».

До такого безрассудства дошли жалкие люди, что богами себе поставили людей наиничтожнейших и подражают им, дабы лютой смерти избегнуть. А поскольку никто из них о Боге и понятия иметь не хотел, предоставлены были они своим похотям, дабы такие дела делать, за которые законы римские наказуют с проклятием. И исполнилось в них то, о чем сказано словами священными: «Да уподобятся им те, — речено, — кто делает их». Сотворив же себе богов жалких, люди сами жалкими стали и до такого безумства дошли, что древесному пню говорят: «ты бог наш», а камню — «помоги нам» и молятся оструганному бревну, греясь пламенем его стружек.

И вскричала в ответ большая толпа слушавших Павла:

— Заблуждались мы и грешили, поступали мы нечестиво! О учитель истины и спасения, указующий путь к жизни вечной, смилуйся над нами, дабы, избавившись от сетей греха, могли б избегнуть огня мы, в коем сгорит мир и мучим будет всяк неверный и недостойный.

Ответствовал тогда Павел:

— О мужи братия, чьих сердец Бог духом Своим коснулся, будьте стойки в вере, ибо придут слуги вечного спасения, коими вы крещены будете, и, возлюбив крепко Господа нашего Иисуса Христа, спасены будете навеки.

Лонгин же и Мегист с Акестом, тихо посовещавшись, сказали апостолу:

— Просим тебя, господине, вели записать нас в воинство царя вечного, дабы могли мы грядущего огня избежать и сопричастными стать царству бесконечному. Освобождаем тебя мы и, куда б ты направиться ни

соизволил, всюду будем спутниками тебе и послушны останемся до самой смерти.

Говорит им Павел:

— Братья мои, не отступник я, но верный воин царя моего. И знай я даже, что умру и смертью этой славы и жизни вечной отнюдь не достигну, и тогда б не только все сделал, о чем просите, но сам бы на том настоял. Теперь же не напрасно терплю и не впустую вынес многие страсти, ибо ждет меня венец справедливости, коим наградит меня Тот, в кого уверовал я и благодаря кому стою непоколебимо, ведь к Нему шествую и вместе с Ним явлюсь во славе Его и Отца и ангелов святых судить круг земель. И потому эту смерть презираю, а просьбу вашу, дабы скрылся я, отвергаю и не исполню.

Они же, рыдая, сказали ему:

— Что же делать нам? Казнив тебя, как дальше жить будем и как тогда прийти сможем к Тому, в кого уверовать нас побуждаешь?

И пока они так меж собой под крики толпы говорили, прислал Нерон Парфения некоего и Фериту, дабы те посмотрели, казнен ли Павел. И придя, нашли они, что доселе жив он и давно уже пред толпами речь держит. Подозвав их к себе, молвил Павел:

— Мужи, уверуйте в Бога Живого, который и меня, и всех верящих в Него из мертвых поднимет.

Но сказали они в ответ:

— К цезарю прежде пойдем мы с докладом, когда же исполнено будет то, зачем посланы мы, и когда ты умрешь и воскреснешь, тогда мы поверим царю твоему. Ты же оставь промедленья, с помощью коих приказ нарушаешь, ступай в судное место и да подвергнешься там справедливо назначенной казни.

Павел же говорил им:

— Коли хотите уверовать, в промедлении моем сами нуждаетесь больше, нежели я, грядущий через смерть к

жизни. Впрочем, поспешим же, веселясь, во имя Господа нашего Иисуса Христа.

[...]

Меж тем Лонгин, Мегист и Акест, настойчиво моля о спасении своем и допытываясь, как же смогут они достичь жизни вечной, услышали в ответ от блаженного апостола:

— Братья и дети мои, сразу, как только буду я обезглавлен, а вы вместе с прочими вершителями казни моей покинете место, в коем Господь меня призвать к себе соизволит, унесут тело мое и похоронят верные люди. Вы же приметьте место погребения моего и завтра, едва светать начнет, идите туда и найдете там двух мужей молящихся — Тита и Луку, коим расскажете, зачем я прислал вас; и дадут они вам знак спасения Господня. Исполните без колебаний, что велено вам, и, уверовав, тотчас в священном источнике крещены будете и приобщитесь животворящих тайн Божиих, и очищены будете от всяких уз греховных, и станете белее снега, и будете в ряды воинов Христовых зачислены, и унаследуете Царствие Небесное.

И с теми словами пришел он к месту казни, где, оборотись к востоку и воздев к небу руки, долго по-еврейски молился со слезами и благодарил Бога. Когда же молитву на родном языке закончил, прощаясь с братьями, благословил их и, завязав себе глаза накидкой Плавтиллы, уперся коленями оземь и шею вытянул. Палач же, высоко размахнувшись, с силой ударил и отрубил ему голову. И та, от тела уже отделенная, имя Господа Иисуса Христа по-еврейски звучным голосом восславила. И тотчас из тела его струя молока на одежду воина хлынула, а затем уж кровь потекла.

Когда же хотели взять накидку, которой он перед казнью себе глаза завязал, не оказалось ее. В самый же момент отсечения головы его хлынули с неба такая

света безмерность и запаха сладость, что глаза смертных сияния того перенести, а язык человеческий благоухания того описать не в силах.

И все бывшие там, узрев Божию милость к блаженному апостолу, потрясены были и долго хвалили и славили Господа Иисуса Христа, вечного и непобедимого царя, коего проповедовал великий учитель и пастырь народов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ ПРИ ЖИЗНИ СВЯТОГО ПАВЛА

14, 19 августа — смерть Августа. Императором становится Тиберий.

26-36 — Понтий Пилат — префект Иудеи.

33-34 — Тиберий присоединяет тетрархию Филипп к Сирийской провинции.

36 — Понтий Пилат отозван в Рим. Смерть императора Тиберия.

37 — Калигула становится императором. Он отдает Ироду Агриппе I, который становится царем, тетрархию Филипп и Лисании. Царь Арета берет под контроль Дамаск.

39 — Ирод Агриппа I получает от Калигулы тетрархии Галилеи и Перее. Убийство Калигулы.

41 — Клавдий становится императором. Получив от него Иудею и Самарию, Ирод Агриппа I восстанавливает прежние владения Ирода Великого.

44 — смерть Ирода Агриппы I.

49 — Клавдий изгоняет евреев из Рима.

50 — Ирод Агриппа II получает во владение Халкиду и титул царя. Галлион — проконсул в Коринфе.

52 — Феликс — прокуратор в Иудее.

64 — пожар в Риме.

68 — смерть Нерона.

70 — взятие Иерусалима Титом. Разрушение храма.

АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК ИМЕН

Август, см. Октавиан Август.

Августин (Блаженный Аврелий Августин, 354–430), теолог, основатель западной патристики.

Анна (Ханан), первосвященник.

Агав, христианский пророк.

Агриппа II (Ирод Агриппа II), царь Иудеи, сын Ирода Агриппы I (28–96).

Агриппина (15–59), дочь императора Германика, жена императора Клавдия, мать Нерона.

Акила (Аквила), христианин из Кенхрей, друг апостола Павла.

Александр Македонский (356–323), царь Македонии, сын Филиппа II, создатель крупнейшей мировой монархии древности.

Альбин, прокуратор Иудеи.

Аминта, царь галатов.

Анан, первосвященник.

Анания, христианин из Дамаска, исцеливший Павла от слепоты.

Андрей, апостол.

Антиох XIII, сирийский царь из династии Селевкидов (II век до н. э.).

Антоний (Марк Антоний), римский полководец, сторонник Цезаря в борьбе с Помпеем. Затем вступил в союз с Октавианом Августом. Укрепившись в восточной части империи, сблизился с Клеопатрой. После разгрома при Акции покончил жизнь самоубийством.

Антипатр (умер в 319 году до н. э.), македонский военачальник, полководец Филиппа и Александра Македонских.

Аполлос, иудей из Александрии.

Аполлоний Тианский, современник Христа, представитель неопифагореизма. По преданию, чародей, вершивший чудеса и обошедший весь свет.

Аппиан (II век), греческий историк, жил в Александрии, автор многотомной истории Рима.

Аппий Клавдий Слепой, консул в 307 и 296 годах, писатель и поэт, положил начало Аппиевой дороге.

Апфия, христианка, сподвижница Павла.

Арам (III век до н. э.), греческий философ и поэт, стоик.

Арета III (I век), царь набатеев, правивший в городе Петра.

Арета IV (I век), царь набатеев.

Аристарх, македонский христианин, сподвижник Павла.

Аристид (540–467 годы до н. э.), афинский полководец.

Аристофан (ок. 445 — ок. 385 года), греческий поэт — «отец комедии».

Архипп, сподвижник Павла.

Афинея (III век), греческий грамматик и софист.

Ахаик, коринфский христианин.

Бар-Кохба, вождь антиримского восстания в Иудее в 132–135 годах, известного также под названием Вторая иудейская война.

Береника (Вереника, Вероника, род. в 28 году), дочь Ирода Агриппы I, сестра Ирода Агриппы II, жена Ирода, царя Халкиды, затем Полемона, царя Киликии, возлюбленная будущего императора Тита.

Британий (41–55), сын императора Клавдия и Мессалины.

Брут (Марк Юний Брут, 85–42 годы до н. э.), один из организаторов убийства Цезаря; покинув Рим, овладел Македонией и Грецией; вместе с Кассием противостоял Октавиану и Антонию; после разгрома при Филиппах в 42 году до н. э. покончил жизнь самоубийством.

Бубер Мартин (1878–1965), еврейский религиозный философ и писатель.

Валентиниан II (Флавий Валентиниан, 375–392), римский император.

Варнава (Бар-Набба), обратившийся в христианство иудей, уроженец Кипра; член иерусалимской церкви, друг и соратник Павла.

Варфоломей, апостол.

Вениамин из Туделы, путешественник XII века, автор сочинения «Путешествия рабби Вениамина».

Вергилий Публий Марон (70–19 годы до н. э.), римский поэт.

Веррес (Гай Корнелий Веррес), наместник римской провинции Сицилия в 73–71 годах до н. э.

Веспасиан (Тит Флавий Веспасиан), римский император с 69 по 79 год.

Гаий (Гай), македонский христианин, сопровождавший Павла в Эфесе.

Гаий (Гай), христианин из Дервии.

Гай, римский священник.

Галлион (Луций Юний Галлион), консул-суффект, правитель Ахайи (приблизительно в 51–53 годах), брат философа Сенеки.

Гамалиил (Гамалиэль, I век), фарисей, раввин, наставник Павла, член синедриона.

Гераклит Эфесский (конец VI — начало V века), греческий философ-диалектик.

Германик (Тиберий Друз Нерон, прозванный Германиком, 16 год до н. э. — 19 год н. э.), римский военачальник, племянник императора Тиберия, отец Калигулы.

Геродот (между 490 и 480 — ок. 425 года до н. э.), греческий историк, прозванный «отцом истории».

Гиллель (Хиллел, I век до н. э.) Старший, ученый раввин, родившийся в Вавилонии, считается основателем фарисейства.

Гонорий (Флавий Гонорий, 395–423), первый император Западной Римской империи.

Гораций (Квинт Гораций Флакк, 65—8 годы до н. э.), прославленный римский поэт.

Дарий III, персидский царь династии Ахеменидов, правил в 336–330 годах до н. э.

Димитрий, серебряных дел мастер из Эфеса.

Демосфен (ок. 384–322 год до н. э.), афинский оратор и политический деятель.

Дионисий Ареопагит, христианский мыслитель; ему приписываются сочинения «*Corpus Areopagiticum*».

Диоген (ок. 400 — ок. 322 года до н. э.), греческий философ-киник.

Дион Кассий (род. в 155 году), греческий историк и римский политический деятель, автор истории Рима в восьмидесяти книгах.

Друзилла, дочь Ирода Агриппы I, жена римского правителя Феликса.

Евника, христианка из Листры, мать Тимофея.

Еврипид (ок. 480–406 год до н. э.), великий греческий драматург, автор трагедий.

Евсевий Кесарийский (ок. 260–340), епископ Кесарии, автор «Церковной истории» в десяти книгах.

Евтих, юноша, присутствовавший на беседе Павла в Троаде.

Елима (Элима, Бар-Иисус), иудейский маг и лжепророк.

Жанна д'Арк (ок. 1412–1431), героиня французского народа; повинаясь голосам святых, возглавила борьбу французов против англичан во время Столетней войны.

Иаков, апостол.

Иаков, брат Иисуса Христа, предстоятель иерусалимской церкви.

Иасон, христианин, у которого Павел останавливался в Фессалонике.

Илия, пророк.

Иероним (Блаженный Иероним, ок. 340–420), христианский теолог, перевел Священное Писание на латынь (Вульгата).

Иоанн Златоуст (344–407), один из «отцов» восточной церкви, уроженец Антиохии Сирийской.

Иоханаан Бен-Заккеи (I век), ученый раввин, экзегет.

Иосиф Флавий (37 — ок. 100), римский историк, автор «Истории Иудейской войны» и «Иудейских древностей».

Ириней (ок. 130 — ок. 202), христианский теолог, уроженец Малой Азии.

Ирод I Великий (ок. 73—4 год до н. э.), сын Антипатра, царь Иудеи с 40 года до н. э.

Ирод Агриппа II (ум. в 44 году), внук Ирода Великого, правитель Галилеи, Иудеи и Самарии.

Ирод Антипа (4—39), тетрарх Галилеи.

Иродиада, жена Ирода Антипы, добившаяся казни Иоанна Крестителя.

Исаия, пророк.

Иуда из Гамалы, вождь восставших зилотов в начале I века.

Иустин (ок. 100 — ок. 167), христианский философ, мученик.

Каиафа (18–36), иерусалимский первосвященник.

Калигула (Гай Цезарь), сын Германика, римский император с 37 по 41 год.

Кальвин Жан (1509–1564), деятель Реформации.

Караваджо Луиджи (1573–1610), итальянский художник.

Кассандр (ок. 355–297 год до н. э.), старший сын Антипатра, царь Македонии.

Кассий (Гай Кассий Лонгин), римский военачальник, народный трибун и командующий флотом Помпея, позднее легат Цезаря, участвовал в убийстве Цезаря, после поражения при Филиппах покончил жизнь самоубийством.

Кир (559–529 годы до н. э.), царь Персии.

Кифа, см. Петр, апостол.

Клавдий (Клавдий Друз Нерон Германик), римский император с 41 по 54 год.

Клеопатра, царица Египта, возлюбленная Цезаря и Антония, покончила жизнь самоубийством в 30 году до н. э.

Климент Римский (ум. ок. 96), преемник святого Петра, епископ Рима.

Константин (ок. 285–337), римский император, поддерживал в Риме христианство.

Корнелий, римский центурион.

Корнелий Испан, римский магистрат.

Крез (ок. 560–546 год до н. э.), царь Лидии, побежденный Киром.

Либаний (Ливаний, 314–393), ритор, представитель позднейшей софистики, уроженец Антиохии Сирийской.

Лидия, христианка из Филипп.

Лисий Клавдий, начальник римского гарнизона в Иерусалиме.

Лисимах (361–261 годы до н. э.), полководец Александра Македонского.

Лойда, христианка из Листры, мать Евники.

Лоуренс Томас Эдуард (1888–1935), английский военный разведчик, работал в арабских странах против Османской империи.

Лука, евангелист.

Лукиан Самосатский, греческий сатирик II века.

Луций Киренеянин, христианин из антиохийской церкви.

Лютер Мартин (1483–1546), немецкий теолог, вождь Реформации.

Манаил, христианин из Антиохии.

Марк, евангелист.

Марциал (ок. 40 — ок. 104), римский поэт, автор эпиграмм.

Матфей, апостол, евангелист.

Менандр (ок. 343 — ок. 291 года до н. э.), греческий поэт-комедиограф.

Мидас, царь Фригии в 738–696 годах до н. э.

Мнасон, уроженец Кипра, ученик Павла.

Навуходоносор, царь Вавилонии, правил в 605–562 годах до н. э.

Нельсон Горацио (1758–1805), английский флотоводец.

Нерон (Клавдий Нерон Тиберий, 37–68), римский император.

Никанор, один из семи избранных иерусалимской церковью апостольских помощников (диаконов).

Николай, один из семи избранных иерусалимской церковью апостольских помощников (диаконов).

Ницше Фридрих (1844–1900), немецкий философ.

Овидий (Публий Овидий Назон, 43 год до н. э. — 17 год н. э.), римский поэт.

Октавиан Август (63–14 годы до н. э.), внучатый племянник Цезаря, полководец и политический деятель, император с 43 года до н. э.

Онисим, раб-христианин.

Ориген (ок. 185–234), христианский теолог, философ, филолог, представитель ранней патристики, жил в Александрии.

Павсаний, греческий писатель II века, автор «Описания Эллады».

Паллант, вольноотпущенник Антонии, матери императора Клавдия, ведавший финансами; умерщвлен Нероном в 62 году.

Папий (II век), святой, епископ Гиераполя во Фригии.

Пармен, один из семи избранных иерусалимской церковью апостольских помощников (диаконов).

Перикл (ок. 490–429 год до н. э.), афинский военачальник и политический деятель.

Петр (Кифа), апостол.

Плиний (Гай Плиний Секунд Старший), римский писатель, автор «Естественной истории», «Германских войн» и др.; погиб при извержении Везувия в 72 году.

Плиний Младший (62 — ок. 114), римский писатель, императорский легат в провинции Вифиния и Понт.

Плутарх (ок. 45 — ок. 127), греческий писатель и историк, автор «Сравнительных жизнеописаний» выдающихся греков и римлян.

Полибий (ок. 200 — ок. 120 года до н. э.), греческий историк, автор «Истории», охватывающей Грецию, Македонию, Малую Азию, Рим.

Помпей (Гней Помпей, прозванный Великим, 106-48 годы до н. э.), римский полководец и политический деятель, член первого триумvirата (вместе с Кассием и Цезарем); затем воевал против Цезаря, разбит Цезарем при Фарсале.

Понтий Пилат, префект Иудеи, отозван в 36 году.

Поппея (Сабина Поппея), вторая жена Нерона.

Пракситель (IV век до н. э.), греческий скульптор.

Приска (Прискилла, Присцилла), супруга Акилы, христианка из Кенхрей.

Проперций (Секст Проперций, ок. 50 — ок. 15 года до н. э.), римский поэт.

Публий, римский магистрат на острове Мальта.

Прохор, один из семи избранных иерусалимской церковью апостольских помощников (диаконов).

Реймарус Герман Самуэль (1694-1765), немецкий ученый, толкователь Священного Писания в рационалистическом духе.

Ренан Эрнст (1823-1892), французский писатель и ученый, среди его трудов: «История происхождения христианства», «Жизнь Иисуса Христа», «Апостол Павел».

Рубенс Питер Пауль (1577-1640), фламандский живописец.

Руф, предполагаемый брат Павла.

Свифт Джонатан (1667–1745), английский писатель, настоятель собора Святого Патрика в Дублине.

Секунд, христианин из Фессалоники.

Селевк I Победитель (Селевк Никатор), полководец Александра Македонского, основатель царства Селевкидов в Сирии, правил в 321–281 годах до н. э.

Селим (Селим II, 1566–1574), османский султан, сын Сулеймана Великолепного.

Сергий Павел, римский правитель Кипра.

Сеян (Элий Сеян Луций), всесильный временщик при императоре Тиберии, казнен в 31 году.

Сила (Силуан, Сильван), один из руководителей иерусалимской церкви, спутник Павла.

Симон Маг, волхв из Самарии, пытался купить за деньги силу, которую дал апостолам Бог.

Солон (ок. 640 — ок. 559 год до н. э.), афинский политический деятель и законодатель.

Софокл (ок. 496–406 год до н. э.), великий греческий драматург.

Стефан, святой, один из семи избранных иерусалимской церковью апостольских помощников (диаконов), побит камнями.

Страбон (64–24 годы до н. э.), греческий географ и историк, автор «Географии».

Сулейман Великолепный (Сулейман I Кануни), турецкий султан, при котором Османская империя достигла наивысшего могущества, правил в 1520–1566 годах.

Сулла (Луций Корнелий Сулла, 138—78 годы до н. э.), римский полководец, консул, диктатор в 82–79 годах до н. э.

Скева, иудейский первосвященник.

Тавифа, христианка из Иоппии, которую Павел вернул к жизни.

Тацит (Корнелий Тацит, ок. 58 — ок. 117), крупнейший римский историк.

Тертулл, юрист.

Тиберий (Тиберий Клавдий Нерон), римский император с 14 по 37 год.

Тиберий Александр (Тиберий Юлий Александр), иудей из Египта, перешедший в язычество, римский всадник, с 46 года прокуратор Иудеи, в 70 году префект преторианских когорт в Иудее.

Тигеллин (Софоний Тигеллин Гай), в 62 году назначен префектом преторианских когорт.

Тимофеи, ученик и спутник Павла.

Тит, христианин из язычников, друг и помощник Павла.

Тит (Тит Флавий Веспасиан), римский император с 79 по 81 год.

Трофим, христианин из Эфеса, спутник Павла.

Фалес Милетский (ок. 625 — ок. 547 года до н. э.), греческий философ, родоначальник античной философии.

Феликс Антоний (Марк Антоний Феликс, 1 век), римский префект Иудеи при императоре Клавдии, брат Палланта.

Феодосий I (Феодосий Великий, ок. 346–395), римский император с 379 года, утвердил господство христианства в Риме.

Фест Порций, римский префект Иудеи, сменивший Феликса.

Фива, христианка из Кенхрей.

Фидий (V век до н. э.), греческий скульптор.

Филимон, христианин из города Колоссы, друг Павла.

Филипп, один из семи избранных иерусалимской церковью апостольских помощников (диаконов).

Филипп II (ок. 382–336 год до н. э.), царь Македонии, отец Александра Македонского.

Филон Александрийский (ок. 25 года до н. э. — ок. 50 года н. э.), иудейско-эллинистический религиозный

философ.

Филострат (Флавий Филострат), греческий писатель II–III веков, автор «Биографии Аполлония Тианского».

Флор (Гесий Флор), прокуратор Иудеи с 64 по 66 год.

Фома, апостол.

Фортунат, коринфский христианин.

Франциск Ассизский (1181–1226), святой, итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев.

Цезарь (Гай Юлий Цезарь, 102—44 годы до н. э.), римский полководец и политический деятель.

Целий (Марк Целий Руф, 82–48 годы до н. э.), трибун и политик, обучался у Цицерона красноречию.

Цицерон (Марк Туллий Цицерон, 106—43 годы до н. э.), римский оратор и политический деятель, в 51–50 годах до н. э. управлял Киликией.

Эпименид (VI–V века до н. э.), полумифический греческий поэт-прорицатель.

Эсхил (ок. 525–456 год до н. э.), великий греческий драматург.

Ювенал (Децим Юний Ювенал, ок. 60—127), римский поэт-сатирик.

Юлий, римский центурион.

Юний Альфонс, римский военачальник.

СПИСОК ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ

Для названий, которые в синодальном переводе Библии не совпадают с принятыми в исторической географии, приводятся обе формы, но указываются как исходные формы синодального перевода: Дервия (Дерба), кроме тех случаев, когда название широко известно в русской традиции: Эфес (в синодальном переводе Ефес), Мальта (в синодальном переводе Мелита).

Адана — город в Киликии, на берегу реки Сар.

Адонис — река в Финикии.

Адрамитий — приморский город в Мисии (Малая Азия), впоследствии Эдремит.

Акаба — порт и крепость у северо-восточного берега Красного моря.

Акрокоринф — скала над Коринфом, где был расположен храм Афродиты.

Аксий — река в Македонии.

Акция — город и мыс в Акарнании (Северная Греция), возле которого в 31 году до н. э. Октавиан нанес поражение Антонию и Клеопатре.

Александрия — город в Египте, близ западного рукава Нила.

Альбано — озеро и город в Лации на Апеннинском полуострове.

Аматус — город на южном побережье Кипра с храмом Венеры.

Амафонт (Амафунт) — город на Кипре.

Амфиполь — город в Северной Греции.

Анксур — гора и город в Южном Лации на Апеннинском полуострове с храмом Юпитера; позднее город стал называться Таррацина, ныне Террачина.

Антиливан — горная цепь на Ближнем Востоке, параллельная Ливану.

Антиохия Писидийская — город в Писидии (Малая Азия).

Антиохия Сирийская — город на реке Оронт, ныне Антакья.

Антипатрида — город в Иудее.

Аргос — главный город Аργοлиды, греческой области на полуострове Пелопоннес.

Асия — римская провинция в Малой Азии, в ее состав входили Мисия, Лидия, Кария, Фригия.

Асе — порт на северо-западном побережье Малой Азии.

Атталейя (Атталия) — прибрежный город в Памфилии (Малая Азия), ныне Анталия.

Ахайя (Ахаия) — римская провинция, включавшая в себя южную часть Греции со столицей в Коринфе.

Бейрут (Берут, Берит) — порт в Финикии, ныне Бейрут.

Брундисий (Брундизий) — портовый город в Калабрии, на юге Апеннинского полуострова, ныне Бриндизи.

Библ (Библос, Гевал) — приморский город в Финикии.

Верия (Берея) — город в Македонии.

Вермий (Бермий) — гора в Македонии.

Вифлеем — город на Иудейском нагорье, место рождения Христа.

Вифиния — римская провинция в Малой Азии.

Газа — город в Иудее на прибрежной равнине, ныне также и район вокруг него.

Галатия — римская провинция в Малой Азии, центр — город Анкира, ныне Анкара.

Галиакмон — река в Македонии.

Галилейское озеро, см. Тивериадское озеро.

Галилея — область на севере Израиля, родина Иисуса Христа. *Гаэта* — залив в Тирренском море.

Геллеспонт — пролив между Эгейским и Мраморным морями, ныне Дарданеллы.

Гермон (Ермон, Хермон) — гора на границе Сирии и Ливана.

Гисхал (Гуш-Халав) — город в Иудее.

Глифада — порт в окрестностях Афин.

Гордий — город в Малой Азии, бывшая резиденция фригийских царей.

Дамаск — столица Сирии, один из древнейших городов мира.

Делос — один из Кикладских островов.

Дервия (Дерба) — город в Ликаонии (Малая Азия).

Джебель-Друз — горный массив на юге Сирии.

Ида — гора во Фригии и Троаде (Малая Азия).

Идалий — гора и город в восточной части Кипра с культом Афродиты (Венеры).

Иераполь (Гиераполь) — город в римской провинции Асия.

Иконий — главный город Ликаонии (Малая Азия), ныне Конья. *Иллирик* (Иллирия) — римское название области на восточном берегу Адриатического моря.

Иордан — главная река Палестины.

Исс — залив и приморский город в Киликии на сирийской границе, где Александр Македонский разбил персидского царя Дария в 333 году до н. э.

Итрия — долина в Апулье (Италия).

Иоппия — город в Иудее, ныне Яффа.

Каппадокия — римская провинция в Малой Азии.

Капри — остров в Неаполитанском заливе.

Капуя — город на юге Апеннинского полуострова.

Капернаум (Кафарнаум) — город на северо-западном берегу Галилейского озера.

Кенхреи — восточный порт Коринфа.

Кесария Приморская — портовый город в Палестине.

Кестр — река в Азии.

Кидн — река в Киликии, протекавшая через город Тарс.

Киклады (Кикладские острова) — группа греческих островов в Эгейском море.

Киликия — римская провинция на юге Малой Азии.

Кипр — остров в Средиземном море.

Китий — город на южном побережье Кипра, родина философа Зенона.

Китнос (Кифн) — один из Кикладских островов.

Коринф — греческий город на перешейке между Эгейским и Адриатическим морями.

Колоссы — город в Ликии, в провинции Асия.

Кос — один из греческих Спорадских островов у берегов Карики. *Крит* — остров в Средиземном море.

Курий — город на южном побережье Кипра.

Лаодикия — приморский город в Сирии, ныне Латакия.

Ларнака — город на Кипре.

Лаций (Латий) — область в центральной части Апеннинского полуострова, ныне Лацио.

Лесбос — греческий остров в Эгейском море.

Ликаония — область в Малой Азии между Фригией и Каппадокией.

Лик — река в Вифинии (Малая Азия).

Ликия — горная страна в Малой Азии.

Листра — город в провинции Галатия, ныне Хатурсарай.

Магнесия — город в Лидии (Малая Азия).

Македония — область в Северной Греции.

Малея — мыс на юго-восточной оконечности полуострова Пелопоннес.

Мальта (Мелита) — остров в Средиземном море.

Мари — древний город-государство в среднем течении реки Евфрат. *Меандр* — река в Северной Карики

(Малая Азия).

Мегиддо — город на севере Израиля.

Микале — гористый мыс в Ионии, к востоку от острова Самос. *Микonos* (Микон) — один из Кикладских островов.

Милет — порт на побережье Малой Азии.

Минтурны — город в Южном Лации на Апеннинском полуострове.

Миры (Миры Ликийские) — город в Ликии (Малая Азия).

Мисия (Мизия) — область на северо-западе Малой Азии, входившая в состав провинции Асия.

Милет — приморский город в Карию (Малая Азия), родина философа Фалеса.

Митилены — самый крупный город на острове Лесбос.

Назарет — город, где вырос Иисус Христос.

Неаполь — город, ныне Кавалья.

Оронт — река в Сирии.

Памфилия — страна на юге Малой Азии, между Ликией и Киликией. *Панорм* — город на острове Самос.

Патара — приморский город в Ликии, с оракулом Аполлона. *Пелопоннес* — полуостров, образующий южную часть Греции.

Пергия (Перга) — город в Памфилии.

Пергам — город в Мисии (ныне Бергама).

Петра — город к югу от Мертвого моря, в Эдоме, столица царства набатеев.

Писидия — область в южной части Малой Азии.

Понт (Понтийское царство) — страна в Малой Азии между Арменией и Вифинией, впоследствии римская провинция.

Птолемида — город в Финикии (северная часть Израиля).

Путеолы — порт в Италии, недалеко от Неаполя, ныне Поццуоли. *Регий* (Ригия) — город на южной

оконечности Апеннинского полуострова, ныне Реджоди-Калабрия.

Родос — остров в Средиземном море, у юго-западного побережья Малой Азии.

Саламин — город на восточном побережье Кипра.

Саламин — остров и город между Аттикой и Арголидой, напротив Афин, где греки в 480 году до н. э. под командованием Фемистокла одержали морскую победу над персами.

Самария — область в Палестине, между Галилеей и Иудеей с главным городом того же названия.

Самос — остров с одноименным городом в Эгейском море.

Самофракия — остров в Эгейском море у побережья Фракии.

Сар — река в Киликии.

Сарды — город в Лидии, в провинции Асия на реке Пактол (Малая Азия).

Селевкия — город в Сирии, против устья Оронта, порт Антиохии Сирийской.

Сен-Жан-д'Акр — крепость крестоносцев на месте древней Птолемаиды.

Синай — название горы на Синайском полуострове и окружающей ее пустыни.

Сиракузы — город на восточном побережье Сицилии, ныне Сирагосса.

Сирое — один из Кикладских островов.

Смирна — город в Лидии (Малая Азия), ныне Измир.

Спарта — город в Лаконии (Греция).

Султан-Даг — горная цепь в Турции.

Тавр — горная цепь в Турции.

Таррацина — город в Южном Лации, ранее называвшийся Анксур, ныне Террачина.

Тарс — город в Киликии.

Тасос — остров в Эгейском море у побережья Фракии.

Тенос (Тинос) — один из Кикладских островов.

Тибр — река в Риме.

Тивериада — город на западном берегу Галилейского озера.

Тивериадское озеро (Галилейское озеро, Генисаретское озеро) — озеро на границе Галилеи и Сирии.

Тинги (Тинге) — город в Северной Африке, в Мавритании, ныне Танжер.

Тир — город, древняя столица Финикии (Малая Азия).

Траллы — торговый город в Карию, близ Магнесии (Малая Азия).

Троада — город и область в северо-западной Мисии.

Фамагуста — город на Кипре.

Феникс — гавань на острове Крит.

Фермопилы — ущелье в горах Эты в Греции.

Фессалоника — главный город Македонии, ныне Салоники.

Фиатиры — город в провинции Асия.

Филадельфия — город в Восточной Лидии (Малая Азия).

Филиппы — город в Македонии, названный в честь Филиппа Македонского, здесь Октавиан и Антоний разбили войска Брута и Кассия в 42 году до н. э.

Финикия — область в восточном Средиземноморье, севернее Израиля.

Фивы — столица Беотии в Греции.

Фонгари — гора на острове Самофракия.

Формии — приморский город в Южной Лации на Апеннинском полуострове.

Фракия — страна в северо-восточной Греции.

Фригия — область в центре Малой Азии, входила в провинцию Асия.

Фунди — приморский город в Лации, на Апеннинском полуострове, ныне Фонди.

Харан (Харран) — город на юго-востоке современной Турции, во времена Ассирии и Вавилона — крепость.

Хеврон — город на Иудейском нагорье.

Хиос — остров в Ионическом море.

Шарон (Сарон) — прибрежная равнина в Израиле от Иоппии до Кесарии.

Эбла — царство и город в Месопотамии.

Эвбея — остров у побережья Аттики и Беотии (Греция).

Эврип — пролив, отделяющий остров Эвбея от материка.

Эгина — греческий остров у побережья Аттики.

Эгридир — озеро в Турции.

Эдесса — город в Македонии, область Эмафия.

Эдом (Едом, греч. Идумея) — горная страна в Южной Палестине. *Эдремит* — залив на востоке Средиземного моря.

Элевсин — приморский город в Аттике (Греция), центр культа богини Деметры (Цереры), где проходили Элевсинские мистерии.

Эмеса — область в Сирии.

Эфес (Ефес) — город в провинции Асия, центр культа Артемиды Эфесской.

ЛИТЕРАТУРА

Иосиф Флавий. Иудейские древности. Минск, 1994. Т. 1-2.

Ренан Э. Апостол Павел / Пер. с фр. Вл. Кауфмана. СПб., 1907. Armogathe J.-R. Paul ou l'impossible unité. 1980.

Becker J. Paul, apôtre des Nations. 1994.

Bernheim P.-A. Jacques, frère de Jésus. 1996.

Colson J. Paul, apôtre martyr. 1971.

Daniel-Rops. Saint Paul conquérant du Christ. 1952.

Hildebrandt D. Saint Paul, une double vie. 1994.

Holzner J. Paul de Tarse. 1950.

Legasse S. Paul apôtre. 2000.

Loisy A. La carrière de l'apôtre Paul // Revue d'histoire et de la littérature religieuse, 1920.

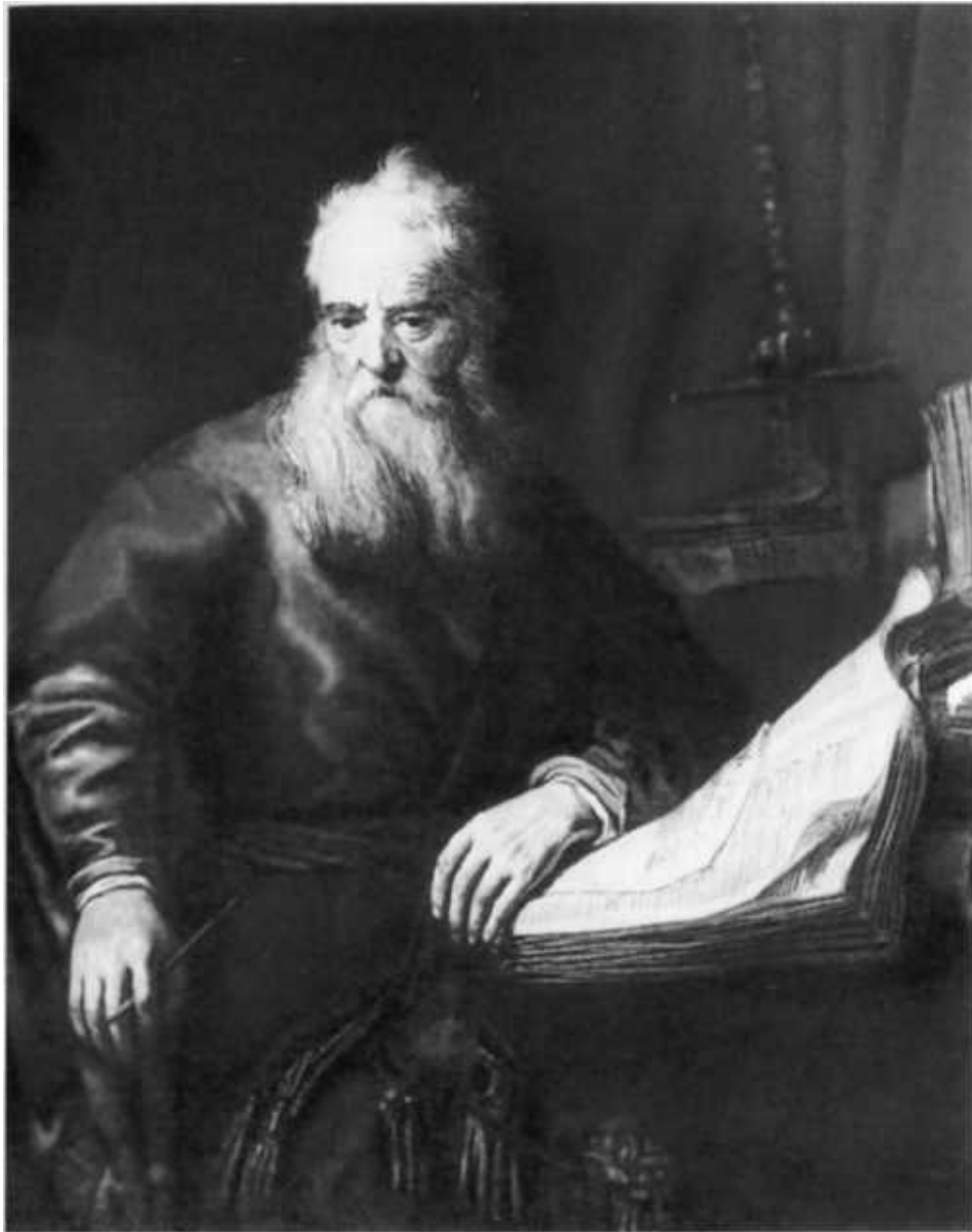
Quesnel M. Histoire des Evangiles. 1987.

Ricciotti G. Saint Paul apôtre. 1952.

Schalom Ben-Chorin. Paul, un regard juif sur l'apôtre des gentils. 1999. Trimaille M. Que sait-on de Paul aujourd'hui? // Origines du christianisme. P., 2000.

Trocmé E. «Le livre des Actes» et l'histoire. 1957.

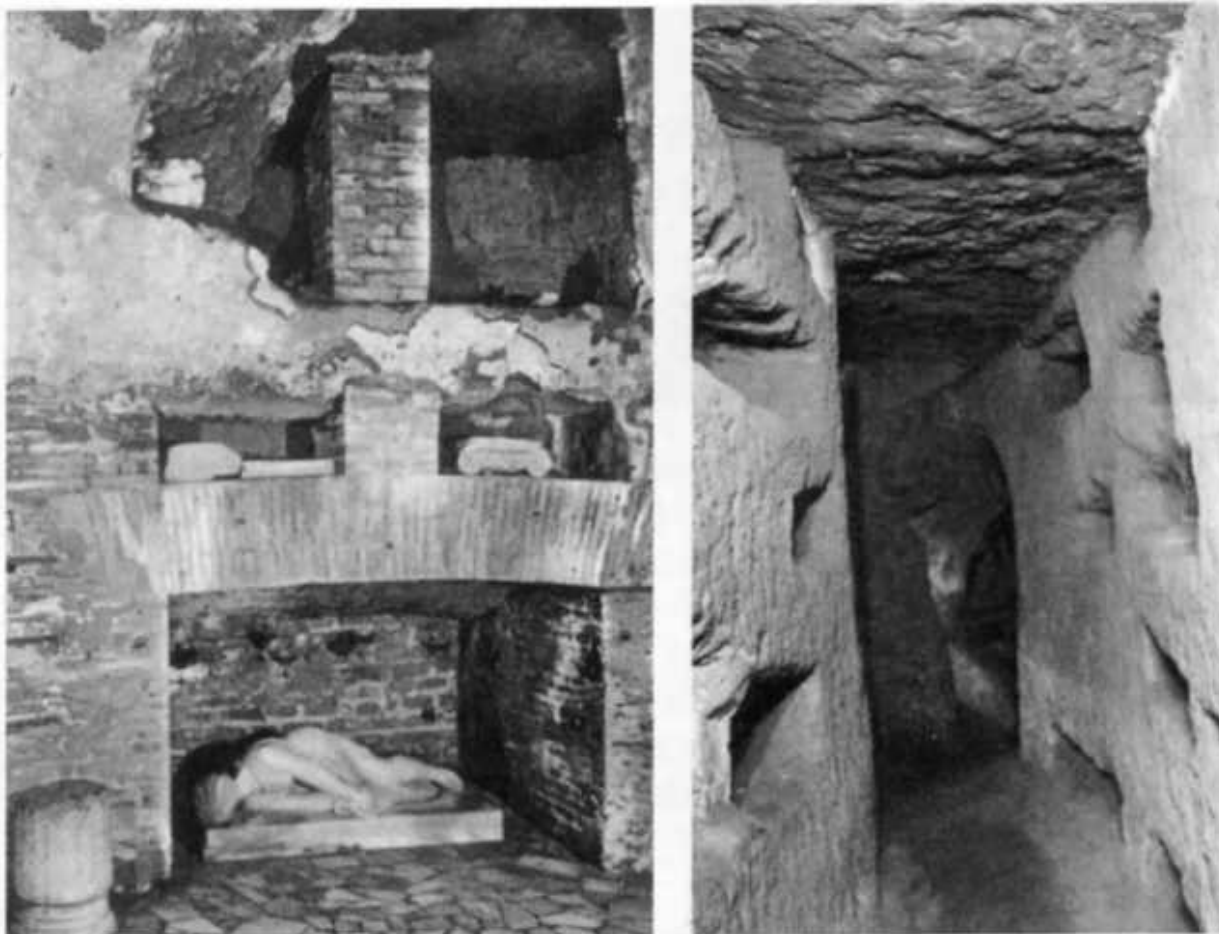
Иллюстрации

Рембрандт. Апостол Павел. 1635 г. Вена. Музей истории искусства.

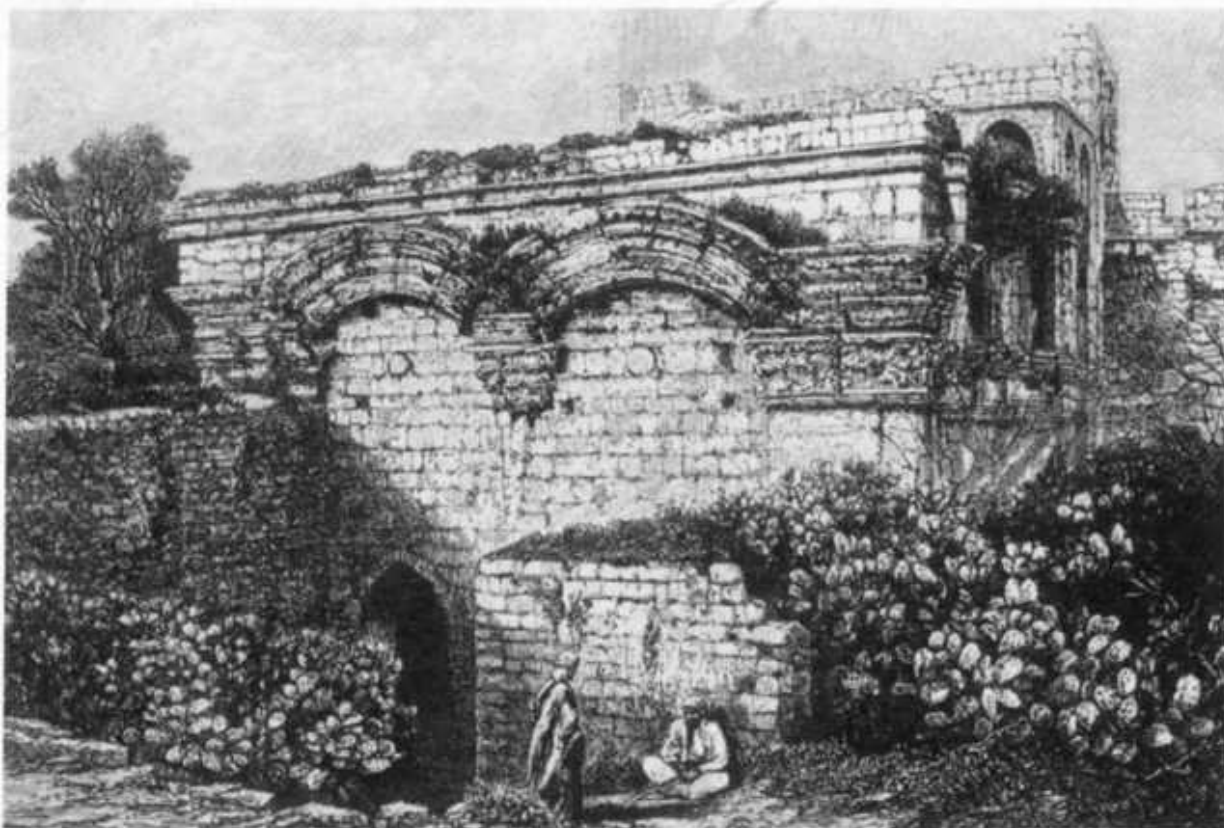
Апостол Павел. Фрагмент росписи из катакомб Домициллы.

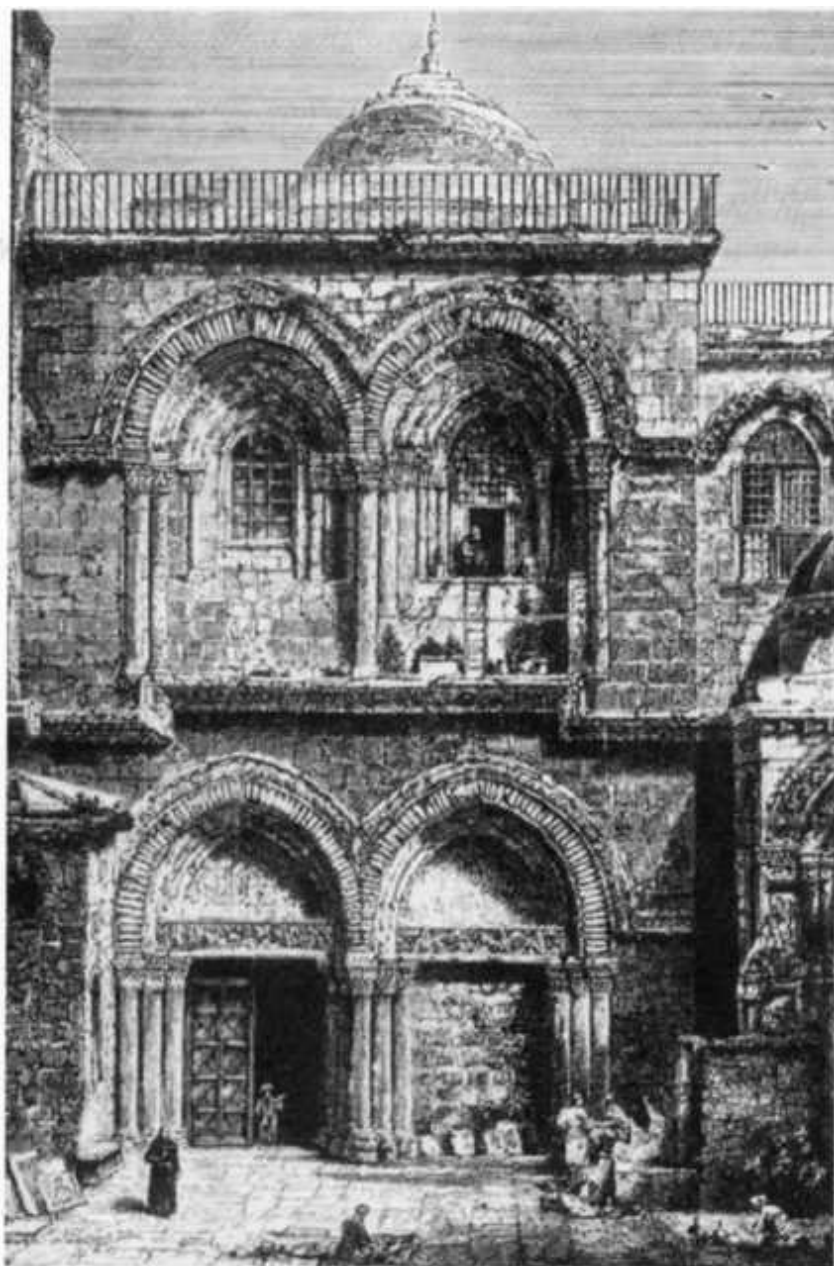
Рим. Катакомбы Каллиста и Домициллы.

Сирия, Палестина и Киликия во времена апостолов.

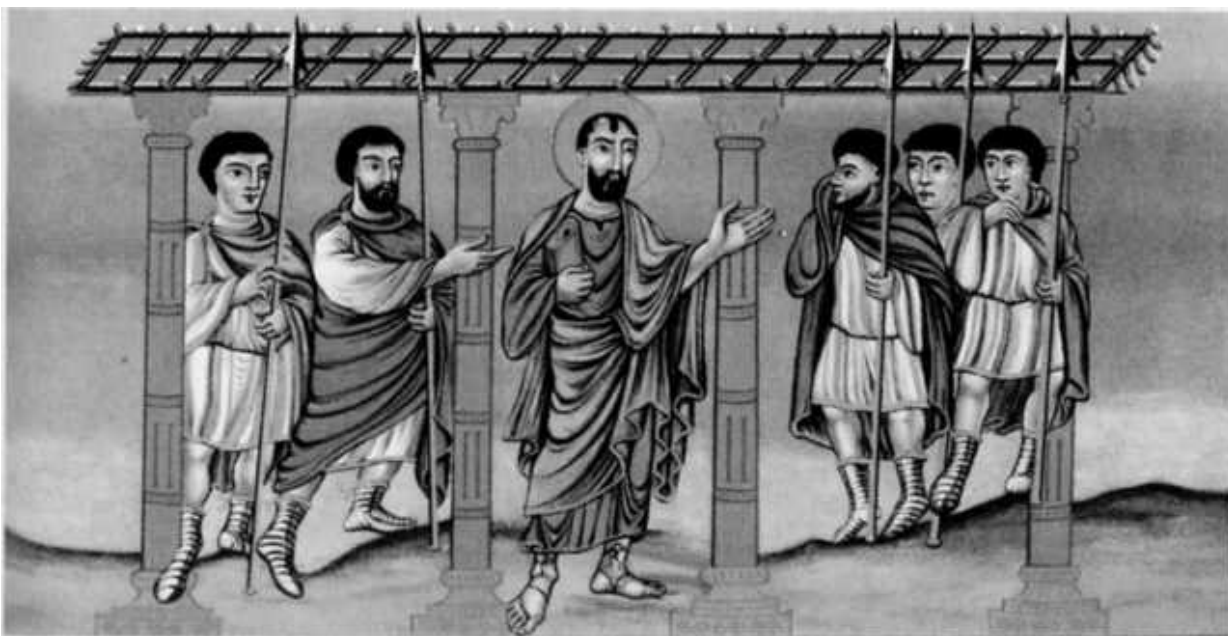
Иерусалим. Золотые ворота. *Со старинной гравюры.*

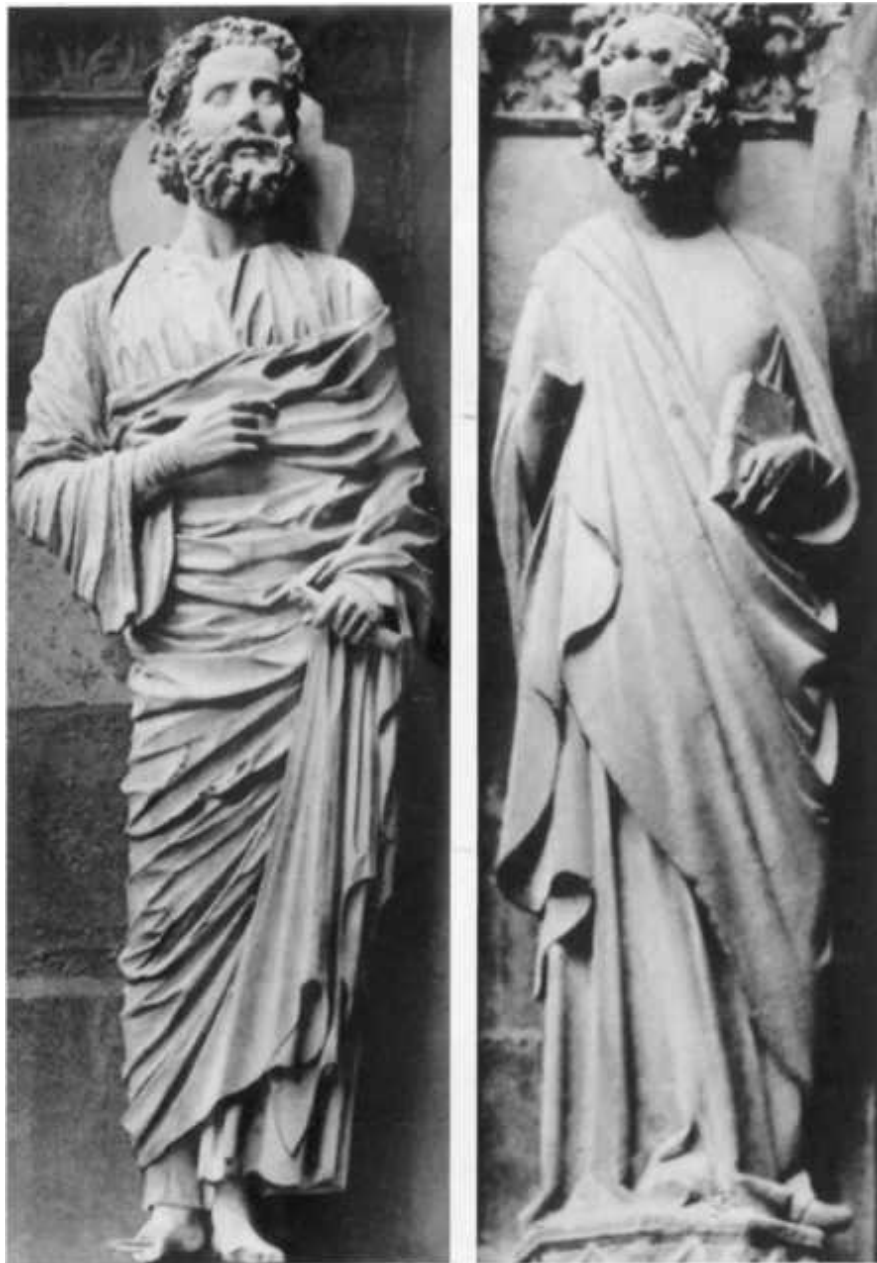
Иерусалим. Храм Гроба Господня. *Со старинной гравюры.*

Обращение Савла. Миниатюра из рукописи конца IX века.

Апостол Павел проповедует язычникам. *Миниатюра середины IX века из Библии Карла Лысого.*

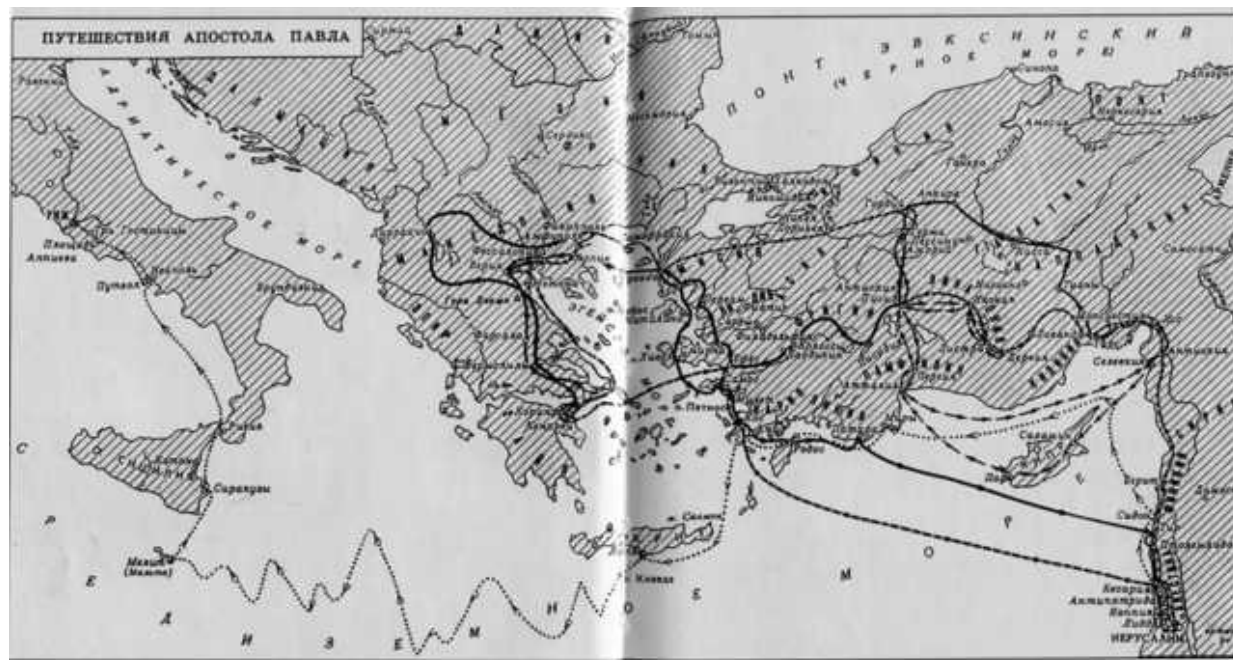
Апостол Петр, Апостол Павел. Статуи северного и восточного порталов собора в Реймсе.

Апостол Павел получает направление в миссию.
Миниатюра из Библии XIII века.

Апостол Павел и его спутники в пути. *Миниатюра из Библии XIII века.*

Карта путешествий апостола Павла.

Апостолы Петр и Павел. Их мученичество и смерть.
Миниатюра из русского Евангелия. 1693 г.

Микеланджело. Обращение Савла. 1542-1545 гг.
Фреска в капелле Паолина.

Микеланджело. Обращение Савла. *Фрагмент.*

Караваджо. Обращение Савла. 1600-1601 гг. Рим, церковь Святого Марка дечь Пополо.

Рим. Храм Святого Павла. Построен в IV веке, восстановлен после пожара в XIX веке.

Интерьер храма Святого Павла.

Дюрер. Четыре апостола: Иоанн, Петр, Марк и Павел.
1526 г. Мюнхен, Пинакотека.

Лондон. Собор Святого Павла. Архитектор Кристофер Рен. 1675-1710 гг.

Эль Греко. Апостолы Петр и Павел. 1614 г. Санкт-Петербург, Эрмитаж.

notes

Примечания

Цитаты из Священного Писания приведены по: Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1999.

2

Яростный апостол (*лат.*).

3

Старший из сенаторов, имя которого ставилось первым в списке *(лат.)*.

Раскопки стены Святого Павла (*англ.*).

Катехеза — наставление новообращенных (в форме вопросов и ответов).

6

Еврей, родившийся в Израиле. *(Прим. пер.)*

Здесь и далее цитируется по: *Флавий И.* Иудейские древности / Пер. Г. Г. Генкеля. Т. 1-2. Минск, 1994.

Алия — так называли переселение евреев в Палестину, начиная с исхода из Египта и Вавилонии. Употребляется здесь в связи с тем, что Палестина географически расположена выше этих стран. {Прим. пер.)

Мишна — в иудейской традиции собрание устного закона, древнейшая часть Талмуда. (Прим. пер.)

10

Дорога скорби (*лат.*) — путь, которым Иисус, по преданию, шел на Голгофу. (*Прим. пер.*)

Здесь и далее цит. по: Деяния Павла / Пер. А. П. Скогорева. Библиотека Новозаветных апокрифов.

12

История Стефана изложена с фрагментами из Деяний святых апостолов 7:2-3, 25-27, 36-37, 51-54, 58.

Арабские племена, создавшие на Ближнем Востоке царство, державшее под контролем важнейший торговый путь из Южной Аравии в Дамаск. Столицей набатеев был город Петра. *(Прим. пер.)*

14

Прямая улица (*лат.*).

По православному (юлианскому) календарю Петра и Павла поминают 12 июля. *(Прим. пер.)*

Римский мир (*лат.*), то есть Римская империя. (*Прим. пер.*)

Намек на эпизод из древнегреческих мифов. Пропитанная ядовитой кровью кентавра Несса туника прилипла к телу героя Геракла и стала причиной его смерти. *(Прим. пер.)*

По иудейской традиции могло быть от пяти до десяти небес. Чаще всего встречается цифра «7». Рай обычно размещали на третьем небе. *(Прим. авт.)*

Во французском оригинале — «заноза в плоти». В Вульгате ему соответствует *stimulus* (лат.) — остроконечная деревянная палка, а в переносном значении — жало, мучения, мука. Дальнейшее рассуждение автора строится исходя из конкретного значения слова «заноза». (Прим. пер.)

Здесь и далее цит. по: *Ренан Э.* Апостол Павел / Пер. В. Кауфмана. СПб., 1907.

Грузовые корабли (*лат.*).

Прибрежные корабли (*лат.*).

Место, посвященное нимфам. Обычно грот с фонтанами и статуями. *(Прим. пер.)*

Сражение на Ионическом море в 31 году до н. э. — в ходе гражданской войны флот Октавиана разбил объединенный флот Марка Антония и египтян. (*Прим. пер.*)

Священный, почитаемый (*гр.*).

Искусственный холм, образованный руинами. (*Прим. пер.*)

В синодальном переводе: «велели бить их палками» (Деян 16:22). Это точнее соответствует строкам Вульгаты: *...iusserunt eos virgis caedi*, где нет упоминания о *verberatio* и *flagellatio*, на которые далее ссылается автор. (Прим. пер.)

История избавления Павла и Силы из темницы изложена с фрагментами из Деяний святых апостолов 16:28, 31, 36-37.

В оригинале *spermologos* — «попугай» или «черная ворона», так называли завсегдатаев агоры, споривших обо всем и ни о чем. (Прим. авт.)

Единственное число здесь вышло из-под пера Луки. Известно много надписей такого типа, но все они гласят: «неизвестным богам». Но единственное число здесь действительно подходит по содержанию больше. (*Прим. авт.*)

Точная цитата из Арата: «от него наш род». Измененный вариант позволяет быть ближе к Книге Бытия. *(Прим. авт.)*

Идея состязательности лучше передана в книге, которая ближе к французскому тексту: Письма апостола Павла / Пер. В. Н. Кузнецовой. М., 1998: «Вы что, не знаете, что на стадионе бегут все участники, а приз получает один?» (1 Кор 9:24), и далее: «Все атлеты упорно тренируются, но те поступают так, чтобы получить венок, который увянет, а мы — чтобы получить венок неувядаемый. Так и я — не бегу бесцельно» (1 Кор 9:25-26).

Не всякому человеку удастся попасть в Коринф — со значением «дорогое не всем доступно». *(Прим. пер.)*

Ортодоксальные иудеи. Отказывались платить подати и вели против римлян вооруженную борьбу.
(Прим. пер.)

Здесь и далее цитируется кн.: *Тацит Корнелий. Анналы: В 2 т. / Пер. А. С. Бобовича. Л.: Наука, 1969.*

36

Закрытое море (*лат.*).

Город (*лат.*) — одно из названий Рима. (*Прим. пер.*)

Павлу, апостолу-мученику *(лат.)*.

В конце *(лат.)*.

Автор приводит по-французски версию, которую соотносит с сирийским источником, ссылаясь на Гейдельбергский папирус. Чтобы избежать двойного перевода и дать русскому читателю научно обоснованную версию, мы приводим фрагменты перевода А. П. Скогорева с латинского текста IV-V веков, этот перевод взят из Библиотеки Новозаветных апокрифов.